

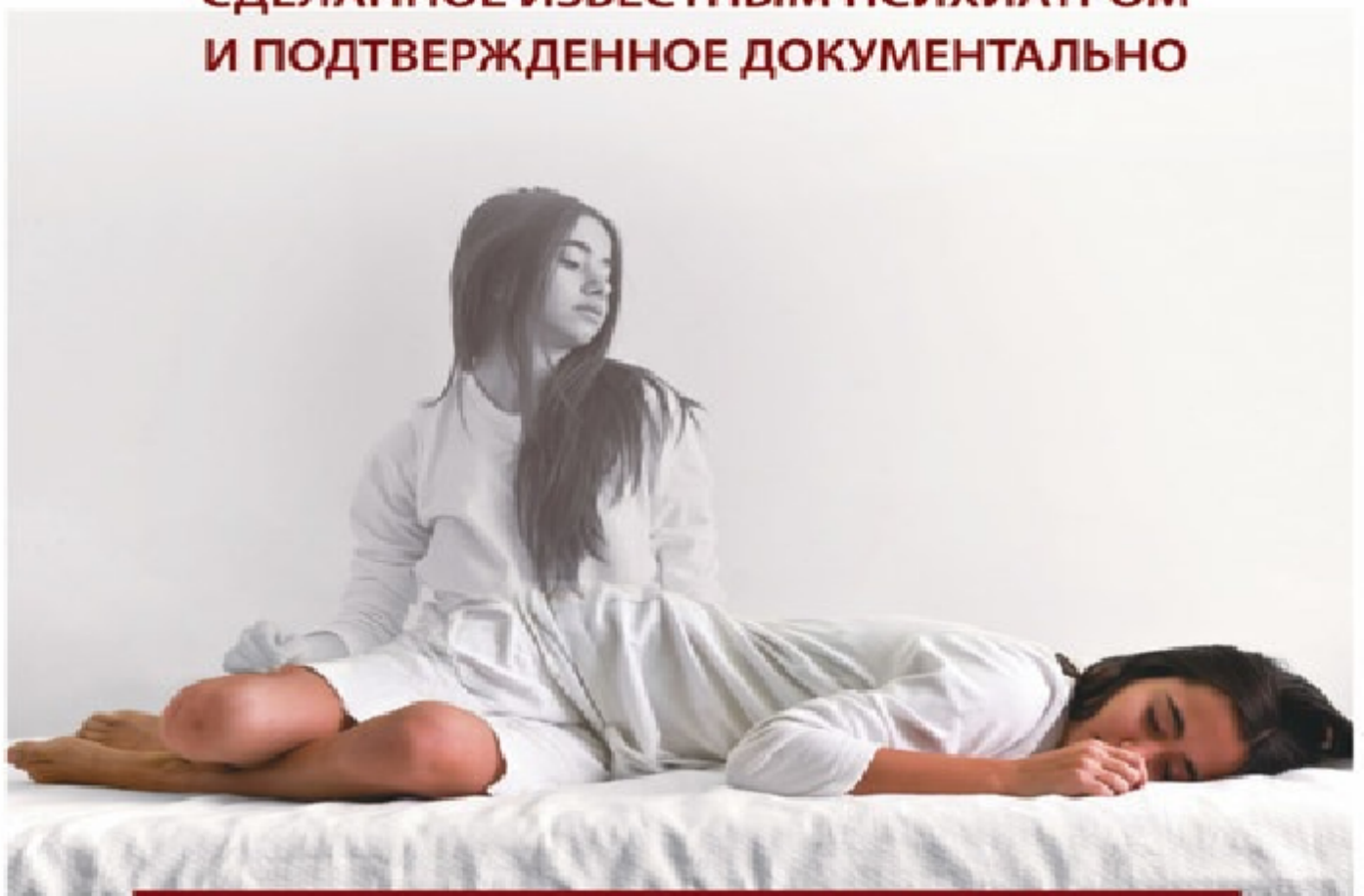
Брайан Вайсс

*Мы не умираем,
а рождаемся вновь!*

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО РЕИНКАРНАЦИИ

СДЕЛАННОЕ ИЗВЕСТНЫМ ПСИХИАТРОМ
И ПОДТВЕРЖДЕННОЕ ДОКУМЕНТАЛЬНО

Бестселлер New York Times

Брайан Вайсс

*Мы не умираем,
а рождаемся вновь!*

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО РЕИНКАРНАЦИИ

СДЕЛАННОЕ ИЗВЕСТНЫМ ПСИХИАТРОМ
И ПОДТВЕРЖДЕННОЕ ДОКУМЕНТАЛЬНО

Бестселлер New York Times

Table of Contents

[Предисловие](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Эпилог](#)

[Об авторе](#)

[Примечания](#)

Брайан Л. Вайсс

**Мы не умираем, а рождаемся вновь!
Доказательство реинкарнации, сделанное
известным психиатром и подтвержденное
документально**

Brian L. Weiss

Many Lives, Many Masters: The True Story of a Prominent Psychiatrist, His Young Patient, and the Past-Life Therapy That Changed Both Their Lives

© Brian L. Weiss, M. D., 1988

© М. Печенежская, перевод на русский язык, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Захватывающий сплав мистики и психиатрии

Эта книга соединяет психиатрию с мистикой, поиски истины с существованием жизни вечной. Читается, как захватывающий роман, и настолько увлекательна, что я просто не смог оторваться.

Гарри Прозен, д. м. н., профессор, декан факультета психиатрии медицинского колледжа Висконсина

Инновационное и высокоэффективное лечение

Эта в чем-то провокационная и прекрасно написанная книга выходит за рамки обычных книг по психотерапии и представляет собой инновационное и высокоэффективное лечение. Эта книга обязательна к прочтению тем, кто занимается психиатрией.

Эдит Фьоре, доктор философии, клинический психолог

Зависит ли наша жизнь от прошлых воплощений?

Интересная, хорошо написанная книга, которая заставляет задуматься, насколько наша нынешняя жизнь может зависеть от прошлых воплощений. Вы не сможете отложить эту книгу, не почувствовав солидарности с выводами доктора Вайсса.

Андрю И. Слаби, д. м. н, главный врач больницы Fair Oaks

К прочтению – Обязательно!

Трогательный рассказ о человеке, который переживает неожиданное духовное пробуждение. Эта мужественная книга открыла возможность

для союза между наукой и метафизикой. Необходимо прочесть, чтобы найти свою душу.

Жанна Эйвери, писательница

Читать всем сомневающимся

Захватывающая история болезни, доказывающая эффективность психотерапии прошлых воплощений. Книга станет настоящим открытием для многих, сомневающихся в возможности реинкарнации.

Ричард Сатфен, писатель

Для всех, кому тяжело

Прочтите эту книгу! Абсолютно точно, что пяти звезд недостаточно, чтобы оценить эту книгу по справедливости. Эта книга полностью изменила мои взгляды на самое важное в этой жизни – при всем желании я просто не могу воздать ей должное. Это одна из тех книг, которые я храню в нескольких экземплярах на тот случай, чтобы дать почитать кому-нибудь, кому сейчас очень тяжело, особенно тем, кто пережил смерть близкого человека или находится рядом с тем, кто при смерти. Нет ничего более эффективного при консультировании и работе со скорбью, вся беллетристика на эту тему просто рядом не стояла. Прочитайте ее, даже если в вашей жизни все прекрасно, поверьте, все станет еще лучше! Выкиньте все книги по самопомощи и купите несколько экземпляров этой книги.

Амиша Мехта

Всё еще не верите в реинкарнацию?

Это просто потрясающая книга! Всю свою жизнь я была атеисткой, несмотря на то (или благодаря тому?) что училась сначала в еврейской

школе, а затем – в христианской. На последнем курсе колледжа я решила сходить на лекции по буддизму, и меня мгновенно затянуло в эту философию. Но изучая буддизм, я уперлась в глухую стену: не могла заставить себя поверить и принять одно из основных понятий в буддизме – идею о реинкарнации. Я была сторонницей теории «ты умрешь – и на этом все». Годы никто и ничто не могло сдвинуть меня с этой точки зрения даже на время – до прошлой недели, когда я начала читать эту книгу. Менее чем за 24 часа моя точка зрения – полное неверие в реинкарнацию – изменилась на ровно противоположную: теперь я полностью убеждена в том, что реинкарнации – это правда.

Дженис Тейлор

Книга, меняющая взгляды на жизнь

Доктор Вайсс интегрирует понятия традиционной психотерапии в исследование духовного бессознательного своей пациентки. Мой взгляд на жизнь и самого себя уже никогда не будет прежним.

Джоэл Рубинштейн, д. м. н., преподаватель психиатрии в Гарвардской медицинской школе, практикующий психиатр

Благодарности

Посвящается Кэрол, моей жене, чья любовь питала и поддерживала меня всегда, сколько я себя помню. Мы вместе до конца жизни.

Мои благодарности детям, Джордану и Эми, которые простили меня за то, что я так сильно обделил их своим вниманием во время написания этой книги.

Также благодарю Николая Пашкова за транскрипцию аудиозаписей сеансов терапии.

Очень ценными стали для меня советы моего редактора, Джули Рубин, после того как она прочитала первую часть моей работы.

Сердечно благодарю Барбару Гесс, моего издателя в «Саймон энд Шустер», за опыт и храбрость.

Также я благодарен всем тем, кто помогал этой книге появиться на свет.

Предисловие

Я полностью уверен в том, что ничто не происходит без причин. Возможно, в тот самый момент, когда что-то случается, мы понятия не имеем – почему. Однако со временем и при должном терпении причины нам становятся совершенно ясны.

Так было и с Кэтрин. Впервые мы встретились в 1980 году, когда ей было двадцать семь лет. Она пришла ко мне в офис, жалуюсь на панические атаки, фобии и тревожность. Несмотря на то что все эти симптомы были у нее с детства, в течение последнего времени ей стало хуже. Она чувствовала, что ее эмоции словно парализовало. С каждым днем ей становилось все хуже, и не было сил что-либо делать. Она была в ужасе и, по понятным причинам, подавлена.

Моя же жизнь в то время, в отличие от ее, текла размеренно и спокойно. Мой брак был прочен, у нас росли двоих маленьких детишек, а моя карьера шла в гору. С самого начала казалось, что моя жизнь идет по ровной накатанной дорожке. Я вырос в любящей семье. Успех в научных делах дался мне легко, и на втором курсе я принял решение стать психитром. В 1966 году я окончил Колумбийский университет в Нью-Йорке и получил диплом Пи Бета Каппа с отличием. Затем я поступил на медицинский факультет Йельского университета и получил степень доктора медицинских наук в 1970 году. После интернатуры в медицинском центре Бельвью Нью-Йоркского университета, я вернулся в Йель, чтобы закончить свое образование в области психиатрии. После этого я получил место преподавателя в университете Питтсбурга. А два года спустя стал работать в Майами и возглавил кафедру психофармакологии. Там я получил всеобщее признание в областях биологической психиатрии и наркологии. После четырех лет работы в университете меня выдвинули на пост младшего профессора психиатрии в медицинской школе, а также назначили на должность главы психиатрического отделения большой больницы, принадлежащей университету Майами. К тому времени у меня было уже более тридцати семи публикаций по психиатрии.

Годы усердных занятий приучили меня думать как ученого и физиолога, заставив, таким образом, идти узкой тропой консерватизма в моей профессии. Я не верил тому, что нельзя было доказать традиционными научными методами. Я знал о некоторых исследованиях в области парапсихологии, которые велись в лучших университетах страны, но они не привлекали моего внимания. Все это казалось мне из области недостижимого.

А затем я познакомился с Кэтрин. В течение восемнадцати месяцев я применял базовые методы психотерапии, чтобы помочь ей справиться с болезнью. Когда я понял, что все бесполезно, то решил прибегнуть к гипнозу. Находясь в состоянии транса в течение нескольких сеансов, она вспомнила некоторые события из «прошлых жизней», которые и оказались ключом к ее выздоровлению. Она стала чем-то вроде проводника информации из «высших сфер» и с их помощью открыла некоторые тайны жизни и смерти. Всего за несколько месяцев ее симптомы исчезли, и девушка снова стала жить полной жизнью, гораздо более счастливой, чем прежде. Я был не готов к этому и был шокирован всем произошедшим.

У меня нет научного объяснения всему, что случилось. Видимо, слишком много факторов человеческого сознания остается за пределами нашего понимания. Возможно, во время гипноза Кэтрин удавалось сконцентрироваться на той части подсознания, которая хранила реальные воспоминания из прошлой жизни, а возможно, она проникла в то, что Карл Юнг назвал «коллективным бессознательным» – источник энергии, окружающий нас и содержащий воспоминания всей человеческой расы.

Ученые только начинают искать ответы на эти вопросы. Но уже сегодня ясно, что общество много получит от исследования феноменов сознания, души, жизни после смерти и влияния опыта из прошлых жизней на наше поведение в настоящем. Очевидно, что отклонения от нормы допускаются в очень узких границах, особенно в области медицины, психиатрии, теологии и философии. Научно достоверные исследования в данной области находятся в зачаточном состоянии. И несмотря на то что для получения нужной информации

предпринимаются определенные шаги, однако все происходит очень медленно и, кроме того, встречает сопротивление ученых и ряда людей консервативного толка.

На протяжении истории человечества люди всегда сопротивлялись новым идеям. Тому множество примеров. Когда Галилей открыл существование спутников Юпитера, астрономы той эпохи отказались в это верить и даже не захотели взглянуть на эти спутники, потому что признание последних шло вразрез с тем, что считалось правильным. То же самое сейчас происходит с психиатрами и другими медиками, которые отказываются принимать во внимание очевидность жизни после смерти и отвергают возможность изучения воспоминаний из прошлых жизней. Они просто закрывают на это глаза.

Настоящая книга – это мой маленький вклад в исследования, которые проводятся сейчас в области парапсихологии, особенно в те, которые касаются опыта, полученного нами до рождения и после смерти. Каждое слово, которое вы прочтете, – это правда. Я ничего не добавлял, вырезал лишь повторяющиеся части. Также я изменил имя Кэтрин, чтобы сохранить конфиденциальность.

На написание этой книги у меня ушло четыре года, то есть четыре года мне понадобилось, чтобы набраться смелости и открыть эту нетрадиционную информацию научным кругам с риском для моей профессиональной репутации.

Одним прекрасным вечером, когда я принимал душ, я вдруг почувствовал – час настал, пора написать обо всем этом. У меня было четкое ощущение, что пришло подходящее время и я не должен более скрывать эту информацию. То, что я узнал, стоило не хранить в столе, а поделиться им с остальными. Данное знание пришло ко мне через Кэтрин, и теперь я должен передать это остальным. Я понял, что ни одно из последствий не может оправдать сокрытие тех знаний о бессмертии и истинном смысле жизни, которые мне удалось приобрести. Я вылетел из душа и уселся за рабочий стол, обложившись кассетами с записями наших сеансов с Кэтрин.

Глава 1

Когда я впервые увидел Кэтрин, на ней было ярко-алое платье, она сидела в моей приемной и нервно листала какой-то журнал. Было заметно, что она почти не дышит. В течение предшествовавших двадцати минут она ходила туда-сюда по коридору перед кабинетами отделения психиатрии и всеми силами старалась убедить себя не сбежать.

Я вышел в приемную поприветствовать ее рукопожатием. Рука женщины была холодной и влажной, что подтверждало большое нервное напряжение. Несмотря на то, что два врача нашей клиники давно советовали ей обратиться ко мне за помощью, на самом деле она два месяца набиралась смелости, чтобы прийти ко мне на сеанс. И вот, наконец, она была здесь.

Кэтрин – исключительно привлекательная женщина со светлыми волосами средней длины и глазами цвета лесного ореха. В то время она работала лаборанткой в больнице, где я возглавлял отделение психиатрии, а также подрабатывала дизайном купальников. Я провел ее в офис, усадил в большое кожаное кресло. Мы сидели друг напротив друга, нас разделял только мой полукруглый стол. Кэтрин откинулась на спинку кресла и молчала, не зная, с чего начать. Я выжидал, предпочитая, чтобы она сама определилась с этим, но все же через несколько минут сам начал расспрашивать о ее прошлом. Первую встречу нам предстояло посвятить выяснению характера ее индивидуальности и с тем, что привело ее ко мне.

Отвечая на мои вопросы, Кэтрин рассказала историю своей жизни. Она была средним ребенком в семье консервативных католиков, живших в небольшом городке штата Массачусетс. Ее брат, на три года старше нее, был очень спортивным и наслаждался полной жизненной свободой. Ее младшая сестренка была любимицей обоих родителей.

Когда Кэтрин стала рассказывать о своих симптомах, то заметно напряглась и занервничала. Ее речь ускорилась, женщина вся подалась вперед и оперлась локтями на стол. Оказывается, жизнь несчастной

всегда была переполнена страхами: она боялась воды, боялась подавиться таблетками, которые ей было трудно глотать, боялась самолетов и темноты. И панически боялась смерти. А с недавнего времени ее страхи усилились. Чтобы чувствовать себя в безопасности, Кэтрин часто ложилась спать в своей гардеробной. Перед тем как заснуть, два-три часа она мучилась от бессонницы, да и приходящий за этим сон был очень поверхностным и прерывистым. Ночные кошмары и хождение во сне, которые отравляли ее детские годы, возвратились снова. День ото дня Кэтрин становилась все более подавленной.

По мере того как Кэтрин говорила, я ощутил, насколько сильны ее страдания. В течение многих лет я помогал таким же, как она, пациентам, справиться с их страхами, и был полностью уверен, что смогу помочь и ей. Я решил, что сначала мы покопаемся в ее детстве и попробуем там найти истоки проблемы. Обычно осознание некоторых моментов далекого прошлого помогает снизить уровень тревожности. При необходимости я мог бы выписать ей легкий препарат, снижающий тревожность, чтобы она чувствовала себя лучше. Это является стандартным лечением таких симптомов, как у нее, и обычно я для купирования хронических и острых приступов страхов и тревожных состояний, не колеблясь, рекомендую транквилизаторы и даже антидепрессанты. Теперь же стараюсь прописывать эти препараты очень выборочно и только время от времени, если вообще прописываю – ни одно лекарство не может устранить корень проблемы. В этом меня убедил опыт работы с Кэтрин и пациентами вроде нее. Теперь-то я знаю, как именно нужно лечить эти симптомы, а не просто снижать их силу или подавлять.

Итак, на первом сеансе с Кэтрин я ненавязчиво пытался подтолкнуть ее к воспоминаниям из детства. Она не вспомнила ни одного хотя бы мало-мальски травматичного для себя эпизода, который помог бы объяснить, откуда идет такая лавина страхов в ее жизни. Из-за того, что их у нее было на удивление мало, я подумал, что для извлечения подавленных воспоминаний можно попробовать гипноз.

Пока она пыталась заставить себя вспомнить хоть что-нибудь, в ее памяти всплыли отдельные фрагменты. Так, когда ей было примерно

пять лет, она сильно испугалась, когда кто-то столкнул ее с вышки бассейна прямо в воду. Однако она сказала, что и до того случая не любила находиться в воде. Когда Кэтрин было одиннадцать лет, ее мать впала в сильнейшую депрессию, от которой была вынуждена лечиться у психиатра с последующим применением электрошока, вследствие чего пострадала ее память. То, что произошло с мамой, сильно испугало Кэтрин, но по мере того как матери становилось лучше и она, по словам самой Кэтрин, снова становилась «собой», страхи ушли.

Отец Кэтрин был алкоголиком со стажем, и старшему брату приходилось периодически приводить его домой из местного бара. Его запои становились все чаще, что провоцировало частые драки с матерью, после чего та становилась замкнутой и подавленной. Но Кэтрин видела, что в семье это считается допустимым.

За пределами дома дела шли лучше. В старших классах она встречалась с одноклассниками и легко общалась с друзьями, большинство из которых знала уже много лет. Однако ей было трудно доверять людям, особенно тем, кто не входил в узкий круг ее друзей. Ее религия была простой и не поддававшейся сомнениям: она воспитывалась в строгих католических традициях и никогда не подвергала сомнению правдоподобность и резонность религиозных убеждений. Она верила в то, что если быть хорошим католиком, жить праведно и соблюдать все ритуалы, то человек после смерти попадет на небеса, а если нет – то в ад. Решение о том, кто куда попадет, принимают Бог-Отец и его Сын. Позже я узнал, что Кэтрин не верит в реинкарнации. Однако, очевидно, ей просто не хватало знаний об этом, хотя ей и доводилось читать кое-какую индуистскую литературу. Понятие реинкарнации просто противоречило тому, чему ее учили в семье все эти годы. Она никогда не читала метафизические или оккультные книги, – просто потому, что ее это не интересовало. В рамках своей веры она чувствовала себя в безопасности.

Окончив школу, Кэтрин два года училась в колледже и вышла из него со специальностью технического лаборанта. Вооруженная профессией и вдохновленная примером своего брата, который переехал в Тампу, Кэтрин получила работу в Майами, в больнице, принадлежащей

университету при Медицинской школе. Она переехала в Майами весной 1974-го. Тогда ей был 21 год.

Жизнь Кэтрин в маленьком городке была проще, чем та жизнь, которая открылась ей в Майами, однако она была счастлива, потому что ей удалось бежать от семейных проблем. В течение первого года жизни здесь она познакомилась со Стюартом. Он был евреем, женат, с двумя детьми и сильно отличался от тех мужчин, с которыми Кэтрин доводилось встречаться раньше. Он был успешным врачом, с сильным и агрессивным характером. Между ними возникло сильнейшее химическое притяжение, их роман был бурным и сложным. Что-то в этом мужчине пробудило в ней страсть, словно он приворожил ее. К тому моменту, когда Кэтрин начала терапию со мной, их роман со Стюартом длился шестой год и был очень даже бурным. Кэтрин не могла сопротивляться Стюарту, хотя он плохо к ней относился, а его постоянная ложь, невыполненные обещания и манипуляции приводили женщину в ярость.

За несколько месяцев до нашей встречи Кэтрин потребовалась операция по удалению узла на голосовых связках. Она очень нервничала до операции, но после того, как очнулась от наркоза в послеоперационной палате, пришла в полный ужас. Медицинскому персоналу потребовалось несколько часов для того, чтобы успокоить ее. После выписки из больницы она стала искать доктора Эдварда Пула – педиатра и очень доброго человека. Кэтрин познакомилась с ним, когда работала в больнице. Они хорошо понимали друг друга и крепко подружились за то время. Кэтрин могла свободно разговаривать с Эдом обо всем. Она рассказывала ему о своих страхах, отношениях со Стюартом, о том, что чувствует, как теряет контроль над своей жизнью. Именно он настоял на том, чтобы Кэтрин обратилась ко мне, только ко мне и более ни к кому из моих коллег. Когда Эд позвонил мне и рассказал о том, что направил ко мне свою знакомую, он добавил, что только я смогу полностью понять Кэтрин. Однако Кэтрин мне не позвонила.

Прошло восемь недель. Будучи главой отделения психиатрии, я настолько погряз в делах, что полностью забыл о звонке Эда. За это

время страхи Кэтрин усилились. Доктор Фрэнк Экер, глава хирургического отделения, был поверхностно знаком с Кэтрин – когда Фрэнк заходил в лабораторию, они частенько добродушно подтрунивали друг над другом. Так вот, Экер заметил, что в последнее время она выглядит несчастной, и чувствовал, что она напряжена. Он несколько раз хотел поговорить с ней, но не решался. Однажды днем Фрэнк ехал в небольшую больницу, чтобы прочитать там лекцию. По пути он заметил машину Кэтрин, которая направлялась домой, и, подчиняясь неосознанному порыву, догнал ее и просигналил. «Вы должны встретиться с доктором Вайссом! – проорал он через окно. – Немедленно!» Хотя хирурги часто поступают импульсивно, Фрэнк сам удивился тому, насколько тонко он все прочувствовал – у Кэтрин участились панические атаки и тревожность, став интенсивнее и продолжительнее. Женщину преследовали два повторяющихся ночных кошмара. В одном она видела, как едет на машине по мосту, который разрушается у нее под колесами; машина падает в воду, Кэтрин не может из нее выбраться и тонет. Во втором кошмаре она оказывалась в комнате, где царила кромешная тьма. Натыкаясь на разные предметы, она спотыкалась, падала, но не могла найти выход...

И наконец она пришла ко мне. Во время нашей первой встречи с Кэтрин я даже не подозревал, что моя жизнь перевернется с ног на голову, а сидящая напротив меня перепуганная, потерянная женщина станет катализатором этих перемен, и... что я никогда уже не стану прежним.

Глава 2

Прошло восемнадцать месяцев интенсивной психотерапии. Кэтрин приходила ко мне раз или два в неделю. Она была хорошим пациентом – много рассказывала о себе, делилась своими идеями и очень хотела выздороветь. В течение этого времени мы подробно разбирали ее мысли, чувства и сны. Осознание причин своего поведения помогло ей увидеть и осознать то, что происходило в ее жизни. Она вспомнила множество важных моментов из своего прошлого, например то, что ее отец – морской торговец – часто уходил из дома, а когда сильно выпивал, то впадал в беспричинную ярость. Она многое поняла о своих нестабильных отношениях со Стюартом, и стала выражать свой гнев в более приемлемых формах. Я чувствовал, что на данный момент она должна испытывать облегчение. Пациентам всегда становится лучше, когда они вспоминают неприятные вещи из своего прошлого, когда учатся узнавать и корректировать свое неконструктивное поведение, когда у них случаются озарения и они могут рассматривать свои проблемы более детально со стороны.

Но Кэтрин не стало лучше.

Приступы тревоги и паники все еще мучали ее. Повторяющиеся ночные кошмары, живые и реалистичные, продолжались; она все так же боялась темноты, воды и замкнутых пространств. Не прекратились также и приступы учащенного сердцебиения. Она все так же отказывалась от лекарств, потому что боялась впасть в зависимость от них. У меня было ощущение, что я уперся в глухую стену, и что бы я ни делал, стена оставалась неприступной, и никакие силы не помогали ее сломать. Но несмотря на то что я был в отчаянии от тщетности своих попыток, ко мне пришло чувство уверенности. Я должен помочь Кэтрин, во что бы то ни стало.

А дальше произошло нечто странное. Хотя Кэтрин ужасно боялась летать на самолете, и ей приходилось даже немного выпивать для храбрости, весной 1982 года она полетела со Стюартом на медицинскую

конференцию в Чикаго. Находясь там, она уговорила его пойти в музей искусств на выставку, посвященную египетской культуре.

Кэтрин всегда интересовалась культурой Древнего Египта, всякими артефактами и реликвиями этого периода. Она не была ученым и никогда не изучала историю этой культуры, но по какой-то странной причине ей все казалось знакомым. Когда экскурсовод начал рассказывать о каком-то из предметов, она неожиданно для себя самой стала поправлять его... и оказалась права! Экскурсовод очень удивился, а Кэтрин была ошеломлена. Откуда она это знает? Почему она была настолько уверена в своей правоте, что не постеснялась поправить представителя музея публично? Может, всплыли какие-то воспоминания из детства?

На нашей следующей встрече она рассказала мне об этом случае. Несколькими месяцами ранее я предлагал Кэтрин попробовать гипноз, но она испугалась и отказалась. Но из-за происшествия на египетской выставке она передумала и согласилась.

Гипноз – это замечательный метод, помогающий пациентам вспомнить давно забытые происшествия. В нем нет ничего мистического. Это всего лишь состояние особо острой сосредоточенности. Под чутким руководством специалиста тело пациента расслабляется, а память обостряется. Мне приходилось гипнотизировать сотни пациентов, и я знал, что этот метод помогает снизить тревожность, справиться со страхами и вспомнить то, что было давно забыто. Иногда в процессе гипнотического сеанса нам удавалось вспомнить события далекого детства, когда пациентам было по два или три года. Таким образом мы снова переживали те давно забытые травматические события, последствия которых мешали им жить нормальной жизнью сегодня. Я был уверен, что гипноз поможет Кэтрин.

Я предложил Кэтрин лечь на кушетку, прикрыть глаза и положить голову на маленькую подушечку. Для начала мы сосредоточились на ее дыхании. С каждым выдохом накопившееся напряжение и тревожность покидали ее; с каждым вдохом она все больше расслаблялась. После нескольких минут такого дыхания я попросил ее представить перед мысленным взором, как расслабляются все ее мышцы: сначала

напряжение покидает лицо и челюсти, затем – зону шеи и плеч, руки, спину и живот, и в конце концов уходит из ног. Кэтрин почувствовала, что ее тело все глубже погружается в кушетку.

Потом я попросил ее представить яркий белый свет, исходящий из темени и заполняющий все ее тело. Далее, по мере того как свет разливался по ее телу, все мышцы полностью расслаблялись, все нервы, органы ее тела оказывались в состоянии полнейшего покоя и умиротворения. Она все глубже и глубже погружалась в сон, успокаиваясь и расслабляясь. Наконец, по мере того, как я говорил, она представила, что свет заполнил ее изнутри и окутал снаружи.

Медленно я начал обратный отсчет от десяти до одного. С каждым счетом Кэтрин расслаблялась все глубже. Она входила в транс. Она концентрировалась на моем голосе, игнорируя все посторонние звуки. На счет «один» она погрузилась в относительно глубокий гипнотический транс. Весь процесс занял около двадцати минут.

И мы начали путешествие в прошлое. Я попросил ее вспомнить ранние годы. Она могла разговаривать и отвечать на вопросы, оставаясь в состоянии глубоко гипноза. Ей удалось вспомнить очень болезненный для нее случай, произошедший у дантиста, когда ей было шесть лет. Потом она вспомнила ужасное событие, произошедшее с ней в пять лет, когда ее столкнули с бортика бассейна в воду. Тогда она начала захлебываться и задыхаться, потому что наглоталась воды, и рассказывая об этом, она стала захлебываться, находясь у меня в офисе. Я внушил ей, что все закончилось и ее уже вытащили из воды. Тогда она перестала захлебываться и вновь задышала нормально.

Кэтрин все еще была в глубоком трансе. Когда ей было три года, произошло самое страшное. Она вспомнила, как проснулась в своей комнате, в полной темноте, и ее отец был там – она чувствовала его присутствие. Он тогда перебрал, и она ощущала запах перегара. Он прикоснулся к ней и стал тереть ее прямо «там». Она испугалась и стала плакать, но он грубо закрыл ей рот своей рукой. Она не могла дышать. Двадцать пять лет спустя в моем офисе Кэтрин разрыдалась. Я почувствовал, что наконец-то мы откопали ключ ко всем несчастьям. Я был уверен, что ее симптомы пройдут в одночасье. Я мягко внушил ей,

что все закончилось, что она больше не в спальне, а в кабинете, но все еще в трансе. Рывания прекратились. Я вернул ее в настоящее время, к реальному возрасту, после чего мягко пробудил ее и внушил запомнить абсолютно все, что она увидела.

Остаток сеанса мы посвятили разговорам о неожиданно всплывшем воспоминании о болезненных переживаниях, связанных с отцом. Я старался помочь ей принять и пережить эти новые воспоминания. Теперь-то она поняла все про свои отношения с отцом, про его реакции на нее, свою отчужденность и страх перед ним. Покидая офис, она все еще дрожала. Но я знал, что то, что она поняла сегодня, стоило тех неприятных ощущений, которые она пережила во время сеанса.

Я был так увлечен работой с ее подавленным болезненным прошлым, что совсем забыл спросить во время сеанса, не было ли в ее детстве чего-либо, связанного с египетской культурой, которую она так хорошо знала. Но хорошо уже хотя бы то, что она теперь знала о своем прошлом больше. Она вспомнила несколько действительно болезненных событий, и я ждал значительного улучшения ее состояния.

Однако несмотря на эти открытия, всю следующую неделю, по ее словам, симптомы оставались столь же сильными и неприятными. Я был очень удивлен. Я не мог понять, что пошло не так. Может, что-то случилось до того, как ей исполнилось три года? Мы нашли более чем достаточно причин боязни удушения, воды, темноты, замкнутых пространств, но пронизывающие душу страхи, неконтролируемая тревога все еще омрачали ее жизнь. Ночные кошмары оставались столь же ужасными и пугающими. Я решил, что в следующем сеансе гипноза нужно пойти дальше в ее прошлое.

Будучи под гипнозом, Кэтрин говорила медленным, размеренным шепотом. Поэтому я мог дословно записать то, что она рассказывала, и точно цитировать ее слова. (Многоточиями я обозначаю паузы в ее речи, а не пропуски или мою редактуру. Хотя я и убрал некоторые повторяющиеся фразы.)

Постепенно я довел Кэтрин до возраста двух лет, но ничего значительного она не вспомнила. Тогда я жестко дал ей инструкцию:

«Окажись в том времени, когда у тебя впервые возникли эти симптомы». Но я был абсолютно не готов к тому, что далее произошло.

« Я вижу белые ступени, которые ведут к зданию, большому белому зданию с колоннами спереди. Дверей нет. На мне длинное платье... длинное свободное платье из грубого материала. Мои волосы заплетены в косу. У меня длинные светлые волосы.

Я был полностью сбит с толку. Я не понимал, что происходит. Спросил, какой сейчас год и как ее зовут.

« Аронда... мне восемнадцать лет. Напротив здания я вижу рынок... там корзины... все несут корзины на плечах... мы живем в долине... воды нет... это 1863 год до Рождества Христова. Эта страна бесплодная, жаркая, везде песок. Тут есть колодец, но нет реки. Вода поступает в долину с гор.

После того как она сообщила другие топографические детали, я приказал ей перенестись на несколько лет вперед и рассказать мне, что она видит.

« Я вижу деревья и каменистую дорогу. Костер, на костре еда. У меня светлые волосы. На мне грубое коричневое платье и сандалии. Мне двадцать пять лет, у меня есть дочь по имени Клеастра ... Это Рейчел^[1] ... Очень жарко.

Мне стало страшно. У меня скрутило живот и стало знобить. Образы, о которых она рассказывала, и воспоминания были очень четкими. Она говорила так уверенно. Имена, даты, одежда, деревья – все казалось таким живым! Что это было? Как могла ее племянница из реальной жизни быть ее дочерью в прошлой? Я был полностью выбит из колеи.

Мне приходилось лечить тысячи пациентов в психиатрической лечебнице, к большинству из них я применял гипноз, но никогда не сталкивался с такими фантазиями – даже в своих мечтах. Я приказал ей идти дальше во времени – приближаясь к ее смерти. Я не был уверен в том, что правильно говорю с пациентом, погруженным в такие фантазии (или воспоминания?), но мне нужно было найти те мучительные события, в которых скрывается причина нынешних страхов и боли. События, которые случились незадолго до смерти или непосредственно перед

ней, могли быть очень неприятными. Вероятно, ее поселение уничтожил прилив или наводнение.

« Огромные волны сбивают деревья. Бежать некуда. Холодно; вода холодная. Я должна спасти свою дочь, но я не могу ... все, что я могу – это крепко прижать ее к себе. Я тону, захлебываюсь водой. Не могу дышать, не могу глотать ... вода соленая. Дочку вырвало из моих рук.

Кэтрин задыхается, ей трудно дышать.

Внезапно ее тело полностью расслабилось, дыхание стало ровным и спокойным.

« Я вижу облака... Дочь со мной. И другой ребенок из нашей деревни тоже тут. Я вижу брата.

Она отдыхала. Этот жизненный период был завершен. Она все еще пребывала в глубоком трансе. Я был удивлен. Прошлые жизни? Реинкарнации? Здравый смысл научного работника говорил мне о том, что она все это не придумала, это не было ее фантазиями. Ее мысли, выражения, внимание к деталям – все отличалось от того, какой она была в сознательном состоянии. Целая гамма психиатрических диагнозов пронеслась у меня в голове, но ее состояние и склад личности не объясняли эти открытия. Шизофрения? Нет, у нее никогда не было признаков расстройств познавательных функций или мышления. У нее никогда не было слуховых галлюцинаций типа голосов, зрительных галлюцинаций или видений наяву, а также других психотических проявлений. У нее не было бреда, она адекватно реагировала на реальность. У нее не было расщепления личности. Была одна Кэтрин, которая полностью осознавала себя и свои действия. У нее не было социопатических или антисоциальных тенденций. Она не была актрисой. Она не принимала наркотики или галлюциногены. Алкоголь она употребляла в минимальных количествах. У нее не было никаких неврологических или психических расстройств, которыми можно было бы объяснить эти живые сильные переживания во время гипноза.

Это было что-то вроде воспоминаний, но откуда? Шестым чувством я понимал, что топчусь на месте из-за того, что знаю совсем мало о реинкарнациях и воспоминаниях из прошлых жизней. Я сказал себе, что это невозможно; мое сугубо материалистическое сознание всеми силами

сопротивлялось этим мыслям. Но однако это происходило, и происходило на моих глазах. Я не мог это объяснить, но также не мог и отрицать реальность увиденного и услышанного.

«Продолжайте, – сказал я, одновременно обеспокоенный и восхищенный тем, что происходило. – Вы что-нибудь еще помните?»

И она вспомнила фрагменты двух других жизней.

« На мне черное платье с кружевами, черные кружева также украшают мою прическу. У меня темные волосы с седыми прядями. 1756 год. Я испанка. Меня зовут Луиза, и мне пятьдесят шесть лет. Я танцую, и люди вокруг танцуют... (Длинная пауза). Мне плохо. У меня жар, на мне выступает холодный пот... Плохо многим людям вокруг; они умирают... Врачи и не догадываются, что это из-за воды...

Я повел ее дальше во времени.

« Я поправилась, но голова все еще болит; глаза и голова все еще болят из-за лихорадки, от воды... Многие умирают.

Позже она призналась, что в той жизни была проституткой, но не сказала об этом сразу, потому что стеснялась. Очевидно, будучи под гипнозом, Кэтрин могла подвергать цензуре воспоминания, о которых рассказывала мне.

Так как Кэтрин узнала свою племянницу в одной из прошлых жизней, я не удержался от вопроса о том, не встречала ли она там меня. Мне было любопытно, кем был я, если был вообще, в ее воспоминаниях. Она ответила быстро – в отличие от предыдущих случаев, когда ответы ее были медленными и вдумчивыми.

« Вы – мой учитель, и вы сидите на выступе скалы. Вы учите нас по книгам. Вы старый, у вас седые волосы. На вас белое одеяние (тога) с золотой отделкой... Вас зовут Диоген. Вы изучаете с нами фигуры, треугольники. Вы очень мудрый. Но я все равно ничего не понимаю. Это 1586 год до Р.Х.^[2]

Первый сеанс был окончен. Однако впереди нас ждали еще более удивительные открытия.

Еще несколько дней я обдумывал детали этого путешествия в прошлое. Мне свойственно все обдумывать. Очень редко какие-либо детали ускользали от меня после «нормального» часа терапии, но этот

час вряд ли можно было назвать «нормальным». К тому же я очень скептически относился к понятиям жизни после смерти, реинкарнации, внетелесных переживаний и прочим подобным явлениям. В конце концов моя рациональная часть пришла к выводу, что это были фантазии. На самом деле мне трудно было бы доказать хоть что-то из того, что она говорила или описывала. Но все же у меня появилась хоть и очень смутная, но достаточно четкая мысль. «Будь открыт, – гласила эта мысль, – настоящая наука начинается с наблюдения. Ее „воспоминания“ могли и *не* быть фантазиями или игрой воображения. Что-то может быть скрыто от глаз или от других органов чувств. Будь открыт. Собери больше данных».

Еще одна мысль меня беспокоила: не испугается ли Кэтрин, которая и так подвержена страхам и тревогам, продолжать сеансы гипноза. Я решил ей пока не звонить, пусть тоже переварит пережитое. Подожду неделю.

Глава 3

Неделей позже Кэтрин снова постучалась в дверь моего офиса – она пришла на следующий сеанс гипноза. Приятно было отметить, что выглядела она как никогда прекрасно. Она радостно сообщила, что страх утонуть, который преследовал ее всю жизнь, исчез, а страх задохнуться стал значительно слабее. Ночной кошмар, где рушился мост, больше не прерывал ее сна. Но хотя она помнила детали своих прошлых жизней достаточно четко, ей все равно было трудно их принять.

Все, что касалось прошлых жизней и перевоплощений, было чуждо для ее мировосприятия, но тем не менее воспоминания были столь живыми, образы, звуки и запахи столь явственными, а понимание того, что она там была, столь четким и сильным, что поневоле она чувствовала, что действительно была там. Она даже не сомневалась в этом – столь ошеломляющим был пережитый опыт. Но ее сильно беспокоило то, как все это навалившееся знание совместить со своими убеждениями и воспитанием.

В течение недели я не раз заглядывал в свои конспекты по религиоведению, курс которого прослушал, будучи еще студентом первого курса Колумбийского университета. В Старом и Новом завете я нашел упоминания о реинкарнациях. В 325 году н. э. римский император Константин Великий вместе со своей матерью Еленой вычеркнул из Нового завета все, что касалось реинкарнаций. Второй консул Константинополя, правивший в 553 г н. э., поддержал это и объявил понятие реинкарнаций ересью. Очевидно, они опасались, что учение о реинкарнации ослабит растущую силу Церкви, потому что иначе у людей появилось бы слишком много времени на поиски путей спасения души. Однако искоренить это полностью не удалось – старейшие церковные мужи принимали это учение. Одни из первых гностиков – Клемент из Александрии, Ориген, Сен-Джером – верили в то, что они жили прежде и будут жить еще не раз.

Что касается меня, то я никогда не верил в реинкарнации. Честно говоря, я никогда о них не думал. Хотя в процессе знакомства с

религиями я встречался с учением о существовании «души» после смерти, однако эта идея казалась мне очень сомнительной.

Я был старшим из четырех братьев, все мы родились с промежутком в три года. Наша семья посещала консервативную еврейскую синагогу в Рэд Бэнк, небольшом городке на побережье близ Нью-Джерси. В кругу своих близких я выполнял функцию миротворца. Отец был самым религиозным среди нас. Он воспринимал религию всерьез, как и все в жизни. Наивысшим наслаждением для него был успех его детей в науке и профессии. Если в семье начинались какие-то неурядицы, он очень огорчался и передавал бразды правления мне. И хотя это было прекрасной подготовкой к карьере психиатра, мое детство было тяжелее, чем мне того хотелось бы, из-за непосильного груза ответственности за то, что происходило в нашем доме. Из меня получился чрезвычайно серьезный молодой человек, который привык брать на себя больше, чем нужно.

Моя мать изливала свою любовь на всех. Ничто не могло ее остановить. Она была попроще, чем отец, и потому без зазрения совести управляла нами с помощью чувства вины, изображая из себя мученицу. Но она редко позволяла себе быть мрачной, и мы всегда могли рассчитывать на ее помощь и поддержку.

Мой отец неплохо зарабатывал в должности городского фотографа, и в доме всегда было полно еды, однако на все остальное денег хватало не всегда. Мой младший брат Питер родился, когда мне было девять лет. Нам приходилось жить вшестером в нашей небольшой трехкомнатной квартирке.

Жизнь в такой тесноте была шумной и суетливой, и я всегда искал спасения в книгах. Если я не играл в бейсбол или баскетбол – две самые любимые игры в детстве, – то я читал. Я знал, что только получив хорошее образование, смогу выбраться из маленького, хотя и очень уютного, городка, поэтому всегда был первым или вторым учеником в классе.

К тому моменту, когда я стал студентом Колумбийского университета и даже получал стипендию, я уже был ответственным молодым человеком, полностью погруженным в учебу. Наука давалась мне легко. Основной

моей специализацией была химия, и я закончил обучение с отличием. После чего решил стать психиатром, потому что именно в этой области я мог удовлетворить свой интерес к научной работе и тайнам сознания человека одновременно. К тому же медицинская карьера позволила бы мне заботиться о других людях и сопереживать им.

Незадолго до этого я познакомился с Кэрл на летних каникулах в отеле Кэтскилл Маунтэйн, где я подрабатывал водителем автобуса, а она приехала отдыхать. В первый же момент мы почувствовали, что нас очень сильно тянет друг к другу, что нам хорошо и комфортно вместе. Мы стали переписываться, встречаться, влюбились друг в друга и ко времени моего поступления в Колумбийский университет были уже помолвлены. Она была яркой и очень красивой. Казалось, что все встало на свои места. Наверное, очень немногие молодые люди начинают задумываться о жизни и смерти, а также о жизни после смерти, когда все идет так гладко и хорошо, и я не был исключением из правил. Я собирался стать ученым и учился мыслить логически, бесстрастно и верить только в то, что можно было доказать.

Медицинский колледж и дальнейшая жизнь в Йеле до совершенства отточили мой научный взгляд. Мои исследования были посвящены химическим процессам, происходящим в мозге, и роли нейромедиаторов, которые являются передатчиками материи мозга.

Я примкнул к новой волне так называемых биологических психиатров – тех, что пытаются соединить в одном подходе традиционные психиатрические теории и техники с новым научным направлением – химией мозга. Я написал множество статей, выступал с докладами на местных и национальных конференциях и стал своеобразной иконой стиля в своей научной области. Возможно, я был не слишком гибок, излишне напорист и очень активен, но для врача это хорошо. Я чувствовал, что готов вылечить любого, кто придет ко мне в офис на сеанс терапии.

А потом Кэтрин стала Арондой, девочкой, которая жила в 1863 году до Рождества Христова или что-то около того. И вот она снова пришла ко мне на сеанс, еще более счастливая, чем прежде.

Я снова стал опасаться, что Кэтрин испугается продолжать лечение. Однако вопреки моим ожиданиям, она с жаром приступила к работе и быстро вошла в состояние гипнотического транса.

« Я кидаю на воду венки из цветов. Это какая-то церемония. У меня светлые волосы, заплетенные в косы. На мне коричневое с золотом платье и сандалии. Кто-то умер – кто-то из королевской семьи... похоже, что это королева-мать... Я – служанка при дворе. Мы опускаем тела в соляной раствор на тридцать дней. Тела высыхают, после чего можно вынимать внутренние органы. Я чувствую этот запах, запах мертвых тел...

Внезапно она снова вернулась к жизни Аронды, но к другому ее периоду – к тому, когда ее обязанностью была обработка тел умерших людей.

« В отдельном здании я вижу тела. Мы заворачиваем их в саван. Душа летит дальше. Ты берешь с собой все, что тебе принадлежит, чтобы подготовиться к новой и более счастливой жизни.

То, о чем она говорила, было похоже на египетские постулаты о смерти и жизни после смерти, которые в корне отличаются от всех иных религиозных учений. По представлениям данной религии, душа может все брать с собой.

Воспоминания об этой жизни закончились. На некоторое время возникла пауза, а потом Кэтрин снова оказалась в иной жизни.

« Я вижу лед везде, на стенах пещеры... скалы...

Она вскользь описала какое-то маленькое и неуютное местечко, и тут я увидел, что Кэтрин стало нехорошо. Позже она пояснила, что видела себя в этот момент.

« Я была безобразной, грязной, и от меня исходил дурной запах».

Далее она перескочила на другой эпизод.

« Я вижу какие-то строения и телегу с каменными колесами. У меня каштановые волосы, покрытые платком. На телеге солома. Я счастлива. Мой отец тоже здесь... Он обнимает меня... это... это Эдвард^[3]. Он мой отец! Мы живем в долине, где полно деревьев. В нашем саду растут оливковые и фиговые деревья. Люди пишут на листах бумаги забавными значками, похожими на буквы. Люди пишут целыми днями. Они создают

библиотеку. Это 1536 год до Рождества Христова. Эта земля бесплодна. Имя моего отца Персей.

Несмотря на то что даты не совсем совпадали, я был уверен, что это тот же эпизод, о котором она рассказывала на сеансе на прошлой неделе. Мы пошли дальше, оставаясь в той же жизни.

« Мой отец знает вас^[4], вы разговариваете о культуре, законах и правительстве. Отец говорит, что вы очень умный и что я должна вас слушаться.

Мы идем дальше.

« Отец лежит в темной комнате. Он очень стар и болен. Холодно... меня окружает пустота.

Потом она перешла к своей смерти.

« Теперь я уже старая и слабая. Моя дочь стоит у моей постели. Мой муж уже умер. Рядом муж дочери, их дети. Вокруг собралось много народу.

В этот раз она умерла спокойно. Она уплывала. Уплывала? Мне вспомнились исследования доктора Рэймонда Муди, касавшиеся опыта переживания умирания. Участники его исследования так же говорили о том, что сначала как бы уплывали, а потом что-то забрасывало их обратно в тела. Я читал эту книгу несколько лет назад и сейчас сделал себе пометку в уме перечитать ее снова. Мне было интересно, помнит ли Кэтрин что-либо еще о своей смерти, но она лишь говорила о том, что плывет – и все. Я вывел ее из состояния гипноза и закончил сеанс.

Движимый нестерпимой жаждой перечитать все когда-либо опубликованные работы, касающиеся темы прошлых жизней, я стал перекапывать все медицинские библиотеки. Я изучил все работы Яна Стивенсона, доктора медицинских наук, очень уважаемого профессора психиатрии, который работал в университете штата Вирджиния и напечатал огромное количество статей по психиатрии. Доктор Стивенсон описал более двухсот детей, у которых сохранились воспоминания и переживания из прошлых жизней. Среди них описано много случаев так называемой ксеногlossии – способности понимать и говорить на иностранном языке без специального изучения. Его описания таких примеров отличаются подробностью, детальностью, их смело можно назвать выдающимися.

Также я прочитал замечательный литературный обзор Эдгара Митчелла. С огромным интересом я изучил данные исследований, проводившихся в университете Дюка, записи профессора С. Дж. Дюкасса из университета Брауна, а также детально изучил работы доктора Мартина Эбона, доктора Элен Уомбах, доктора Гертруды Шмайдлера, доктора Фредерика Ленза, доктора Эдит Фиоре. Чем больше я читал, тем больше хотел прочитать еще. Я стал понимать, что хоть и считал себя человеком, прекрасно осведомленным обо всех аспектах работы сознания человека, знания мои были весьма ограничены. Ведь есть целые библиотеки литературы и исследований в области прошлых жизней, и лишь немногие знают об этом. Могут ли все эти авторы заблуждаться или ошибаться? Все факты говорили мне о том, что нет, но я все равно сомневался. Несмотря на огромное количество информации, буквально затопившей меня, я все еще сомневался. Но и на Кэтрин, и на меня – на каждого по-своему – этот опыт уже оказывал глубочайшее воздействие. Эмоциональное состояние Кэтрин улучшалось, а я расширял область своих знаний. Страхи Кэтрин мучали ее на протяжении многих лет, и вот наконец она почувствовала облегчение. Были ли это реальные воспоминания или столь реалистичные фантазии, но тем не менее используя их я смог помочь ей, и не собирался останавливаться на достигнутом.

Вот такие мысли на мгновение возникли у меня в голове перед тем, как мы с Кэтрин начали следующий сеанс. Перед тем как перейти к гипнозу, она рассказала свой сон об игре, в которую она играла, сидя на каменных ступенях, – игре, в которую играли на шахматной доске с дырками. Этот сон показался ей уж очень реалистичным. И тогда я предложил ей выйти за пределы границ времени и пространства и посмотреть, не берет ли начало этот сон из ее предыдущих воплощений.

« Я вижу лестницу, ведущую к башне... отсюда можно разглядеть горы и море... Я мальчик... У меня светлые волосы... очень странные волосы. Одежда на мне очень короткая, белого и коричневого цвета, сшитая из шкур животных. Наверху на башне стоят какие-то мужчины и наблюдают... Это стражники. Они все грязные. Они играют в какую-то игру типа шахмат, но не совсем. Доска круглая, а не квадратная. Фишки

похожи на кинжалы и втыкаются в дырочки, а сверху украшены вырезанными головами животных.

Я спросил ее, как называется то место, где она оказалась, и не может ли она назвать год.

« Это территория Кирустана^[5], недалеко от Нидерландов. Год примерно 1473-й. Сейчас я нахожусь в порту. Берег плавно спускается к воде... Вижу хижину. Моя мать готовит еду в глиняном горшке. Меня зовут Йохан.

Она плавно подошла к моменту своей смерти. И даже сейчас я все еще пытался найти то самое травматическое событие, которым я мог бы объяснить происхождение всех ее нынешних страхов и симптомов. Даже если эти невероятно яркие и четкие образы были фантазиями, в чем я не мог быть уверен наверняка, то, во что она верила и о чем думала, могло приоткрыть завесу происхождения ее симптомов. В конце концов мне доводилось встречать людей, которые получили глубокую психическую травму из-за сна. Некоторые из них не могли припомнить, были ли у них в детстве какие-то болезненные события на самом деле или им все приснилось, но последствия этих переживаний до сих пор отравляли их реальную жизнь.

Чего я действительно не учел, так это то, что довлеющая систематическая родительская критика может причинить больше вреда, чем одно-единственное травматическое событие. И это влияние гораздо труднее вычислить, и от него очень трудно избавиться, потому что оно проникает в нашу повседневную жизнь и становится привычным. Ребенок, которого постоянно ругают, теряет уверенность в себе, его самооценка падает так же, как и у того, кому довелось в один ужасный день пережить сильное унижение. Ребенок, чья семья находится за чертой бедности и потому не может позволить себе регулярное питание, будет страдать от тех же психологических проблем, что и ребенок, которому пришлось испытать голод в результате какого-то несчастного случая. Вскоре я пойму, что постоянное негативное воздействие нужно уметь распознавать и работать с ним так же, как и с отдельными травматическими случаями. Кэтрин начала говорить.

« Тут есть лодки, похожие на каноэ, ярко раскрашенные. Это Провиденс, или где-то рядом. У нас есть оружие – копья, пики, пращи, луки и стрелы, но все очень большое. У этих лодок очень странные весла... каждый должен грести. Мы рискуем заблудиться, уже очень темно. Ни одного огонька вокруг – мне страшно. Рядом с лодкой, в которой сижу я, есть и другие лодки^[6]. Я боюсь животных. Мы спим на грязных вонючих шкурах. Мы в разведке. У меня очень смешные туфли, похожие на мешки, они завязываются шнурками на лодыжках... и сделаны из звериных шкур... (Длинная пауза.) Чувствую жар костра на своем лице. Люди моего племени убивают других, а я нет. Я не хочу убивать. Но нож у меня в руке.

Внезапно она начала захлебываться и задыхаться. Она сказала, что человек из вражеского племени схватил ее за шею сзади и перерезал горло ножом. Перед самой смертью она увидела лицо своего убийцы. Это был Стюарт. Выглядел он по-другому, но она знала, что это именно он. На момент смерти Йохану был 21 год.

Затем она увидела, как проплывает над своим телом и наблюдает за ним со стороны. Она поднялась к облакам и почувствовала себя озадаченной и смущенной. Вскоре ее толкнули во что-то «маленькое и теплое». Она готовилась родиться.

Медленно и сонно она прошептала:

« Кто-то обнимает меня. Кто-то, кто помог мне родиться. На ней зеленое платье с белым фартуком, белая шапочка с загнутыми кверху уголками. В комнате забавные окошки... со множеством ячеек. Сам дом каменный. У моей матери длинные черные волосы. Она хочет поддержать меня. На ней смешная ночная рубашка... из грубой ткани. Мне немного больно прикасаться к ней. Очень приятно греться на солнышке... и это... моя мама... та же, которая у меня есть сейчас!

Во время предыдущего сеанса я настойчиво просил ее обращать пристальное внимание на значимых людей из прошлых жизней и посмотреть, не являются ли они кем-то из важных для нее людей нынешней жизни. Согласно исследованиям некоторых ученых, группы душ склонны перевоплощаться вместе снова и снова, прорабатывая

свою карму (долги перед собой и друг перед другом, неусвоенные уроки) на протяжении многих воплощений.

Пытаясь понять эту странную, захватывающую, скрытую от всего мира драму, которая разворачивалась на моих глазах в моем маленьком кабинете с приглушенным освещением, я жаждал подтверждения этой информации. Я ужасно хотел применить научный метод, которым успешно пользовался последние пятнадцать лет в своих исследованиях, для анализа в высшей мере необычной информации, исходившей от Кэтрин.

Между нашими встречами духовные способности Кэтрин усиливались. Она интуитивно чувствовала людей и могла предсказать события. И как показывал опыт, все было правдой. Находясь под гипнозом, она вскоре начала предугадывать мои вопросы до того, как я их задавал. Многие ее сны стали вещими.

Однажды, когда к ней в гости приехали родители, ее отец высказал свои большие сомнения относительно происходящего с ней. Чтобы доказать свою правоту, она повела его на ипподром. И там, прямо на его глазах, она стала угадывать победителя каждого заезда. Он был поражен. Убедившись в том, что отец наконец-то полностью ей поверил, она собрала все выигранные деньги и отдала первому попавшемуся им на пути нищему. Что-то подсказывало ей, что силу, которую она только что обрела, нельзя использовать для достижения финансовой выгоды. По ее мнению, этот дар был дан ей для высших целей. Она призналась мне, что была слегка напугана этим новым опытом, но в то же время ей было настолько интересно, что она сказала, будто хочет снова погрузиться в прошлые жизни. Я был шокирован и в то же время восхищен ее новыми способностями, и в особенности историей с ипподромом. Правда была очевидной. Она выиграла все заезды, и это не было совпадением. Что-то очень странное произошло за эти несколько недель, и я старался не упускать это из виду. Невозможно отрицать ее психические способности. И если они были реальными и столь наглядно доказуемыми, то можно ли предположить, что и ее воспоминания из прошлых жизней так же были правдой?

Итак, она вернулась к эпизоду со своим рождением. Казалось, что это воплощение не такое уж давнее, но она не могла назвать точно дату. Ее звали Элизабет.

« Я уже подросла, у меня есть брат и две сестры... Я вижу обеденный стол... Мой отец тоже здесь... Это Эдвард^[7]. Отец и мать снова ссорятся. На обед у нас картошка и бобы. Отец в гневе из-за того, что еда холодная. Они часто ссорятся. Отец много пьет... Он бьет мою мать^[8]. Он толкает детей. Он уже совсем не тот, что прежде. Мне он не нравится. Хочу, чтобы он ушел.

Она говорила в точности, как говорят дети.

Во время наших сеансов я задавал совсем иные вопросы, а не те, которые обычно используются в ходе традиционной терапии. Скорее я пытался быть проводником Кэтрин. Мы пытались рассмотреть целую жизнь за час или два в поисках определенных травматических событий, которые отравляли ее нынешнюю жизнь. В традиционной терапии уделяется большее внимание деталям и сеансы идут медленнее. Каждое слово, произнесенное пациентом, анализируется в поисках скрытого смысла и подтекста. Каждое выражение лица, каждое движение, каждая интонация учитываются терапевтом и анализируются. Тщательно рассматривается каждая эмоциональная реакция. Все поведенческие реакции кропотливо складываются в целую картину. На сеансах же с Кэтрин мы могли пробежать несколько лет за одну минуту, словно мчали на полной скорости по дорогам на «Инди-500» ... пытаюсь отыскать в толпе собственные лица.

Я снова вернулся к Кэтрин и попросил ее продвинуться немного вперед в этом воплощении.

« Теперь я уже замужем. В нашем доме есть одна большая комната. Мой муж – блондин. Я не знаю, кто это^[9]. У нас пока нет детей. Он очень мил со мной... мы любим друг друга и мы очень счастливы вместе.

Как видно, ей удалось ускользнуть из-под гнета родительского дома. Я спросил, может ли она назвать место, где они живут.

« Бреннингтон^[10]? Я вижу книги в забавных старых обложках. Одна из них закрывается на ремень. Это Библия. Я вижу огромные причудливые буквы. Это гаэльский язык.

Тут она произнесла несколько слов, которые я не разобрал. Был ли это гаэльский, или нет – я не знаю.

« Мы живем в глубине материка, не на побережье. Область... Бреннингтон? Я вижу ферму с овцами и свиньями. Это наша ферма.

Она пошла далее во времени.

« У нас два сына... Старший женится. Я вижу церковный шпиль... церковь очень старая, каменная.

Внезапно у Кэтрин заболела голова. Боль была сильной, из-за нее Кэтрин терла левый висок. Она сказала, что упала на каменные ступени, но потом ей стало лучше. Она умерла в очень пожилом возрасте, в своей постели, и вся семья была рядом с ней.

После смерти она снова выплыла из своего тела, но в этот раз без всякого замешательства.

« Я погружаюсь в яркий свет. Это прекрасно; он дает энергию.

Она отдыхала после смерти перед следующим воплощением. Несколько минут она сидела в тишине. Внезапно она заговорила, но уже не в прежней неспешной манере, шепотом – ее голос стал хриплым и громким, неколебимым.

« Наша задача – учиться, чтобы стать подобным Богу через знания. Мы так мало знаем. Вы здесь, чтобы учить меня, а мне надо столь многому научиться. Через знания мы приблизимся к Богу, а затем сможем отдохнуть. Затем мы вернемся, чтобы учить остальных и помогать им.

Я потерял дар речи. Это были наставления после смерти, из промежуточного состояния. Откуда она брала эту информацию? Голос ее был совсем не похож на голос Кэтрин. Она никогда не говорила в такой манере, используя данные выражения. Даже интонации в корне отличались от ее собственных.

В тот момент я еще не понял, что это не были мысли Кэтрин. Она просто повторяла то, что было сказано ей. Позже она подтвердила, что источником этих мыслей были Учителя – высокоразвитые души, не имевшие телесных воплощений. Они говорили со мной через нее. Кэтрин не только могла возвращаться в прошлое, но теперь еще и передавать информацию из потустороннего мира. Потрясающую информацию. Я приложил все свои силы, чтобы не терять сознание.

Перед нами было новое измерение. Кэтрин никогда не читала работ доктора Элизабет Кублер-Росс или доктора Рэймонда Муди, которые писали о переживаниях после смерти. Она никогда не слышала о тибетской Книге Мертвых. Но в данный момент она переживала ровно то же, что описано в этой книге. Это было своего рода доказательство. Если бы только было больше фактов, больше осязаемых деталей! Мой скептицизм растворился, но не исчезал полностью. Может, она прочитала об исследованиях состояния около смерти в журналах или слышала в интервью по телевизору. И хотя она отрицала это сознательно, возможно, в ее подсознании это осталось. Но она пошла дальше, чем могло быть описано в статьях, и транслировала сведения из этого промежуточного состояния. Если бы только у меня было больше фактов...

После пробуждения Кэтрин как обычно помнила все детали предыдущих жизней. Однако она не могла вспомнить ничего из того, что случилось после смерти Элизабет. И в будущем она ничего не будет помнить из промежуточных состояний – она будет вспоминать только прошлые жизни.

«С помощью знания мы приблизимся к Богу». Мы были на верном пути.

Глава 4

Кэтрин говорила в своей обычной полусонной манере.

„Я вижу квадратный белый домик, к которому ведет песочная дорожка. Туда-сюда разъезжают люди на лошадях. Везде деревья... Это плантация. Здесь есть большой дом и много маленьких, похожих на жилища рабов. Очень жарко... Это Юг... Южная... Вирджиния? Везде лошади и много урожая... кукуруза... табак.

Ей показалось, что это 1873 год. Она была ребенком-негритянкой по имени Эбби. Она и другие слуги едят на кухне большого дома. Вдруг у нее появилось нехорошее предчувствие, и ее тело напряглось. Большой дом горел, и она наблюдала за пожаром. Я переместил ее на 15 лет вперед, в 1888 год.

„ На мне старое платье, я мою зеркало на втором этаже дома... большого кирпичного дома со множеством окон. Поверхность зеркала неровная, волнистая, снизу у зеркала есть ручки. Хозяина дома зовут Джеймс Мэнсон. Он носит забавное пальто с тремя пуговицами и большим черным воротником. А еще у него борода. Я не узнаю его^[11]. Он хорошо ко мне относится. Я живу в имении и занимаюсь уборкой комнат. В этом имении есть школа, но меня туда не допустили. А еще я делаю масло!

Кэтрин говорила шепотом, медленно, очень простыми словами и уделяя много внимания деталям. В следующие пять минут я узнал в деталях, как делают масло. То, что знала Эбби о том, как взбивать масло, для Кэтрин тоже было внове. Я повел ее дальше во времени.

„ У меня есть мужчина, но, похоже, мы не женаты. Мы спим вместе... но мы не всегда живем вместе. Мне с ним хорошо, но в общем-то ничего особенного. Я не вижу детей. Вокруг яблони и утки. Вдалеке есть другие люди. Я собираю яблоки. У меня почему-то начинает щипать в глазах^[12]. Это дым. Ветер дует в нашем направлении... это дым от горящего дерева. Опять жгут деревянные бочки...

Кэтрин закашлялась.

« Это часто бывает. Они промазывают внутреннюю часть бочек этой черной... смолой... чтобы они не пропускали воду.

После сеанса, что был на прошлой неделе, я был очень возбужден и страстно хотел снова вывести Кэтрин в промежуточное состояние. Вот уже девяносто минут мы изучали ее жизнь в качестве служанки. Я уже знал все о том, как заправлять постель, взбивать масло и смолить бочки; но я жаждал нового урока от высших существ. Окончательно потеряв терпение, я перенес ее к моменту смерти.

« Мне тяжело дышать. Ужасно больно в груди.

Кэтрин задыхалась, было видно, что ей больно.

« Сердце болит; оно сильно бьется... Мне холодно, меня трясет^[13]! В комнате какие-то люди, они дают мне пить какую-то траву (чай). Запах забавный. Они втирают мне какую-то мазь в грудь. У меня жар... но мне очень холодно.

Она умерла тихо. Взмыв к потолку, она смотрела сверху на свое тело – тело маленькой, усохшей шестидесятилетней женщины. Она просто парила наверху, ожидая, что кто-то придет и поможет ей. Наконец она почувствовала свет, который притягивал ее к себе. Свет становился ярче, сияние усиливалось. Мы ждали молча, минуты проходили одна за другой. И внезапно она оказалась в другой жизни, за тысячу лет до Эбби.

« В этой комнате висит много чеснока, везде. Я чувствую его запах. Считается, что чеснок способен убивать всякие вредные частицы в крови и очищать тело, но есть его нужно каждый день. На улице, в саду, тоже растет чеснок. Есть и другие растения, конечно, – фиги и так далее. Эти растения помогают людям. Моя мать покупает чеснок и другие травы. Кто-то болен в нашем доме. Тут какие-то странные корешки. Иногда ты их просто кладешь в рот или вставляешь в уши или другие отверстия. Просто вставляешь и держишь там.

Кэтрин перешла на шепот.

« Я вижу старого человека с бородой. Это один из деревенских целителей. Он говорит всем, что надо делать. В деревне свирепствует что-то типа... чумы... люди умирают. Их не бальзамируют, потому что все боятся заразиться. Их просто хоронят. Людям это не нравится. Они чувствуют, что душам трудно уйти из-за этого^[14]. Но так много людей

умерло. Скот тоже мрет. Вода... затопливает все... люди болеют из-за воды^[15]. Я тоже подхватила какую-то болезнь из воды. У меня болит живот. Болезнь поражает желудок и кишечник. Организм теряет очень много воды. Я как раз пошла за водой, но ведь это она убивает нас. Я несу ее обратно. Я вижу своих братьев и мать. Отец уже умер. Братья очень больны.

Перед тем как идти дальше во времени, я сделал паузу. Я был сильно удивлен тем, как от жизни к жизни менялись ее представления о смерти и жизни после смерти. При этом ее собственные переживания после смерти каждый раз оставались неизменными. Ее сознательная часть отделялась от тела в момент смерти, всплывала вверх и затем «устремлялась к чудесному, полному энергии свету». Затем она всегда ждала, что кто-то придет и поможет ей. Душа автоматически шла далее. Бальзамирование, похоронные ритуалы и прочие посмертные процедуры никак не влияли на этот процесс. Все происходило само собой, без всяких специальных приготовлений – все равно, что выйти в открытую дверь.

« Бесплодная и сухая земля... Вокруг нет гор, только равнина, сухая и плоская. Один из моих братьев умер. Мне лучше, но желудок все еще болит.

Однако она прожила ненамного дольше своего брата.

« Я лежу на какой-то поверхности под покрывалом.

Она была очень больна, и никакие дозы чеснока и других растений не могли предотвратить ее смерть. Вскоре она уже возносилась над телом навстречу знакомому свету. Она терпеливо ждала, что кто-то придет за ней. Ее голова начала поворачиваться из стороны в сторону, словно она наблюдала за какой-то сценой. Ее голос снова стал хриплым и громким.

« Говорят, что существует множество богов, потому что Бог есть в каждом из нас.

Я узнал этот голос из промежутка между жизнями и по хрипотце, и по решительному тону, которым проговаривались духовные послания. То, что она сказала следом, было для меня словно удар под дых, словно весь воздух разом вышибло из легких.

« Твой отец здесь, и сын твой – он еще малыш. Отец сказал, что ты узнаешь его, потому что зовут его Эвром, и дочь ты назвал в его честь. Умер он из-за сердца. На сердце твоего сына также стоит обратить внимание, потому что оно перевернуто, как у цыпленка. Он пожертвовал собой из любви к тебе. Его душа очень сильна. Его смерть оплатила все долги предков. Он также хотел показать тебе, что медицина ограничена и не может объяснить все.

Кэтрин замолчала, а я сидел, оглушенный, пытаюсь осознать произошедшее. В комнате стало адски холодно. Кэтрин знала очень мало о моей частной жизни. На моем столе была детская фотография моей дочери, счастливо улыбавшейся во весь рот, в котором торчало только два зубика. Рядом была фотография моего сына. Кэтрин так ничего бы и не знала о моей частной жизни. Я был очень хорошо обучен в рамках традиционной психотерапевтической школы. Терапевт должен быть *tabula rasa* для пациента, чистым листом, на которые пациент может перенести собственные чувства, мысли и убеждения. Потом терапевт может их анализировать, расширяя таким образом у пациента область сознательного. И с Кэтрин я держал ту же дистанцию. Она знала меня только как терапевта – ничего из моего прошлого или частной жизни не было ей известно. У меня даже дипломы не висели на стенах офиса.

Самой большой трагедией в моей жизни была неожиданная смерть нашего первенца, Адама, которому было всего двадцать три дня от роду, когда он умер в начале 1971 года. Примерно через десять дней мы принесли его домой из больницы, где он лежал из-за проблем с дыханием и постоянной рвоты. Диагноз было исключительно трудно поставить. «Полная аномалия дренажа легочных артерий и дефект межпредсердной перегородки» – вот что нам сказали. «Такое случается примерно в одном из десяти миллионов случаев». Легочные вены, по которым обогащенная кислородом кровь должна возвращаться в сердце, подходили к сердцу не с той стороны. Получалось, будто сердце ребенка было перевернуто. Очень, очень редкий случай.

Сложнейшая операция на открытом сердце не помогла Адаму – он умер несколько дней спустя. Несколько месяцев мы оплакивали его, все

наши мечты и надежды были разбиты вдребезги. Джордан, который родился год спустя, был словно бальзам на наши израненные души.

Когда умер Адам, я как раз пребывал в сомнениях относительно выбора психиатрии как области развития своей карьеры. Мне нравилось мое положение в интернатуре, и мне уже предложили место врача в больнице. После смерти ребенка я твердо решил, что моей профессией будет психиатрия. Я был зол на то, что современная медицина со всеми ее возможностями и развитыми технологиями не смогла спасти моего сына.

Мой отец отличался отменным здоровьем вплоть до начала 1979 года, когда он в возрасте шестидесяти одного года перенес сердечный приступ. Приступ он пережил, но стенки сердца были сильно повреждены, и он умер три дня спустя. Это случилось за девять месяцев до нашей первой встречи с Кэтрин.

Мой отец был религиозен не столько в душе, сколько был привержен всяким ритуалам. Его еврейское имя, Эвром, подходило ему куда лучше, чем английский вариант Элвин. Через четыре месяца после его смерти родилась наша дочь Эми, и ее действительно назвали в честь него.

Сейчас на дворе 1982 год, и здесь, в моем тихом полутемном офисе, на мою голову обрушился поток оглушительной заповедной правды. Я плыл в море духовности, и мне это нравилось – я чувствовал себя как рыба в воде. Возможно, Кэтрин и не знала всего этого. Но источника, откуда она могла бы это узнать, тоже не было. Еврейское имя моего отца, то, что у меня был сын, который умер от порока сердца, встречающегося в одном из десяти миллионов случаев, мои колебания относительно медицинской карьеры, смерть отца и то, что моя дочь названа в его честь, – все это было слишком, слишком лично и слишком убедительно. Неискушенная среднестатистическая лаборантка стала проводником высшей мудрости. И если она могла знать это, что еще могло быть ей известно? Мне нужно было знать больше.

– Кто? – пробормотал я. – Кто там? Кто говорит тебе все это?

– Учителя, – шепотом отвечает она, – Высшие Духи говорят со мной. Они говорят, что у меня было восемьдесят шесть физических воплощений.

Дыхание Кэтрин замедлилось, и голова перестала вертеться из стороны в сторону. Она отдыхала. Я хотел продолжать, но поиск смысла сказанного ею отвлекал меня. Неужели у нее и правда было восемьдесят шесть прошлых жизней? И что там насчет «Учителей»? Правда ли это? Правда ли то, что нашими жизнями управляют бестелесные духи, обладающие такими обширными знаниями? И эти шаги на пути к Богу... Правда ли это? По правде говоря, сомневаться было трудно, учитывая то, что она сейчас говорила, но я все равно с трудом верил в происходящее. Мне приходилось бороться с годами убежденности в обратном. Но всем своим существом, и умом, и сердцем, я признавал, что она права. Она говорила правду.

Как же быть с моими отцом и сыном? В каком-то смысле они все еще были живы, то есть они никогда полностью не умирали. Они говорили со мной спустя годы после собственных похорон, и доказательством тому была эта сакральная информация. И если все это было правдой, – был ли мой сын тоже столь высокоразвитой душой, как говорила Кэтрин? Правда ли, что он согласился родиться у нас и затем умереть двадцать три дня спустя, чтобы мы могли расплатиться со своими кармическими долгами и вдобавок помочь мне определиться и вернуться в психиатрию из медицины? Эти мысли волновали мое сердце. Меня знобило, но несмотря на это, я чувствовал огромную любовь и связь с небесами и землей. Мне ужасно не хватало моего отца и моего сына, и я был очень рад получить от них весточку.

Моя жизнь уже не будет прежней. Какая-то рука опустилась свыше и необратимо поменяла ее течение. Все, что я прочитал и изучил столь скрупулезно и детально, встало на свои места. Воспоминания и послания Кэтрин были правдой. Интуитивные догадки относительно точности ее воспоминаний подтвердились. Вот они, факты. Вот они, доказательства.

Однако даже в этом состоянии эйфории и понимания, даже в момент этих мистических переживаний старая знакомая логическая часть моего ума начала возражать. Может, это всего лишь какие-то физические способности? Хорошо, это могло быть способностью, но это не доказывает существование воплощений или высших духов. Однако в этот раз я понимал лучше. Тысячи примеров, описанных в научной

литературе, особенно о детях, говоривших на иностранных языках, которых не знали никогда, о родимых пятнах на местах смертельных ран предыдущих жизней, опять же о детях, которые знали, где лежат сокровища, закопанные несколько веков назад в тысячах миль от них, – все это перекликалось с теми посланиями, что передавала Кэтрин. Я знал характер Кэтрин и ее мысли. Я знал, кем она могла быть, а кем – нет. Нет, мой мозг не мог меня одурачить в этот раз. Доказательства были слишком сильными и очевидными. Все это было правдой. И с каждым сеансом их могло стать еще больше.

На неделе, когда работа шла успешно, я забывал о неожиданных потрясениях того сеанса. Временами я скатывался к рутине повседневной жизни, беспокоился о самых банальных вещах. Сомнения брали верх. Казалось, что когда мой ум не сосредоточен, я возвращаюсь к старым привычкам, убеждениям и скептицизму. Но затем я напоминал себе – это действительно произошло! Я оценил, насколько трудно поддерживать веру во все это без личного опыта. Опыту необходимо, чтобы к интеллектуальному пониманию прибавилась эмоциональная убежденность. Но и впечатление от переживаний сглаживается до определенной степени.

Во-первых, я не осознавал, почему начинаю так сильно меняться. Я знаю, что был более спокойным и терпеливым, и другие говорили мне, что я выгляжу умиротворенным, отдохнувшим и счастливым. У меня появилась надежда, я был счастлив, целеустремлен и доволен жизнью. Мне показалось, что я перестал бояться смерти. Меня не пугала собственная смерть или тот факт, что я перестану существовать. Мне было не так страшно терять других, хотя, безусловно, я бы скучал по ним. Насколько же силен страх смерти! Людям приходится столько проходить, чтобы заглушить этот страх: кризисы среднего возраста, романы с людьми младше себя, косметические операции, одержимость упражнениями, накопление материальных благ, смена имени, борьба за вечную молодость и так далее.

Мы так сильно озабочены собственной смертью, что порою забываем, зачем живем.

Также я стал менее подвержен навязчивым состояниям. Исчезла потребность контролировать все и всегда. Хотя я и пытался стать менее серьезным, эти перемены давались мне нелегко – мне все еще предстояло многому научиться. Ум мой теперь был открыт для понимания того, что сказанное Кэтрин, – возможно, правда. Факты, связанные с моими отцом и сыном, невозможно было узнать обычным путем. Ее знания и способности служили доказательством ее выдающихся духовных возможностей. Имело смысл верить ей, но меня смущало обилие сведений, которое я узнал из популярной литературы. Кто эти люди, которые говорят об этих странных психических явлениях, о жизни после смерти и других паранормальных явлениях? Их кто-нибудь обучал научному наблюдению и оценке? Несмотря на мой ошеломительный опыт с Кэтрин, я знал, что мой скептический разум будет подвергать сомнению каждый новый факт, каждую новую крупную информацию. И каждый сеанс я буду проверять, вписывается ли в выстроенные мной рамки то или иное явление. Я буду изучать каждый его уголок словно под микроскопом. Но все же я не мог больше отрицать, что основа уже заложена.

Глава 5

Наш сеанс находился в самом разгаре. Кэтрин, отдохнув, стала рассказывать о зеленых статуях, которые стояли напротив храма. Мне пришлось выдернуть себя из задумчивости и послушать. Она мысленно снова перенеслась в древние времена, куда-то в Азию, но я все еще думал об Учителях. «Невероятно, – думал я, – она говорит о предыдущих жизнях, о перевоплощениях, а все же по сравнению с посланиями высших сущностей это уже не так впечатляет». Однако я уже понимал, что перед тем, как перейти в промежуточное состояние, ей необходимо прожить всю жизнь до конца. Она не могла достичь его сразу, но только в этом промежуточном состоянии она могла общаться с Учителями.

« Вижу зеленые статуи напротив огромного здания храма. Здание со шпильями, увенчанными коричневыми шарами. К храму ведут семнадцать ступеней, и после того, как ты взбираешься по ним, попадаешь в комнату. Там благоухают благовония. Все ходят босиком. Головы у всех бритые. Лица у людей круглые, глаза карие. Все темнокожие. Я тоже нахожусь там. Я поранила ступню и пришла туда за помощью. Ступня распухла; я не могу наступить на нее. Что-то застряло в ней. Они прикладывают какие-то листья к моей ступне... странные листья... таннис^[16]? Сначала мою ступню промывают. Это ритуал для богов. В моей ноге яд. Я на что-то наступила. Мое колено тоже распухло. Я ощущаю тяжесть в ноге, по ней идут какие-то полосы (от яда?). Они прорезают дырку в ступне и прикладывают что-то горячее.

Кэтрин корчится от боли. Еще ее тошнит от какого-то ужасно горького отвара, который ей дали выпить. Отвар сделан из желтых листьев. Ее вылечили, но кости в ее ступне и ноге так и не удалось восстановить окончательно. Мы продвинулись вперед во времени. Перед ее взором были только холод и бедность. Она и ее семья жили в однокомнатной лачужке, в которой даже стола не было. Ели они что-то вроде риса, какую-то кашу, но постоянно были голодны. Она быстро состарилась, прожив всю жизнь в бедности и голоде, и потом умерла. Я ждал, хотя

видел, что Кэтрин измождена. Однако до того, как я пробудил ее, она успела сообщить мне, что Роберту Джэрроду нужна моя помощь. Я понятия не имел о том, кто такой Роберт Джэррод и как я могу ему помочь. И это все.

Выйдя из транса, Кэтрин как всегда детально воспроизвела все воспоминания из этого периода жизни. Про переживания после смерти она не помнила ничего, равно как и о промежуточном состоянии, об Учителях и тех знаниях, которые они передавали через нее. Я задал ей вопрос: «Кэтрин, что для вас значит понятие „Учителя“»? Она подумала, что это относится к соревнованиям по гольфу!

Она быстро поправлялась, но все же ей было трудно совместить идею реинкарнаций со своими религиозными убеждениями. Однако я решил пока не говорить ей об Учителях. И к тому же я не знал, как именно следует сообщать кому-то о том, что он является исключительно талантливым медиумом, получающим потрясающую информацию от высших сущностей.

Кэтрин дала согласие на то, чтобы моя жена присутствовала на нашем следующем сеансе. Кэрл была прекрасно обученным социальным работником с большим опытом работы в области психиатрии, и меня интересовало ее мнение об этих невероятных событиях. После того как я рассказал ей, что Кэтрин говорила о моем отце и нашем сыне, Адаме, она прямо загорелась желанием помочь. Мне было несложно записывать каждое слово, пока Кэтрин говорила шепотом и медленно, но Учителя говорили быстрее, и я решил записать все на пленку.

Кэтрин пришла на следующий сеанс через неделю. Ей медленно, но верно становилось лучше, страхи и тревоги ослабевали. То, что она поправлялась, было очевидным, однако я все еще не мог понять, от чего именно ей становилось лучше. Она помнила, как утонула, будучи Арондой, как ей перерезали горло, пока она была Йоханом, пала жертвой эпидемии болезни, которая передавалась через воду, пока была Луизой, и все другие ужасающие события. Ей также пришлось прожить или заново пережить бедность, голод и случаи насилия в ее семье. Все вышеперечисленное стало ежедневными переживаниями, которые тоже влияют на нашу психику. Воспоминания о прошлых жизнях внесли свой

вклад в ее выздоровление. Но было вот еще что. Мог ли духовный опыт сам по себе быть целительным? Могло ли знание о том, что смерть вовсе не такова, как ее привыкли воспринимать, также способствовать выздоровлению и ослаблению страхов? Мог ли сам процесс, а не воспоминания, быть тем самым лекарством?

Психические способности Кэтрин развивались, и интуиция ее становилась все более мощной. У нее все еще оставались проблемы со Стюартом, но теперь она могла с ними справляться получше. Ее глаза сверкали, кожа мерцала. Всю неделю ей снился странный сон, но она могла припомнить лишь часть его. Ей снилось, что у нее из руки вырос красный рыбий плавник.

Быстро и легко она вошла в глубокий гипнотический транс.

« Я вижу что-то типа утеса. Я стою на нем и смотрю вниз. Моя задача – высматривать корабли, вот чем я занимаюсь... на мне какая-то синяя одежда... какие-то синие брюки... Короткие брюки и странные ботинки... черные ботинки... они застегиваются на пряжку... ботинки с пряжками, очень забавные... Я вижу, что на горизонте нет кораблей.

Кэтрин шептала это очень тихо. Я перенес ее к следующему значительному событию в этой жизни.

« Мы пьем эль, крепкий эль. Темно. У нас кружки с толстыми стенками, старые, их чинили не раз с помощью металлических деталей. В этом месте дурно пахнет, вокруг много людей. Очень шумно. Все вокруг галдят, ужасно шумно.

Я спросил, не называет ли кто-нибудь ее по имени.

« Кристиан... Меня зовут Кристиан.

Она снова была мужчиной.

« Мы просто едим какое-то мясо и пьем эль, темный и горьковатый. Они еще подсаливают его немного.

Она не смогла определить год.

« Тут все говорят о войне, о кораблях, которые осаждают некоторые порты. Но я не могу расслышать, где именно. Если бы все помолчали, можно было бы разобрать, но все говорят, поэтому слишком шумно.

Я спросил ее, где она находится.

« Хэмстед... Хэмстед. Это порт, морской порт в Уэльсе. Тут говорят по-английски.

Она перешла к эпизоду, когда Кристиан плыл на своем корабле.

« Я чувствую какой-то запах... что-то горит. Ужасный запах. Паленое дерево и что-то еще. Это запах обжигает нос... Что-то вдалеке горит... Какое-то судно. У нас начинается погрузка. Мы грузим что-то с порохом.

Кэтрин заметно оживилась.

« Какая-то штука с порохом, черная... Она пристаёт к рукам. Приходится быстро двигаться. На корабле развивается зелёный флаг... Флаг темный. На нем зелёные и жёлтые цвета и изображено что-то вроде короны с тремя точками.

Неожиданно Кэтрин скорчилась от боли и забилась в агонии.

« А-а-а-а! Рука! Рука болит! Ее пронзило что-то металлическое, горячий металл! Он прожигает меня! О-о-о!

Тут я вспомнил фрагмент ее сна, и образ красного плавника, вросшего в ее руку, стал мне понятен. Я остановил боль, но Кэтрин все еще постанывала.

« Металлические обломки... Наш корабль разбит... Мы в порту... огонь потушили... много людей убито... очень много. Я выжил, но рука болит... она пройдет со временем.

Я перенес ее далее во времени, позволив выбрать следующее значительное событие.

« Вижу что-то вроде печатного дома, издательства, там что-то печатают с помощью каменных блоков и чернил. Здесь печатают и переплетают книги... Книги в кожаных обложках, страницы сшиты кожаными нитями... Я вижу красную книгу... Что-то по истории... Названия не видно; ее еще не допечатали. Книги потрясающие. У них такие гладкие обложки, все сделаны из кожи. Это удивительные книги – по ним можно учиться.

Было очевидно, что Кристиану нравятся книги, нравится к ним прикасаться, и он очень четко понимает, что с их помощью можно учиться. При этом он кажется достаточно образованным человеком.

Я переносу Кристиана дальше, к дню его смерти.

« Я вижу мост через реку. Я уже стар... очень стар. Мне трудно ходить. Я иду через мост ... на другой берег реки. Грудь сдавило, мне больно... мне очень больно, что-то давит в груди... О-о-о!

Кэтрин начинает издавать булькающие звуки, по которым ясно, что у Кристиана начался сердечный приступ на мосту. Ее дыхание становится частым и прерывистым; лицо и шея покрылись испариной. Она начала кашлять и пытаться захватить ртом немного воздуха. Я насторожился. Было ли переживание сердечного приступа из прошлой жизни опасно в настоящем? Это было уже новой областью – никто не мог дать ответ. Наконец, Кристиан умер. Кэтрин спокойно лежала на кушетке и глубоко и ровно дышала. Я с облегчением выдохнул. Кэтрин прошептала:

« Чувствую себя свободной... свободной... Я парю в темноте... просто парю. Вокруг свет... и другие духи... другие люди...

Я спросил ее, есть ли у нее какие-либо мысли или выводы после прошедшей жизни, имея в виду ее жизнь в качестве Кристиана.

« Мне стоило бы больше прощать, но я поступал наоборот. Я не прощал людям зла, которое они мне причиняли, а следовало бы. Я не прощал ошибок. Я все держал в себе, растил обиду годами... я вижу глаза... глаза...

«Глаза? – повторил я. – Что это за глаза?»

« Глаза Душ-Учителей. Но я должна подождать. У меня есть кое-что, над чем стоит подумать.

В напряженной тиши прошли минуты.

«Как ты узнаешь, что они готовы?» – спросил я в нетерпении, нарушив тишину.

« Они позовут меня!

Прошло еще несколько минут. Затем внезапно ее голова стала метаться из стороны в сторону, а голос, хриплый и твердый, обозначил перемену состояния:

« В этом измерении много душ. Я не единственная. Мы должны быть терпеливы. Это то, чего я тоже не знала... Существует множество измерений...

Я спросил ее, была ли она тут ранее, ведь она уже много раз перевоплощалась.

« Я была в разных местах в разное время. Каждое из них – это уровень развития сверхсознательного. Куда мы попадем – зависит от нашего развития и того, насколько мы вырастем...

Она снова замолчала. Я спросил, какие уроки она должна усвоить, чтобы стать уровнем выше. Она ответила сразу же.

« Мы должны делиться своими знаниями с другими. У нас намного больше способностей, чем мы привыкли использовать. Некоторые из нас постигают это раньше, чем остальные. Еще мы должны осознать свои пороки перед тем, как подойдем к этой точке. Если вы их не осознаете, вы тащите их с собой в другую жизнь. Только мы сами можем спасти себя... от тех дурных привычек, которые нам свойственны в каком-либо из физических воплощений. Учителя не могут сделать этого за нас. Если вы выбираете борьбу, но вам не удастся спасти себя, тогда ваши пороки перейдут с вами в другую жизнь. И только когда вы почувствуете, что достаточно сильны, чтобы справиться с внешней проблемой, тогда вы избавитесь от них и в следующей жизни.

Нам также следует понять, что мы не должны всегда приближаться к людям, у которых вибрации схожи с нашими. Конечно, это нормально, когда вас влечет к себе подобным, но это не правильно. Вы должны общаться с людьми, чьи вибрации противоположны... вашим. Это очень важно... чтобы помогать... таким людям.

Нам дана сила интуиции, мы должны ей следовать и не пытаться сопротивляться. Те, кто ей сопротивляются, подвергают себя опасности. Мы приходим сюда с разных уровней и с разными силами. Кто-то обладает большей силой, чем остальные, потому что появился из другого времени. Люди создаются разными. Но в конце концов мы придем к точке, где все будут равны.

Кэтрин остановилась. Я знал, что эти мысли принадлежат не ей. У нее не было никаких знаний по физике или метафизике; она ничего не знала об уровнях, измерениях и вибрациях. Красота этих слов и мыслей, философское значение произносимого ею здесь были за рамками способностей самой Кэтрин. Она сама никогда не говорила в такой лаконичной и поэтичной манере. Я чувствовал присутствие иной, высшей

силы, которая заставляла мозг и голосовые связки Кэтрин превращать эти мысли в слова, понятные мне. Нет, это была не Кэтрин.

Ее голос стал мечтательным:

« Люди, которые находятся в коме... они находятся в подвешенном состоянии... они не готовы перейти на следующий уровень... до тех пор, пока сами не решат, хотят они идти дальше или нет. Только они сами могут принять это решение. Если они чувствуют, что всему уже научились... в физическом воплощении... тогда им позволяют идти дальше... Но если им есть еще чему учиться, они должны вернуться... независимо от того, хотят они этого или нет. Для них это отдых, время, когда их психические силы восстанавливаются.

Итак, получалось, что люди, находящиеся в коме, могут сами решать, возвращаться им или нет, в зависимости от того, сколь многому им нужно еще научиться в физическом воплощении. Если они решат, что учиться больше нечему, они сразу превращаются в духов, и современная медицина ничего тут поделывать не может. Эта информация чудесным образом затрагивала тему опубликованного в печати исследования околосмертного состояния и того, почему некоторые люди возвращаются. Остальным выбор не дается; они должны уйти, потому что им больше нечему учиться.

Конечно, всех вернувшихся в свое тело людей расспросили об их околосмертных переживаниях. И все их рассказы ошеломляюще похожи. Их словно выдергивали из их тел, и они смотрели сверху на попытки их реанимировать. Вскоре они замечали свет или светящуюся фигуру «духа» вдалеке, иногда в конце тоннеля. Боли они не чувствовали. Когда они понимали, что их задачи на Земле еще не выполнены, и они должны вернуться в свое тело, они тут же оказывались снова внутри своих тел, и к ним снова возвращались все физические ощущения, в том числе и боль.

У меня было несколько пациентов, которым довелось пережить околосмертный опыт. Наиболее интересным был случай успешного бизнесмена из Южной Африки, с которым мне удалось провести несколько сеансов два года спустя после завершения работы с Кэтрин. Когда ему было около тридцати лет, Джейкоба сбил мотоцикл в

Голландии в 1975-м, и он потерял сознание. Он помнил, как воспарил над телом и смотрел сверху на несчастный случай, заметил «скорую», доктора, осматривавшего его травмы, и растущую толпу зевак. Потом он увидел вдалеке золотой свет и, приближаясь к нему, рассмотрел монаха в коричневой сутане. Монах сказал Джейкобу, что его время еще не пришло и ему придется вернуться в свое тело. Джейкоб почувствовал, что монах очень мудрый и сильный и что он как-то связан с событиями, которые произойдут немного позже в его жизни. Молодого человека мигом зашвырнуло обратно в его тело, и в госпитале он вернулся в сознание, поначалу чувствуя адскую боль.

В 1980 году во время путешествия в Израиль Джейкоб, еврей по происхождению, посетил Пещеру Старейшин в Хевроне, которая и для евреев, и для мусульман является святыней. После происшествия в Голландии он стал более религиозным и начал чаще молиться. Неподалеку он увидел мечеть и сел помолиться рядом с мусульманами. Немного погодя он поднялся, чтобы уйти. Старый мусульманин подошел к нему и сказал: «Ты отличаешься от остальных. Другие редко присаживаются к нам, чтобы помолиться». Старик на минуту замолчал и пристально посмотрел на Джейкоба перед тем, как продолжить: «Ты видел Монаха. Не забывай то, что он сказал тебе!» Пять лет спустя, за сотни миль от места происшествия он встречает какого-то старика, который знает о его встрече с Монахом – встрече, которая произошла, пока он был без сознания!

Сидя в офисе и обдумывая последние откровения Кэтрин, я размышлял о том, как относились наши предки к тому, что люди не создаются одинаковыми. Люди рождаются со своими талантами, способностями и силами, накопленными в прошлых жизнях. «Но в конце концов все окажутся там, где все будут равны». И я подозревал, что достигнем мы этого еще только через много-много жизней.

« Мне очень неспокойно тут. Я хочу уйти... Когда придет время, я пойду.

И снова минуты побежали в тишине. Наконец, пришло то самое время. Она перешла в другую жизнь.

« Я вижу яблони... и дом, большой белый дом. Я живу в этом доме... Все яблоки гнилые и червивые... они несъедобны. Тут есть качели, качели, подвешенные за ветку дерева.

Я попросил ее взглянуть на себя.

« У меня светлые волосы, я блондинка; мне пять лет. Меня зовут Кэтрин.

Я удивился. Она попала в настоящее, она стала Кэтрин, которой было пять лет. Но ведь попала она сюда по какой-то причине.

«Здесь что-то случилось, Кэтрин?»

« Отец злится на нас... потому что нам нельзя выходить на улицу... Он бьет меня... палкой... Палка тяжелая... Мне больно... Мне страшно...

Она хныкала, как маленькая девочка.

« Он не перестанет, пока нам больно... почему он так поступает с нами? Почему он такой злой?

Я попросил ее взглянуть на свою жизнь со стороны и ответить на собственный вопрос.

Недавно я читал о тех людях, которые могли так делать. Некоторые авторы называли это «Высшим Я», или «Большим Я». Мне было интересно, сможет ли Кэтрин достичь этого состояния, если оно вообще существовало. Если она сможет это сделать, то терапевтический эффект будет очень сильным – кратчайший путь к озарениям и осознанию проблем.

« Он не хотел, чтобы мы появились на свет. Мы обуза для него. Он не хотел детей.

«И твоего брата тоже?»

« Моего брата тем более. Они его не планировали. Они еще не были женаты, когда... он был зачат.

Похоже, для Кэтрин это было новостью. Она никогда не знала о беременности до брака. Позже мать подтвердила то, что догадка Кэтрин оказалась верной.

Несмотря на то что Кэтрин подробно пересказывала свою жизнь, она проявляла ту мудрость во взгляде на жизнь, которая ранее была свойственна ей только в том промежуточном, или духовном, измерении. Каким-то образом проявилась «высшая» часть ее сознания, что-то вроде

сверхсознательного. Возможно, это было то самое высшее «Я», которое описывали другие. И несмотря на то, что прямого контакта с Учителями и их высшим знанием не было, тем не менее в своем сверхсознательном состоянии она могла получить такую скрытую информацию, как, например, история о зачатии ее брата вне брака. Будучи в обычном состоянии сознания, Кэтрин была более тревожна и ограничена, проста и поверхностна.

Однако она не могла всегда оставаться в сверхсознательном состоянии. Мне было интересно, использовали ли древние пророки и мудрецы Востока и Запада это удивительное состояние для получения сакральной информации и достижения мудрости. Если это было действительно так, выходит, мы все способны стать такими же, потому что сверхсознательное должно быть у всех. Психиатрик Карл Юнг писал о нескольких уровнях сознания. Одно из них – коллективное бессознательное, состояние, сходное со сверхсознательным Кэтрин.

Меня расстраивала непреодолимая пропасть между сознанием Кэтрин, ее пробужденным интеллектом и сверхсознательным состоянием, в котором она пребывала, входя в транс. Когда она находилась под гипнозом и ее подсознательное было активно, я мог вести с ней интереснейшие философские беседы. Однако же при пробуждении она теряла всякий интерес к философии и сопутствующим темам. Она жила каждодневными заботами и полностью забывала о том, что внутри нее живет гений.

Тем временем отец продолжал мучить ее, и причины становились все более очевидными.

«Ему предстоит выучить много уроков?» – начал я в вопросительной манере.

« Да... так и есть.

Я спросил ее, знает ли она, что ему предстоит выучить.

« Это знание скрыто от меня (Голос ее был бесстрастен и приглушен.) Мне открыто лишь то, что касается меня, что важно именно для меня. Каждый должен заниматься собой... заниматься своим ростом... полностью. Все уроки нужно учить сразу... по порядку. Только после этого

мы сможем узнать, что необходимо другому. Что ему или ей не хватает для того, чтобы быть целостным.

Она говорила это тихим шепотом, от которого веяло любовью.

Когда Кэтрин заговорила снова, к ней вернулись детские интонации.

« Меня тошнит от него. Он заставляет меня есть эту гадость, а я не хочу. Я ненавижу такую еду... латук, лук... Он заставляет меня есть это, зная, что меня вырвет. Но ему все равно!

Кэтрин начала давиться. Она пыталась заглотнуть воздуха. Я снова предложил ей посмотреть на эту сцену как бы со стороны, чтобы понять, почему он так себя ведет.

Потом она заговорила хриплым шепотом:

« Он должен заполнить пустоту внутри себя. Он ненавидит меня из-за того, что он со мной делает. Он ненавидит меня и себя.

Я уже почти забыл о том, что она подверглась сексуальному насилию в три года.

« Он должен наказать меня... наверное, я что-то сделала, раз он так поступает.

Ей было всего три года, а отец был пьян. Однако это чувство вины жило в ней с тех самых пор.

Я стал объяснять ей очевидные вещи: «Ты была лишь ребенком. Освободи себя от этой вины. Ты ни в чем не виновата. Что может совершить трехлетний ребенок? Это не твоя вина, это вина твоего отца».

« Должно быть, и меня он ненавидит. – Я знала его раньше, но мне недоступна эта информация сейчас. Я должна вернуться в то время.

И хотя уже прошло несколько часов, я тоже хотел вернуть ее в то время, когда у них были иные отношения.

Я дал ей подробную инструкцию: «Сейчас ты в глубоком трансе. Я начну обратный отсчет от трех к одному. Ты погрузишься в еще более глубокое состояние, почувствуешь себя в безопасности. Твой разум сможет вернуться в то время, когда возникла связь с отцом в твоей реальной жизни, назад к тому времени, которое оказало наисильнейшее влияние на случившееся между ним и тобой. Когда я скажу „один“, ты перенесешься в это время и вспомнишь, что происходило. Это важно для твоего лечения. Ты сможешь это! Три... два... один».

Повисла долгая пауза. Когда Кэтрин вновь заговорила, голос ее стал громким и хриплым.

« Я не вижу его... но я вижу, что тут убивают людей! Мы не имеем права грубо обрывать жизни людей до тех пор, пока они не выполнят кармические задачи. А мы делаем это. Мы не имеем права. Но их ждет более жестокое возмездие, если они останутся живы. Когда они умрут и перейдут в иное измерение, они будут страдать и там. Они не смогут найти покой. И их снова пошлют назад, но жизнь их будет очень тяжелой. И они должны будут примириться с теми, кто причинил им боль, и отомстить тем, кто обошелся с ними несправедливо. Они прерывают их жизни, и они не имеют права этого делать. Только Бог может их наказывать, а не они. Они будут наказаны.

Минута прошла в тишине. Затем Кэтрин прошептала:

« Они ушли. Духи-Учителя ушли и оставили нам еще одно послание, четкое и важное. Мы не должны убивать, независимо от обстоятельств. Только Бог может наказывать.

Кэтрин была измождена. Я решил отложить поиски ее связи с отцом и вывел ее из транса. Она ничего не помнила, кроме жизни Кристиана и маленькой Кэтрин. Она устала, но была умиротворенной и расслабленной, словно камень упал с ее плеч. Я встретился взглядом с Кэрл. Мы тоже устали. Нас била дрожь, мы вспотели, стараясь не пропустить ни слова. Мы все получили невероятный опыт.

Глава 6

На этот раз я назначил встречу с Кэтрин в конце рабочего дня, потому что теперь наши сеансы растягивались на несколько часов. Когда она пришла ко мне на следующей неделе, вид ее все еще был умиротворенным. Она говорила со своим отцом по телефону. Не вдаваясь в детали, она простила его, по-своему. Я никогда еще не видел ее такой спокойной. Быстрота излечения изумляла меня. Для пациента, страдающего от таких глубоких, хронических тревог и страхов, такое резкое улучшение было редкостью. Однако Кэтрин вряд ли можно было назвать обычной пациенткой, и тот путь, которым шло ее избавление от недуга, определенно был необычным.

Она быстро вошла в транс.

« Я вижу фарфоровую куколку, которая стоит на какой-то каминной полке. По бокам камина я вижу книги. Это комната в каком-то доме. Рядом с куклой стоят подсвечники... И картина... портрет... портрет какого-то мужчины... Это он...

Она изучала комнату. Я спросил, что она видит.

« На полу какой-то коврик... Он пушистый, как... как шкура животного, да... направо есть две стеклянные двери... которые ведут на веранду. От дома ведут четыре ступеньки – это лестница с колоннами. Она выходит на тропинку. Вокруг большие деревья... Лошади гуляют на улице. Лошади в упряжи и привязаны к столбикам.

«Ты знаешь, где это?» – спросил я.

Кэтрин глубоко вздохнула:

« Я не вижу названия, но год, год должен быть где-то обозначен... это восемнадцатый век, но я не могу сказать точнее... Вокруг деревья и желтые цветы, очень миленькие желтые цветочки. Они чудесно пахнут... у них сладкий запах... странные цветы... они большие и с черными сердцевинами.

Она остановилась, все еще разглядывая цветы. Мне это напомнило море с подсолнухами, которое я видел на юге Франции. Я спросил, какой там климат.

« Климат умеренный, но не ветреный. Тут ни тепло, ни холодно.

Точнее установить местонахождение нам не удалось. Я увел ее обратно в дом, подальше от фантастических желтых цветов, и спросил, чей портрет висит над камином.

« Не знаю... я слышу Аарона... Его зовут Аарон.

Я спросил, ему ли принадлежит этот дом.

« Нет, это дом его сына. Я работаю тут.

И снова она была служанкой. Ей никогда не удавалось достичь статуса Наполеона или Клеопатры. Те, кто сомневаются в существовании реинкарнаций, включая меня с моим научным образованием – до последних двух месяцев, – указывают на то, что великие люди перевоплощаются чаще, чем ожидается. И вот прямо тут, в моем офисе, в отделении психиатрии, передо мной предстали научные доказательства существования реинкарнаций. И даже больше, чем просто наличие реинкарнаций.

« Моя нога очень... очень тяжелая. Болит. Я практически ее не чувствую... Нога болит. Меня лягнула лошадь.

Я попросил ее взглянуть на себя.

« У меня каштановые волосы, каштановые вьющиеся волосы. На голове у меня что-то вроде чепца, да, какой-то белый чепец... на мне синее платье с белым передником... фартуком. Я молодая, но уже не ребенок. Но нога очень болит. Лошадь лягнула меня только что. Ужасно болит.

По ней было видно, что ей очень больно.

« Подкова... подкова! Она ударила меня подковой. Это очень, очень плохая лошадь!

По мере того как боль ослабевала, ее голос становился мягче.

« Я чувствую запах сена... корм для лошадей в конюшне. Здесь постоянно работают и другие люди.

Я спросил ее об обязанностях.

« Моя обязанность – прислуживать... я прислуга в большом доме. А еще я должна как-то следить за дойкой коров.

Я хотел узнать больше о хозяевах дома.

« Жена хозяина – полная женщина, одетая безвкусно. У нее две дочери... Я их не знаю.

Кэтрин предвосхитила мой вопрос о том, появлялся ли кто-либо из них в текущей жизни Кэтрин.

Я спросил о ее семье – той, которая была у нее в восемнадцатом веке.

« Не знаю; я не вижу их. Я не вижу кого-либо, кто бы был со мной.

Я спросил, живет ли она здесь.

« Да, я здесь жила, но не в основном доме. Для нас был отведен специальный, очень маленький дом. Тут есть куры. Мы собираем яйца. Они несут коричневые яйца. Мой дом очень маленький... и белый... всего одна комната. Я вижу мужчину. Я живу с ним. У него вьющиеся волосы и голубые глаза.

Я спросил, женаты ли они.

« Не в общепринятом смысле женаты, нет.

Я спросил, родилась ли она тут.

« Нет, я попала сюда, когда была маленькой. Моя семья была очень бедной.

Ее сожитель был ей не знаком. Я попросил ее перенестись к следующему значимому событию в этой жизни.

« Я вижу что-то белое... белое со множеством ленточек. Наверное, это шляпа. Что-то типа капора, но с перьями и лентами.

«На ком надета эта шляпа? Случайно не на...»

Она оборвала меня.

« На хозяйке дома, конечно! Это свадьба одной из ее дочерей. Все поместье празднует.

Я понял, что задал глупый вопрос. Затем спросил, не было ли каких-нибудь объявлений или статей об этой свадьбе в местной газете. Если бы что-то было, я попросил бы ее посмотреть на дату, напечатанную на титульном листе.

« Нет, мне кажется, здесь нет газет. По крайней мере, я не вижу ничего подобного.

Похоже, в то время трудно было достать какую-либо документацию. «Ты видишь себя на это свадьбе?» – спросил я. Она тут же ответила мне громким шепотом:

« Мы не на свадьбе, мы только смотрим, как люди приходят и уходят. Слуг на свадьбу не пустили.

«Что ты чувствуешь?»

« Ненависть.

«Почему? С вами плохо обращаются?»

« Потому что мы – бедные. И мы зависим от них. У нас так мало всего по сравнению с тем, что есть у них.

«Ты когда-нибудь покидала поместье? Или всю жизнь прожила в нем?»

« Я прожила тут всю жизнь...

Она произнесла это задумчиво. Я почувствовал грусть в ее голосе. Ее жизнь была трудна и безнадежна.

Я повел ее дальше, ко дню ее смерти.

« Я вижу какой-то дом. Я лежу в кровати, точнее, на кровати. Мне дают какое-то питье, что-то теплое. С мятным запахом. У меня ощущение тяжести в груди. Мне трудно дышать... Чувствую боль в груди и спине... Это плохая боль... Мне трудно говорить...

Она дышала прерывисто и поверхностно, преодолевая боль. После нескольких минут агонии выражение ее лица стало мягче, тело расслабилось.

« Я только что покинула свое тело. (Ее голос стал громким и хриплым.) Я вижу прекрасный свет... За мной идут какие-то люди. Они помогут мне. Чудесные люди. Они совсем не боятся... я чувствую свет.

Затем возникла длинная пауза.

«Что ты думаешь о только что закончившейся жизни?»

« Об этом позже. Сейчас мне так легко. Мне очень хорошо. Душа... душа нашла успокоение тут. Все телесные недуги остались позади. Душа умиротворена и чиста. Прекрасное чувство... прекрасное, словно солнце, бросающее свой свет на тебя. Этот свет так сверкает! Все появляется из света! Энергия появляется из этого света. Наши души сразу же отправляются туда. Там словно какой-то магнит, который притягивает нас. Это прекрасно. Это словно источник силы. Она может заживлять раны.

«Какого он цвета?»

« В нем много цветов.

Она замолчала, отдыхая в лучах этого света.

«Что ты чувствуешь?» – вмешался я.

« Ничего. Мне просто спокойно. Я среди друзей. Они все тут. Очень много людей. Кого-то я знаю, кого-то – нет. Но мы все здесь, ждем.

Она продолжала ждать, а минуты шли. Я решил ускорить процесс:

«У меня есть вопрос».

« К кому?

«К кому-нибудь – к тебе или Учителям, – ответил я. – Я думаю, что понимание одного вопроса очень поможет нам всем. Вопрос такой: можем ли мы выбирать время и место нашего рождения и нашей смерти? Можем ли мы выбирать обстоятельства нашей жизни? Можем ли мы выбирать время нашего возвращения? Мне кажется, если мы будем знать это, то сможем избавиться от множества страхов. Есть ли здесь кто-нибудь, кто может ответить на мой вопрос?»

Казалось, в комнате стало прохладно. Когда Кэтрин заговорила снова, ее голос стал более глубоким и звучным. Этот голос я раньше не слышал. Это был голос поэта:

« Да, мы сами выбираем, когда мы снова воплотимся физически и когда покинем тело. Мы знаем, когда сделали все, для чего были посланы сюда. Мы знаем, когда время выходит и когда нам надо принять свою смерть. Мы знаем, когда наступает тот самый момент, когда нам уже нечего делать здесь. Когда приходит время и когда душа успевает восстановиться и отдохнуть, тогда ей позволено выбрать очередное физическое возрождение. Те, кто сомневается, кто не уверен насчет своего возвращения назад, могут потерять свой шанс – шанс исполнить свое предназначение в физическом теле.

Я тут же понял, что это говорила не Кэтрин. «Кто говорит со мной сейчас? – спросил я. – Кто это?»

Кэтрин ответила в своей обычной манере – тихим шепотом:

« Не знаю... Это голос кого-то очень... Кого-то, кто контролирует все это, но я не знаю, кто он. Я просто слышу его голос и передаю вам то, что он говорит.

Она также знала, что это знание исходит не от нее – ни из ее сознательного, ни из подсознательного. Ни даже из сверхсознательного. Она каким-то образом слышала, а потом передавала мне слова и мысли

кого-то очень особенного, кого-то, кто «контролирует это все». Таким образом проявился еще один Учитель. Это был не тот Высший Дух, которого я слышал прежде и от которого я получал очень мудрые послания. Это было новый дух, со своим особенным голосом и стилем, очень поэтический и чистый. Этот Учитель говорил о смерти без колебаний, но голос его был наполнен любовью. Эта любовь была теплой и настоящей, и в то же время самодостаточной и всеобъемлющей. Она была полна блаженства, но не была удушающей, эмоциональной или ограничивающей. Голос приносил атмосферу любви и всеобъемлющей доброты, и мне чем-то это показалось знакомым.

Шепот Кэтрин стал громче:

« Я не верю в этих людей.

«Не веришь – в кого?» – переспросил я.

« В Учителей.

«Не веришь?»

« Нет, мне не хватает веры, поэтому моя жизнь была такой сложной. В этой жизни мне не хватало веры.

Она начала потихоньку анализировать свою жизнь в восемнадцатом веке. Я спросил, что нового она узнала в этой жизни.

« В этой жизни во мне было много злобы и негодования, и я училась побеждать свои чувства к другим людям. Мне также пришлось понять, что я не контролирую свою жизнь. Мне бы очень хотелось управлять ею, но я не могу. Я должна верить в Учителей. Они укажут мне путь. Но я не верила. Я изначально думала, что жизнь моя погублена. Я никогда не отличалась светлым взглядом на мир. Мы должны верить... мы должны верить. А я сомневалась. Я выбрала сомнение, а не веру.

Она остановилась.

«Что ты можешь сделать – или что я могу сделать, – чтобы всем было лучше? Похожи ли наши пути?» – спросил я.

Ответ пришел от Учителя, который на прошлой неделе говорил об интуитивных силах и о возвращении из комы. Голос, манера, интонации – все отличалось и от настоящей манеры Кэтрин говорить, и от манеры второго, мужественного, Учителя-поэта, с которым я только что говорил:

« Пути всех людей практически одинаковы. Все мы должны понять определенные вещи, пока находимся в физических телах. Некоторые из нас доходят до них быстрее, чем другие. Милосердие, вера, надежда, любовь... мы все должны знать об этом и знать хорошо. Это не просто отдельно взятая надежда, вера или любовь – в этом заключено столько всего! И существует столько способов их выразить! А мы лишь урываем всего понемногу...

Люди из религиозных орденов подошли к этим понятиям ближе, чем кто-либо из нас, потому что у них есть обет целомудрия и послушания. Они так много отдают и ничего не просят взамен. Остальные же просят награды – награды и поощрения за наше поведение... тогда как этих наград – наград, что мы хотим, – по сути не существует. Награда в самих наших действиях, но действиях без ожидания вознаграждения... отдавая, мы должны забыть о себе.

«Я не научилась этому», – добавила Кэтрин своим обычным мягким шепотом. На какой-то момент меня смутило слово «целомудрие», но я помнил, что оно происходит от слова «мудрость», которое значит гораздо больше, чем просто воздержание от секса.

Кэтрин продолжила.

« Но надо не переусердствовать. Все, что делается чрезмерно... сверх меры... вы поймете. На самом деле, вы понимаете.

Она снова сделала паузу.

«Пытаюсь», – ответил я и попытался сконцентрироваться на Кэтрин. Может, Учителя еще не ушли...

«Что мне лучше всего сделать для Кэтрин, чтобы помочь ей справиться со страхами и тревогами? Как помочь ей выучить ее урок? То, что мы делаем сейчас – это лучший способ? Или мне стоит что-то поменять? Или продолжать в том же духе? Что будет лучше всего для нее?»

Ответ дал Учитель-поэт, с глубоким голосом. Я не мог усидеть в кресле и подался вперед.

« То, что ты делаешь, – хорошо. Но для тебя, а не для нее.

Опять мне сказали, что я делаю что-то для своей пользы, а не для пользы Кэтрин.

«Для меня?»

« То, что мы говорим, адресовано тебе.

Оказывается, не он один говорил через Кэтрин – он сказал «мы». Определенно, в данный момент здесь присутствовало несколько Учителей.

«Могу я узнать ваши имена? – спросил я и невольно вздрогнул от того, как по-светски это прозвучало. – Мне нужна помощь. Мне столько всего нужно узнать!»

Ответ был любовным стихотворением, поэмой о моей жизни и смерти. Голос был мягким и нежным, и я почувствовал любовь, которая исходила от вселенского духа. Я внимал с благоговением.

« Время придет – и тебе укажут путь. Тебе укажут путь... в свое время. Когда ты исполнишь свое предназначение, твоя жизнь закончится. Но не раньше. У тебя впереди много времени... очень много времени.

Я чувствовал одновременно и тревогу, и облегчение. Я был рад, что он не вдавался в подробности. Кэтрин начинала беспокоиться. Она заговорила тихим шепотом.

« Я падаю, падаю... пытаюсь найти мою жизнь... падаю.

Она вздохнула, и я вслед за ней. Учителя ушли. Я обдумывал то, что услышал сегодня из этих духовных источников – это было удивительно, а информация была очень личной. Напрашивалось огромное множество выводов. Свет после смерти и жизнь после смерти; мы выбираем, когда рождаться и умирать; нас уверенно и безошибочно направляют Учителя; продолжительность жизни – это количество выученных уроков и выполненное предназначение, а вовсе не годы; милосердие, вера, надежда, любовь; самоотдача и самоотречение в действиях – это было послание для меня. Но с какой целью? Для чего я послан сюда?

Эти волнующие послания и события, градом обрушившиеся на меня в моем же офисе, отражали изменения в моей семейной и личной жизни. Эти перемены постепенно достигли моего сознания. Например, однажды, когда мы ехали с сыном на соревнования колледжа по бейсболу, попали в огромную пробку. Меня всегда раздражали пробки, а в этот раз получалось, что мы пропустим первую подачу или даже две. Я понимал, что не следует раздражаться. И я даже не обвинял неумелых водителей в том, что они создали пробку. Мышцы плеч и шеи у меня

были расслаблены. Я не позволял раздражению выплескиваться на сына, и мы просто сидели и разговаривали. Я понял, что просто хочу хорошо провести время с Джорданом в выходной, следя за игрой, которая нравится нам обоим. Целью этого дня было провести время вместе. Если бы я поддался раздражению и злости, все планы рухнули бы. Я смотрел на своего сына и жену и задавался вопросом – проводили ли мы вообще когда-либо время вместе? Было ли нашим выбором делить друг с другом горести и радости? Неужели мы бессмертны? Я почувствовал огромную любовь и нежность к ним обоим. Я понял, насколько незначительны их недостатки и ошибки. Они и правда были не важны. Только любовь имела значение. По той же причине я стал пересматривать свои недостатки. Мне, действительно, не нужно было стараться быть идеальным или все время держать все под контролем. Мне и правда не нужно было никого впечатлять.

Я радовался тому, что могу поделиться этими переживаниями с Кэрол. Мы часто разговаривали после ужина и подробно разбирали мои чувства и мысли, возникавшие по ходу сеансов с Кэтрин. У Кэрол аналитический склад ума и отличное образование. Она знала, насколько для меня важно вести работу с Кэтрин аккуратно и в научном русле, и исполняла в некотором роде роль «адвоката дьявола», чтобы помочь мне объективно смотреть на полученную информацию. Было очевидно, что Кэтрин передает нам ценнейшие истины, и Кэрол разделяла со мной мои радости и тревоги.

Глава 7

Когда на следующей неделе Кэтрин пришла на сеанс, я уже приготовил к прослушиванию удивительную запись предыдущего сеанса. В конце концов тогда она не только рассказала что-то о прошлых жизнях, но и передала целое небесное послание. Я сказал ей, что она является источником удивительной информации из околосмертного состояния, хотя может об этом ничего и не помнить. Однако слушать запись она отказалась. Стремительно выздоравливая, она находилась в счастливом состоянии, поэтому не испытывала никакой нужды слушать этот материал. Кроме того, все это было в некотором роде жутковато.

Все же я убедил ее послушать – потому что это было чудесно и вдохновляюще, и все это совершалось ею. Несколько минут она прислушивалась к своему тихому шепоту на записи, а затем потребовала, чтобы я прекратил трансляцию. Она сказала, что все это слишком странно и неприятно. И тут я вспомнил: «Это не для нее, это для тебя».

Интересно, как долго продолжатся наши сеансы, ведь ей становится лучше с каждой неделей. Только одно облачко омрачало это ясное небо. Она все еще боялась замкнутых пространств, и отношения со Стюартом оставляли желать лучшего. В остальном прогресс был очевиден.

Вот уже несколько месяцев у нас не было традиционных психотерапевтических сеансов. Но это было и не нужно. Мы обходились короткой беседой о том, что произошло на неделе, и переходили к гипнозу. То ли благодаря реальным воспоминаниям о событиях прошлого, то ли благодаря высвобождению эмоций, но Кэтрин поправлялась очень быстро. Ее фобии и панические атаки практически прекратились. Она не боялась смерти или умирания. Она больше не боялась потерять контроль. Нынче психиатры прописывают своим пациентам слоновые дозы транквилизаторов и антидепрессантов, чтобы бороться с такими же, как у Кэтрин, симптомами. Помимо приема лекарств пациенты проходят интенсивную психотерапию или посещают группы по лечению фобий. Многие врачи уверены, что такие симптомы,

как у Кэтрин, имеют биологическое происхождение и появляются из-за недостатка тех или иных веществ в той или иной области мозга.

Погружая Кэтрин в глубокий транс, я думал о том, как замечательно то, что в течение нескольких недель мне почти удалось вылечить Кэтрин без всяких лекарств, традиционной психотерапии и работы в группе. Нет, мы не подавляли симптомы и не заставляли Кэтрин жить с ними, стиснув зубы и несмотря ни на что. Мы убрали болезненные проявления, мы вылечили ее. И вот передо мной сидела сияющая, спокойная и счастливая Кэтрин, что было выше всех моих ожиданий.

Она снова начала говорить тихим шепотом.

« Я нахожусь в здании со сводчатым потолком. Своды окрашены в голубой и золотой цвета. Со мной здесь и другие люди. Они одеты в ... старые... что-то наподобие платьев, но очень старые и грязные. Я не знаю, как мы сюда попали. В комнате много людей. Тут также видны какие-то обломки, стоящие на каком-то сооружении из камня. В конце комнаты – огромная золотая фигура. Это... фигура большая и с крыльями. Очень злобная. В комнате жарко, очень жарко... Жарко потому, что комната наглухо закрыта. Мы должны держаться подальше от деревни. С нами что-то не так.

«Вы больны?»

« Да, мы все чем-то больны, но я не знаю, что это. Наша кожа умирает. Она чернеет. Мне холодно. Воздух очень сухой и застоявшийся. Мы не можем вернуться в деревню. Мы должны держаться от нее подальше. Лица некоторых людей изуродованы.

Название болезни ужасно, что-то вроде лепры. Если она и прожила славную жизнь, то мы о ней уже не узнаем.

«Как долго вы должны здесь оставаться?»

« Всю оставшуюся жизнь. Пока не умрем. Болезнь неизлечима!

«Ты знаешь, как она называется?»

« Нет, не знаю. Знаю только, что кожа высыхает и сморщивается. Я тут уже несколько лет. Некоторые только что прибыли. Пути назад нет. Нас отобрали... чтобы оставить там умирать.

Она страдала от того, что ее жизнь разрушена, и она навечно заперта в пещере.

« Мы должны добывать себе еду, охотиться за ней. Я вижу какое-то рогатое чудовище, на которое мы охотимся... Оно рогатое и коричневое, рога его огромны.

«Тебя кто-нибудь навещает?»

« Нет, никому нельзя быть поблизости, иначе они тоже пострадают. Мы наказаны ... за какое-то зло, что свершили ранее. И это наше наказание.

Ее религиозные представления менялись от жизни к жизни. Только после смерти, когда она становилась духом, к моей радости и растущей уверенности, она говорила одно и то же.

«Ты знаешь, какой это год?»

« Мы потеряли счет времени. Мы больны; мы просто ждем смерти.

«Неужели нет никакой надежды?» – я почувствовал, как мной овладевает отчаяние.

« Надежды нет. Мы все умрем. Мои руки сильно болят. Мое тело очень слабое. Я стара. Мне трудно двигаться.

«Что случится, когда ты не сможешь больше двигаться?»

« Меня перенесут в другую пещеру и оставят умирать.

«Что делают с мертвыми?»

« Замуровывают вход в пещеру.

«Вход замуровывают до того, как человек умирает?» – я пытался найти здесь разгадку ее боязни замкнутых пространств.

« Я не знаю. Я там никогда не была. Я в другом помещении с остальными людьми. Здесь очень жарко. Я лежу около стены, просто лежу.

«Для чего существует эта комната?»

« Она для поклонения... множеству богов. Здесь очень жарко.

Я повел ее дальше во времени.

« Я вижу что-то белое, я вижу что-то белое, что-то вроде балдахина. Кого-то несут.

«Это ты?»

« Я не знаю. Я очень жду смерти. У меня все тело болит.

Губы Кэтрин сжались от боли, и она вся вспотела от жары в пещере. Я перенес ее в день ее смерти. Она все так же потела.

«Тебе тяжело дышать?» – спросил я.

« Да, тут так жарко... ужасно жарко... и темно. Я ничего не вижу и не могу двигаться.

Она умирала, парализованная и в полном одиночестве, в жаркой темной пещере. Вход в пещеру уже замуровали. Она была напугана и очень несчастна. Ее дыхание участилось и стало прерывистым, и наконец, смерть милостиво забрала ее, заканчивая ее мучения.

« Я чувствую свет. И я парю... Здесь очень светло. Это прекрасно!

«Тебе все еще больно?»

« Нет!

Она замолчала.

Я ждал появления Учителей. Вместо этого ее выбросило обратно:

« Я падаю, очень быстро. Я возвращаюсь в тело!

Казалось, она так же удивлена, как и я.

« Я вижу здания, здания с круглыми колоннами. Здесь очень много этих зданий. Мы на улице. Вокруг растут деревья – оливковые деревья. Очень красиво. Мы за чем-то наблюдаем... Все носят забавные маски; маски скрывают их лица. Наверное, это какой-то праздник. Все носят длинные платья и маски... Все притворяются кем-то. Они стоят на платформе... над которой сидим мы.

«Вы смотрите спектакль?»

« Да.

«Как ты выглядишь? Посмотри на себя».

« У меня каштановые волосы, убранные в косу.

Она замолчала. Это описание ее внешности, а также оливковые деревья на улице, напомнили мне жизнь Кэтрин в Греции за полторы тысячи лет до Рождества Христова, когда я был ее учителем Диогеном.

Я решил узнать подробнее.

«Ты можешь назвать дату?»

« Нет.

«Есть ли там люди, известные тебе?»

« Да, мой муж сидит рядом с обезьяной. Я не знаю его [\[17\]](#).

«У вас есть дети?»

« Я сейчас ношу ребенка.

Очень интересным было то, как она подбирала слова – в несколько устаревшей манере, совсем не в том стиле, который был ей свойствен в настоящем.

«Твой отец там?»

« Я не вижу его. Вы тоже есть где-то там... но не со мной.

Итак, я был прав. Мы снова вернулись на тридцать пять веков назад.

«Что я там делаю?»

« Вы просто смотрите, но в то же время учите. Вы учите... Мы все учимся у вас... Квадраты, круги и прочие забавные штуки. Вы там Диоген.

«Что еще ты знаешь обо мне?»

« Вы старый... Мы каким-то образом связаны... Вы брат моей матери.

«Ты знаешь других членов моей семьи?»

« Я знаю вашу жену... и ваших детей. У вас есть сыновья. Двое из них старше меня. Моя мать умерла; она умерла очень молодой.

«Ты росла с отцом?»

« Да, но теперь я замужем.

«Ты ждешь ребенка?»

« Да. И я боюсь. Я не хочу умереть во время родов.

«Так произошло с твоей матерью?»

« Да.

«И ты боишься, что то же самое случится и с тобой?»

« Это так часто случается.

«Это твой первый ребенок?»

« Да. И я боюсь. Он скоро родится. Я очень большая. Мне трудно двигаться... Холодно.

Она сама перескочила в другое время. Ребенок должен был бы вот-вот родиться. У Кэтрин никогда не было детей, а я никогда не принимал роды за все четырнадцать лет моей медицинской практики.

«Где ты сейчас?»

« Я лежу на чем-то каменном. Мне холодно. Мне больно... Кто-то должен помочь мне. Кто-нибудь, помогите мне!

Я велел ей дышать глубже; тогда ребенок родится без боли. Она пыхтела и рычала одновременно. Еще несколько минут тяжелого труда – и ребенок появился на свет. Родилась дочка.

«Теперь тебе лучше?»

« Я очень слаба... столько крови вокруг!

«Ты уже знаешь, как назовешь дочку?»

« – Нет, я слишком устала... дайте мне ребенка!

«Вот она, – я импровизировал, – твоя маленькая девочка».

« Да, мой муж очень рад.

Она была без сил. Я предложил ей немного вздремнуть, чтобы проснуться с новыми силами.

Через одну-две минуты я пробудил ее ото сна:

«Теперь тебе лучше?»

« Да... я вижу животных. Они что-то несут на своих спинах. Корзины. Все корзины заполнены доверху ... едой... какими-то красными фруктами.

«Тебе нравится этот край?»

« Да, здесь много еды!

«Ты знаешь, как он называется? Что ты отвечаешь, когда путник спрашивает у тебя название местности?»

« Катения... Катения!

«Похоже на название греческого города», – предположил я.

« Не знаю... а вы знаете? Вы уезжали отсюда и возвращались. А я никогда.

Вот это поворот. Так как в той жизни я был ее дядей – а значит, старше и мудрее ее, – то она спрашивала меня, знаю ли я ответ на собственный вопрос. Но, увы, у меня не было доступа к этой информации.

«Ты всю жизнь прожила в этой деревне?»

« Да. Но вы путешествовали, поэтому вы знаете, чему учите. Вы путешествовали. Путешествовали, чтобы изучать землю... изучать разные торговые пути и наносить их на карту... Вы старый. Вы странствуете с молодыми людьми, так как понимаете чертежи и карты. Вы очень мудрый.

«О каких картах ты говоришь? О картах звездного неба?»

« Вы... вы понимаете символы. Вы помогаете им делать... делать карты.

«Узнаешь ли ты других людей из этой деревни?»

« Нет, я их не знаю... я знаю только вас.

«Хорошо. И какие у нас отношения?»

« Очень хорошие. Вы очень добрый. Мне нравится даже просто сидеть рядом с вами; мне так хорошо... Вы очень помогли нам... Вы помогли моим сестрам.

«Однако приближается время, когда я вас покину... ведь я очень стар».

« Нет.

Она не была готова столкнуться с моей смертью.

« Я вижу хлеб, ровный, очень ровный и тонкий.

«Люди едят хлеб?»

« Да, мой отец ест хлеб, и мой муж, и я. И все остальные люди тоже.

«И что за повод?»

« Какой-то... какой-то праздник.

«Твой отец там?»

« Да.

«А твой ребенок?»

« Тоже здесь, но не со мной. Она с моей сестрой.

«Посмотри попристальнее на свою сестру», – предложил я, думая, что она может узнать кого-то из близких или значимых людей в нынешней жизни.

« Смотрю. Я не знаю ее.

«Ты узнаешь своего отца?»

« Да... да... Эдвард. Вокруг растут фиги и оливки... И красные фрукты. На столах тонкий хлеб. Люди зарезали овцу. И теперь они жарят ее мясо.

Повисла длинная пауза.

« Я вижу что-то белое...

Она снова переместилась во времени.

« Белое... квадратный ящик. Туда кладут людей, когда они умирают.

«В таком случае, кто-то умер?»

« Да... мой отец. Мне неприятно смотреть на него. Я не хочу его видеть.

«А тебе приходится смотреть на него?»

« Да. Его заберут, чтобы похоронить. Мне очень грустно.

«Да, понимаю... сколько у тебя детей?» – мой внутренний интервьюер не позволял ей впасть в тоску.

« Трое. Два мальчика и одна девочка.

Обстоятельно ответив на мой вопрос, она вернулась к своему горю.

« Они чем-то накрыли его тело, каким-то покрывалом...

«А я тоже уже умер?»

« Нет. Мы пьем вино, вино в чашах.

«Как я сейчас выгляжу?»

« Вы очень-очень старый.

«Тебе уже лучше?»

« Нет. Когда вы умрете, я останусь совсем одна.

«Ты пережила своих детей? Они позаботятся о тебе».

« Но вы столько всего знаете.

Она говорила совсем как маленькая девочка.

«Ты справишься. Ты тоже много всего знаешь. Все будет хорошо, – я успокоил ее, и она успокоилась. – Теперь тебе спокойнее? Где ты сейчас?»

« Не знаю.

Она внезапно перешла в состояние духа, хотя не пережила свою смерть в текущем периоде. На этой неделе мы рассмотрели очень детально два ее земных воплощения. Я ждал появления Учителей, но Кэтрин продолжала отдыхать. Подождав несколько минут, я спросил, может ли она поговорить с Духами-Учителями.

« Я еще не достигла этого плана. Пока я до него не доберусь, я не могу говорить с ними.

Но она так и не вошла в это состояние. Подождав еще довольно длительное время, я вывел ее из транса.

Глава 8

Со дня нашей последней встречи прошло три недели. Я был в отпуске. Лежа на тропическом пляже, я все время об этом думал, как бы со стороны рассматривая все, что происходило с Кэтрин: перемещение в прошлые жизни под гипнозом, детальное описание объектов, процессов и фактов, которые были в реальной нынешней жизни ей неизвестны; улучшение ее здоровья за счет этого перемещения – улучшение, которого не удавалось добиться путем традиционной психотерапии в течение первых восемнадцати месяцев; пугающе точные послания из состояния после смерти, духовного состояния, содержащие информацию, недоступную ей в реальной жизни; духовная поэзия, учения об измерениях, жизнях после смерти, о рождении и возрождении – все, о чем говорили Духи-Учителя.

Конечно, тут было, над чем подумать. За годы практики я лечил сотни, если не тысячи, пациентов и видел все возможные эмоциональные расстройства. Я возглавлял стационарные отделения в четырех крупнейших медицинских институтах, провел годы в отделениях скорой психиатрической помощи, стационарах и других заведениях, занимаясь осмотром и лечением пациентов. Я знал все о зрительных и слуховых галлюцинациях, иллюзиях при шизофрении. Мне приходилось лечить пациентов с расстройствами восприятия границ тела и психопатией, включая расщепленные и множественные личности. Я обучал людей в рамках программы борьбы со злоупотреблением алкоголем и наркотиками, проводимой Национальным Институтом по борьбе с наркоманией, и был близко знаком со всеми возможными воздействиями наркотиков на мозг.

У Кэтрин не было ни одного из вышеперечисленных симптомов. То, что происходило у нас на сеансах, не являлось проявлением психического заболевания. Она не была в пограничном состоянии, не находилась в отрыве от реальности и никогда не страдала от галлюцинаций (когда слышишь или видишь то, чего нет на самом деле) или иллюзий (фальшивых убеждений). Она не употребляла наркотики и

не была социопаткой. Личность ее была далеко не истероидного типа, и тенденций к расщеплению личности у нее не было. Иными словами, она полностью осознавала то, что делала или говорила, не действовала «на автопилоте» и никогда не обладала расщепленной или множественной личностью. То, что она говорила на сеансах, выходило за рамки ее способностей в сознательном состоянии, и по содержанию, и по стилю. Что-то было за гранью психических возможностей, например упоминания отдельных моментов моего прошлого (например, то, что она говорила о моем отце и сыне), а также ее собственного прошлого. Она говорила то, что не могла знать и не могла нигде услышать в ее настоящей жизни. Эти знания, как и всё, что она переживала, были не типичны для ее культуры, воспитания и противоречили большинству ее убеждений.

Кэтрин представляла собой относительно простую и честную женщину. Она не являлась глубоким специалистом и потому не могла открывать и изучать какие-то факты, детали, исторические события и поэзию, которые доносила нам. Как психиатр, человек науки, я был уверен, что все это исходило из какой-то части ее бессознательного. И без сомнений, все это было реально. Та информация, которую она сообщала, была слишком точной и специфичной, находящейся за пределами ее возможностей.

Я задумался над терапевтической целью изучения прошлых жизней Кэтрин. Как только мы перешли в этот новый для нашей работы пласт, ее состояние начало стремительно улучшаться и без всяких лекарств. Видимо, в этом заключается мощная терапевтическая сила – гораздо более эффективная, чем современная традиционная терапия или новейшие лекарства. Целебное действие воспоминаний и проживания эпизодов, нанесших сильную психологическую травму человеку, помогают восстанавливать наше тело, ум и эго. Задавая вопросы при наших исследованиях разных жизней, я пытался найти наиболее типичные для всех воплощений Кэтрин способы нанесения такого вреда – например постоянное эмоциональное или физическое насилие, бедность и голод, болезни или увечья, постоянные преследования или предубеждения, повторяющиеся неудачи и так далее. Также я выискивал

наиболее запомнившиеся ей трагические события, такие как болезненные ощущения смерти, изнасилование, массовые катастрофы или другие ужасные события, которые могли оставить свой глубокий след. Технически это было то же самое, что исследование детства в традиционной психотерапии – за исключением событий, происходивших несколько тысяч лет назад, а не десять-пятнадцать лет, как обычно. Поэтому мои вопросы были более конкретными, более точными и направляющими, чем принято в терапии. Успех нашего нетрадиционного исследования был очевиден. Она (так же, как и те, кого я буду лечить с помощью гипноза в будущем) поправлялась с невообразимой скоростью.

Но существовали ли иные объяснения воспоминаниям Кэтрин из прошлых жизней? Возможно ли, что эти воспоминания сохранились в ее генах? Такая вероятность была довольно низкой. Для генетических воспоминаний необходимо наличие неизменного объема генетического материала, передаваемого из поколения в поколение. Кэтрин жила в различных частях света, и ее наследственность постоянно прерывалась: она тонула при потопе со своим потомством, либо вообще не имела детей, либо умирала слишком молодой. Ее генетические данные прерывались и не передавались далее. А что же насчет ее существования после смерти и в промежуточном состоянии? Там у нее не было тела, а следовательно, и генетического материала. А воспоминания продолжались. Нет, генетическую версию следует исключить.

Как же насчет идеи К.Г. Юнга о коллективном бессознательном,местилище всех воспоминаний и опыта человечества, который только можно представить? Разные культуры подчас содержат схожие символы, даже если речь идет о снах. Согласно учению Юнга, коллективное бессознательное не формируется отдельными людьми, но каким-то образом «наследуется» структурами мозга. Оно включает в себя мотивы и образы, которые вновь и вновь появляются в каждой культуре, безотносительно исторической традиции и распространенности. Я думал, что воспоминания Кэтрин слишком специфичны для того, чтобы объяснять их концепцией Юнга. В них не было универсальных образов,

мотивов или символов. Скорее они касались описания отдельных людей или мест. Идеи ученого слишком расплывчаты. Кроме того все еще оставалось промежуточное состояние, которое необходимо было учитывать. Так или иначе, учение о реинкарнациях объясняло все наиболее полно.

Знания Кэтрин были не только детальными и особенными, но, что более удивительно, превосходили возможности ее сознания. Она знала то, что нельзя было почерпнуть из книг, а затем забыть на время. Также она не могла это узнать в детстве, а затем подавить или вытеснить из сознания. А как же насчет Учителей и их посланий? Они говорили через Кэтрин, но информация не принадлежала ей. Также их мудрость отражалась в воспоминаниях Кэтрин о прошлых жизнях. Я знал, что эти послания и эта информация были достоверными. И знал я это не только потому, что много лет работал с людьми и их сознанием, мозгом и личностью, а чувствовал интуитивно, даже до того, как прозвучал рассказ о моем отце и сыне. Я был уверен в правдивости всего, что слышал от Кэтрин.

Несмотря на трехнедельный перерыв Кэтрин быстро погрузилась в глубокий транс. Она переместилась в другое тело, в другое время.

« Я вижу горшки, наполненные каким-то маслом. В этих горшках разные масла. Похоже, что это какой-то склад или хранилище. Горшки красные... красные... они сделаны из какой-то красной глины. У них голубые окантовки, голубые окантовки вокруг горлышек. Вижу мужчин... группу мужчин в пещере. Они переставляют горшки и сосуды, вытаскивают и складывают в определенное место. Их головы обриты. Их кожа коричневая... у них коричневая кожа...

«Ты тоже находишься там?»

« Да, я закупориваю некоторые горшки... каким-то воском... да, я запечатываю горловины горшков воском.

«Ты знаешь, для чего используются эти масла?»

« Нет, не знаю.

«Ты видишь себя? Взгляни на себя. Расскажи мне, как ты выглядишь?»

Она замолчала, разглядывая себя.

« У меня коса... мои волосы заплетены в косу. На мне надето какое-то длинное платье. Подол его обшит золотой тесьмой.

«Ты работаешь на этих священников – или просто мужчин – с обритыми головами?»

« Закупоривать горлышки горшков воском – моя работа. Это моя работа.

«Но ты не знаешь, для чего предназначены эти горшки, так?»

« Похоже, они используются в каких-то религиозных ритуалах. Но я не уверена... не уверена в этом. Наверное, их используют для помазания... им мажут головы и руки. Я вижу птицу, золотую птицу у себя на шее. Она плоская. У нее плоский хвост, очень плоский хвост... а голова свисает аж до моих ног.

«До ног?»

« Да, ее носят именно так. Тут еще есть черное... черное липкое вещество. Я не знаю, что это.

«Где оно?»

« Оно в мраморной коробочке. Его они тоже используют, но я не знаю, для чего...

«Есть ли в этой пещере что-то, что ты можешь прочесть и сказать мне название страны или местности, где ты живешь, и дату?»

« На стенах нет ничего. Они чистые. Я не знаю названия.

Я перенес ее дальше во времени.

« Вижу белый кувшин, какой-то белый кувшин. Ручка наверху золотая, вероятно, это какое-то золотое покрытие.

«Что в этом кувшине?»

« Какие-то благовония. Они нужны для перехода в иной мир.

«Ты сейчас переходишь в мир иной?»

« Нет! Никто из тех, кого я знаю, не переходит.

«Это тоже твоя работа? Готовить людей к этому переходу?»

« Нет, это должен делать священник. Не я. Мы просто помазываем их маслами и благовониями...

«Примерно сколько тебе лет сейчас?»

« Шестнадцать?

«Ты живешь с родителями?»

« Да, в каменном доме, похожем на каменный колодец. Он не очень большой. Но в нем очень жарко и сухо. Климат здесь очень жаркий.

«Зайди в дом».

« Я уже там.

«Ты видишь там членов своей семьи?»

« Вижу своего брата, маму и ребенка, чьего-то ребенка.

«Это твой ребенок?»

« Нет.

«Что для тебя имеет наибольшее значение сейчас? Расскажи что-то важное, что может объяснить возникновение симптомов в настоящей жизни? Нам нужно это понять. Ты можешь пережить все это в полной безопасности. Расскажи об этих событиях».

Она ответила очень тихим шепотом:

« Все имеет значение... я вижу, как умирают люди.

«Люди умирают?»

« Да... они не знают, что происходит.

«Болезнь?» – внезапно мне показалось, что она снова оказалась в той жизни в древние времена, куда она уже однажды попадала. В той жизни чума, которая передавалась через воду, унесла жизни отца Кэтрин и одного из ее братьев. Кэтрин также была больна, но не умерла. Люди использовали чеснок и другие растения, чтобы бороться с чумой. А Кэтрин была очень расстроена тем, что мертвецов не бальзамировали, как следует. Но сейчас мы смотрели на эти события под иным углом.

«Может, необходимо что-то сделать с водой?»

« Скорее всего... Многие умирают.

Я уже знал, к чему мы придем в итоге:

«Но ты не умираешь. Во всяком случае, не от этой болезни».

« Нет, я не умираю.

«Но ты заразилась. Ты больна».

« Да, мне очень холодно... очень холодно... Мне нужна вода... вода. Они думают, что болезнь пришла из воды... и из чего-то черного... Кто-то умер.

«Кто умер?»

« Отец. И один из братьев. С мамой все в порядке, она выздоравливает. Она очень слаба. Надо хоронить людей. Их надо хоронить, но все расстроены, потому что это противоречит религиозным обычаям.

«Каким обычаям?» – Я удивлялся последовательности ее воспоминаний, факт за фактом, все в точности так, как она говорила несколько месяцев назад. И снова это отступление от обычаев похорон очень расстраивало ее.

« Люди кладут в пещеры. Тела хранятся в пещерах. Но перед этим тела должны быть приготовлены священниками. Их нужно обернуть и умастить благовониями. Тела хранились в пещерах, но землю затопило... говорят, что вода плохая. Ее нельзя пить.

«Есть ли какое-то лекарство от этой болезни? Что-нибудь помогает?»

« Мы употребляем разные травяные отвары. И благовония. Травы и ... мы вдыхаем благовония. Я чувствую их!

«Ты узнаешь запах?»

« Что-то белое... Оно свисает с потолка.

«Похоже на чеснок?»

« Оно повсюду развешено. Да, по свойствам похоже. Свойства... Мы кладем это растение в рот, вставляем в уши, нос, везде, где можем. Запах очень сильный. Считается, что это растение как бы запирает тело и препятствует проникновению в него злых духов. Лиловый... фрукт или что-то круглое с лиловой шкуркой, лиловой кожурой...

«Ты узнаешь, к какой культуре принадлежит данная страна? Не кажется ли она тебе знакомой?»

« Не знаю.

«Это нечто лиловое – это фрукт или что-то вроде?»

« Таннис.

«Он поможет тебе? Он лечит от болезни?»

« В то время так считалось.

«Таннис, – повторил я, пытаюсь понять, относится ли тот фрукт, о котором она говорит, к тому, что мы сейчас называет танином или таниновой кислотой. – Он так называется? Таннис?»

« Я просто слышу, что говорят «таннис».

«Что в этой жизни такого важного для твоей нынешней жизни? Почему ты снова сюда возвращаешься? Что тебя так беспокоит?»

« Религия^[18]. Религия того времени. Это была религия страха... страха... мы боялись огромного количества вещей... и богов.

«Ты помнишь, как зовут этих богов?»

« Я вижу глаза. И черную фигуру... что-то вроде... похоже на шакала. Это статуя. Он что-то типа стража. Вижу женщину, богиню, с чем-то вроде уздечки на голове.

«Ты знаешь имя богини?»

« Озирис... Сайрус... что-то вроде того... Я вижу глаз... глаз, только глаз, глаз на цепочке. Золотой.

«Глаз?»

« Да... кто такой Хатхор?

«Что?»

« Хатхор! Кто это?

Я никогда не слышал о Хатхоре, хотя Озирис – если она правильно произнесла его имя, – брат верховной греческой богини Изиды, был мне известен. Хатхор, как я узнаю позже, была египетской богиней любви, веселья и радости.

«Это одно из божеств?» – спросил я.

« Хатхор! Хатхор... (Повисла долгая пауза) Птица... плоская... длинная... это феникс.

Она снова замолчала.

«Иди дальше по этой жизни, ко дню своей смерти, но немного раньше. Скажи, что ты видишь», – спросил я.

Она ответила тихим шепотом:

« Я вижу людей и здания. И сандалии, сандалии. Вокруг много одежды, какой-то грубой одежды.

«Что происходит? Переходи к своей смерти. Что происходит? Ты видишь это?»

« Я ничего не вижу... я не вижу себя больше.

«Где ты? Что ты видишь?»

« Ничего... Вокруг тьма... Вижу свет, теплый свет. – Она уже умерла, уже перешла в состояние духа. Очевидно, она не переживала свою смерть

снова.

«Ты можешь идти к свету?»

« Я иду.

Она отдыхала, мирно и спокойно, и ждала.

«Можешь ли ты теперь подумать об уроках, полученных в этой жизни? Ты уже можешь осознать их?»

« Нет.

Она продолжала ждать. Внезапно она встревожилась, хотя ее глаза оставались закрытыми, как и всегда, когда она была в гипнотическом трансе. Ее голова заметалась из стороны в сторону.

«Что ты сейчас видишь? Что происходит?»

Ее голос стал громче.

« Я чувствую... кто-то говорит со мной!

«Что они говорят?»

« Говорят о терпении. Нужно быть терпеливым...

«Да, продолжай!»

Ответил мне Учитель-Поэт.

« Терпение и время... все приходит в свое время... жизнь нельзя ускорить, нельзя уместить ее в рамки графика, как многие пытаются. Мы должны принимать то, что дается нам в конкретное время, и не просить большего. Но жизнь бесконечна, и мы никогда не умираем; а на самом деле никогда и не рождаемся. Мы просто проходим через разные фазы. Им нет конца. Есть несколько измерений. Но время измеряется не так, как мы привыкли, а уроками жизни.

Снова длинная пауза. Затем Учитель-Поэт продолжил.

« Тебе все станет ясно со временем. Но тебе нужна возможность передать знания, которые мы уже передали тебе, другим.

Кэтрин замолчала.

«Что еще я должен выучить?» – спросил я. Кэтрин прошептала в ответ.

« Они ушли. Я больше никого не слышу.

Глава 9

С каждой неделей очередной пласт невротических симптомов Кэтрин исчезал. С каждой неделей она становилась все спокойнее, мягче и терпимее. Она выглядела уверенной, и люди потянулись к ней. Бриллиант ее истинной личности, чье сияние было скрыто глубоко внутри, сейчас сверкал так ярко, что не заметить это было невозможно.

Другие жизни Кэтрин охватывали промежуток времени в целом около миллиона лет. Каждый раз, когда она погружалась в транс, я гадал, в каком же времени она окажется в этот раз. От доисторического периода и Древнего Египта до современности – она могла оказаться везде. И все ее жизни были с любовью пересмотрены Духами-Учителями во вневременном пространстве.

На сегодняшнем сеансе она очутилась в двадцатом веке, но была не Кэтрин.

« Я вижу фюзеляж и посадочные полосы... что-то типа посадочных полос.

«Ты знаешь, где это?»

« Не вижу... Эльзас? Да, Эльзас.

«Во Франции?»

« Не знаю, просто Эльзас... я вижу имя – Ф-о-н М-а-р-к-с... Фон Маркс. Какой-то коричневый шлем или шапка... шапка с очками. Весь отряд уничтожен. Похоже, это какая-то глушь. Не думаю, что рядом есть какой-то город.

«Что ты видишь?»

« Я вижу разрушенные здания. Вижу здания... земля вся разворочена... взрывами. Здесь секретная территория.

«Что ты делаешь?»

« Я помогаю раненым. Их выносят отсюда.

«Посмотри на себя. Опиши себя. Посмотри, какая на тебе одежда».

« На мне какой-то жакет. У меня светлые голубые глаза. Жакет грязный. Раненых людей много.

«Тебя обучали специально медицинской помощи раненым?»

« Нет.

«Ты живешь здесь? Или тебя сюда привезли? Где ты живешь?»

« Не знаю.

«А сколько тебе лет примерно?»

« Тридцать пять.

Самой Кэтрин было двадцать девять, и глаза у нее были карие, а не голубые.

Я продолжал задавать ей вопросы:

«Как тебя зовут? Твое имя вышито на куртке?»

« На курке нашивка с крыльями. Я пилот... что-то вроде пилота.

«Ты управляешь самолетами?»

« Да, приходится.

«Кто заставляет тебя летать?»

« Я служу здесь. Это моя работа.

«Ты и бомбы сбрасываешь?»

« У нас на самолете есть стрелок. И штурман.

«На каком самолете ты летаешь?»

« Что-то типа чоппера. У него четыре пропеллера. И фиксированное крыло.

Я был поражен. Кэтрин ничего не знала о самолетах. Мне было интересно, что она подразумевала под «фиксированным крылом». Но, как и в случае с производством масла или бальзамированием больных, под гипнозом она обладала полным объемом знаний в этой области. А в реальной жизни, в сознательном состоянии, ей в лучшем случае была доступна лишь крупица этих знаний.

Я поднажал с вопросами. «У тебя есть семья?»

« Они сейчас не со мной.

«С ними все в порядке?»

« Не знаю. Боюсь... я боюсь, что они вернутся. Мои друзья умирают!!

«Ты боишься, что вернется кто?»

« Враги.

«Кто они?»

« Англичане. Американские Вооруженные Силы... Англичане.

«Да. Ты помнишь свою семью?»

« Помню ли я? Да, но очень смутно.

«Давай вернемся в более раннее время этой жизни, в более счастливое время, когда вся ваша семья была дома, вместе. Ты можешь это увидеть. Понимаю, что это трудно, но попробуй расслабиться. Попробуй и вспомни».

Кэтрин замолчала ненадолго, а затем прошептала:

« Я слышу имя Эрик... Эрик. Вижу светловолосого ребенка, девочку.

«Это твоя дочь?»

« Да, скорее всего, это Марго!

«Она близко к тебе сейчас?»

« Она со мной. У нас пикник. День просто чудесный.

«Кто-нибудь есть рядом с тобой, кроме Марго?»

« Вижу женщину с каштановыми волосами, сидящую на траве.

«Это твоя жена?»

« Да... я не знаю, кто она^[19].

«Ты узнаешь Марго? Посмотри на нее внимательнее. Ты знаешь ее?»

« Да, но не уверена... откуда-то я ее знаю.

«Ты вспомнишь. Посмотри в ее глаза».

« Это Джуди.

В настоящем времени Джуди была лучшей подругой Кэтрин. С первой встречи они как-то прониклись взаимной симпатией и стали настоящими друзьями, безоговорочно доверяющими друг другу и понимающими друг друга с полуслова.

«Джуди?» – повторил я.

« Да, Джуди... Она похожа на нее... она улыбается так же, как она.

«Так, отлично. Ты счастлива дома или у вас есть проблемы?»

« Нет, никаких проблем (длинная пауза). Да. Да, время беспокойное. Проблемы в немецком правительстве, в политической структуре. Слишком много людей хотят продвинуться во многих направлениях... Нас это погубит... Но я должен бороться за свою страну.

«Ты сильно любишь свою родину?»

« Я не люблю войны. Я чувствую, что убивать – неправильно. Но я должен исполнять свой долг.

«Вернись теперь в то время, где ты была рядом с самолетом, когда были бомбежки, война. Это было попозже, как я понимаю, война уже началась. Англичане и американцы бомбят вас. Вернись туда. Ты видишь самолет снова?»

« Да.

«Твои чувства относительно убийства, войны и долга остались прежними?»

« Да, мы умрем ни за что.

«Что?»

« Мы умрем ни за что, – повторила она громким шепотом.

«Ни за что? Как это – ни за что? Разве это не славная смерть? Разве вы не защищаете вашу родину и ваших любимых?»

« Мы умрем, защищая идеи небольшой группки людей.

«Даже несмотря на то, что эта группка – правительство вашей страны?»

« Они тоже могу ошибаться. Это не правительство. Если бы это были настоящие правители, тогда внутри партий не было такой сильной внутренней борьбы.

«Некоторые называют их сумасшедшими. Ты понимаешь, что это значит? Властители-сумасшедшие?»

« Да мы все сошли с ума, если позволяем им управлять нами, позволяем им вести нас убивать других людей... и убивать себя.

«У тебя остались какие-нибудь друзья?»

« Да, кто-то выжил.

«Есть ли те, кто особенно близок тебе? Например, в экипаже вашего самолета? Стрелок и штурман еще живы?»

« Я их не вижу, но наш самолет еще цел.

«Вы снова летите на нем?»

« Да, мы должны успеть убрать оставшуюся команду со взлетной полосы... до их – возвращения.

«Заходи в самолет».

« Не хочу.

Казалось, она начала спорить со мной.

«Но ты должна поднять его в воздух!»

« Бессмысленно...

«Кем ты работала до войны? Ты помнишь? Чем занимался Эрик?»

« Я был вторым пилотом в команде. Летал на маленьком самолете, перевозил грузы.

«То есть ты тоже был пилотом?»

« Да.

«Тебя часто забирали из дома?»

Она ответила тихим, полусвистящим шепотом:

« Да.

«Давай перейдем дальше, – скомандовал я. – К следующему полету. Ты можешь это сделать?»

« Не было никакого следующего полета.

«С тобой что-то случилось?»

« Да.

Ее дыхание ускорилося, и она сильно встревожилась. Она перешла ко дню своей смерти.

«Что происходит?»

« Я убегаю от пожара. Мой отряд уничтожен огнем.

«Тебе удалось выжить?»

« Никому не удалось выжить... никто не выживает на войне. Я умираю! (Она тяжело задышала.) Кровь! Кровь везде! Мне больно в груди... Меня били в грудь... и по ногам... и по шее. Так больно...

Она была в агонии, но вскоре ее дыхание замедлилось и стало более ровным; ее лицо расслабилось, и словно умиротворение сошло на него. Я узнал спокойствие переходного состояния.

«Похоже, тебе лучше. Все закончилось?»

Она помолчала, а затем очень тихо ответила:

« Я выплываю... из тела. У меня нет тела. Я снова дух!

«Хорошо. Отдыхай. У тебя была тяжелая жизнь. И трудная смерть. Ты должна отдохнуть. Восстановиться. Какие уроки ты извлекла из этой жизни?»

« Я многое узнала о ненависти... бессмысленном убийстве... ненависти, направленной не туда... людях, которые ненавидят, но не знают, почему. Нас заставляло делать это... зло, когда мы были в физических телах.

«Есть ли более важный долг, чем долг перед страной? Что-то, что не позволило бы тебе убивать? Даже если тебе приказали это делать? Например, долг перед собой?»

« Да...

Но она не поддержала эту тему.

«Ты чего-то ждешь сейчас?»

« Да, я жду перехода в обновленное состояние. Я должна ждать. Они придут за мной... Они придут...

«Отлично. Мне хотелось бы поговорить с ними, когда они придут».

Мы подождали еще несколько минут. Потом она внезапно заговорила громким и хриплым голосом – появился главный Учитель, а не Учитель-Поэт:

« Ты правильно предполагал, что это – хорошее лечение для тех, кто находится в физических телах. Ты должен искоренить страх из их сознания. Люди теряют много лишней энергии из-за страха. Это мешает им исполнить то, зачем они были посланы сюда. Воспользуйся подсказками из окружающего тебя мира. С самого начала их нужно перенести на очень, очень глубокий уровень... где они не будут ощущать свое тело. И тогда с ними можно работать. С самого начала ясно... что проблемы лежат не на поверхности. Ты должен проникнуть им глубоко в душу, туда, где появляются различные мысли и идеи – и тогда с ними можно работать.

Энергия... Всё есть энергия. И так много ее расходуется напрасно. Горы... внутри горы тишина; ее сердцевина спокойна. Проблемы лежат на поверхности. Люди видят только то, что снаружи. Ты можешь проникнуть глубже. Ты должен увидеть вулкан. И для этого тебе нужно проникнуть очень глубоко.

Находиться в физическом теле – ненормально. Естественным для нас является состояние духа. Когда нас посылают в физическое тело, значит, нам нужно выучить то, чего мы еще не знаем. Нам потребуется время... В мире духов вам необходимо ждать, и тогда происходит обновление. Существует состояние обновленности. Это – измерение, точно такое же, как и другие изменения, и ты должен максимально преуспеть в данном воплощении.

Это меня удивило. Как мог я приближаться к состоянию обновления?

«Неужели я почти достиг этого состояния?» – спросил я недоверчиво.

« Да. Ты знаешь намного больше, чем все остальные. И понимаешь больше, чем все. Будь терпелив. У них нет тех знаний, что есть у тебя. Мы пошлем духов, чтобы тебе помочь... Но ты все делаешь правильно... продолжай в том же духе. Твою энергию нельзя растрачивать просто так. Ты должен избавиться от страха. И тогда в твоих руках будет мощнейшее оружие...

Дух-Учитель замолчал. Я размышлял над смыслом этого невероятного послания. Я знал, что почти избавил Кэтрин от ее страхов, но это послание несло более общий смысл. В нем было больше, чем просто подтверждение эффективности гипноза в терапии. И даже больше, чем просто разговор о перемещении в прошлые жизни, которое будет трудно применить ко всем подряд. Нет, я был уверен, что речь шла о страхе смерти – том самом страхе, который таился в жерле вулкана. Страх смерти, скрытый, постоянно существующий страх, избавиться от которого не помогают ни деньги, ни власть – вот эта суть. Если бы все люди знали, что «жизнь бесконечна, поэтому мы не умираем, потому что никогда по сути и не рождаемся», тогда этот страх исчез бы. Если бы все знали, что уже жили бесчисленное количество раз до этой жизни и будем воплощаться еще неизвестно сколько раз, насколько увереннее все чувствовали бы себя. Если бы люди знали, что, пока они находятся в физических телах, вокруг есть духи, которые помогают им, и что после смерти они тоже станут духами и присоединятся к ним, включая их любимых, насколько легче было бы всем. Если бы все знали, что «ангелы-хранители» действительно существуют, то ощущали бы себя в безопасности. Если бы все знали, что насилие, преступления и несправедливость по отношению к людям не остаются незамеченными, и расплата придет в следующей жизни, насколько меньше насилия и жажды мести было бы в мире. И если бы, правда, мы «пришли бы к Богу через знания», то поняли бы мы, что материальные блага и власть не имеют ценности и не могут являться целями жизни? Быть жадным или стремиться к власти совсем не нужно.

Но как донести эти знания до людей? Многие молятся в своих церквях, синагогах, мечетях, храмах, читают молитвы, в которых говорится о бессмертии души. Однако сразу после службы они возвращаются к конкуренции, снова становятся жадными манипуляторами и эгоцентристами. Все это замедляет развитие души. Поэтому если веры недостаточно, возможно, сможет помочь наука. Вероятно, опыт, подобный нашему с Кэтрин, следует изучить, проанализировать и изложить в сугубо научном виде, и делать это должны люди, которые обучались физике и поведенческим наукам. Однако на тот момент написание научной работы или книги было последним из того, о чем я мог думать – настолько это было далеко и маловероятно. Мне было интересно, что за духи придут помочь мне. Помочь мне делать – что?

Кэтрин пошевелилась и снова зашептала.

« Кто-то по имени Гидеон, кто-то по имени Гидеон... Гидеон. Он пытается поговорить со мной.

«Что он говорит?»

« Он постоянно рядом. Постоянно. Он что-то типа хранителя... кто-то вроде этого. Но он играет со мной.

«Он один из твоих хранителей».

« Да, но он играет... Он прыгает вокруг. Мне кажется, он хочет, чтобы я знала, что он всегда рядом... Везде.

«Гидеон?» – повторил я.

« Он тут.

«Ты чувствуешь себя с ним в безопасности?»

« Да, он придет, когда понадобится мне.

«Хорошо. Вокруг нас есть духи?»

Она ответила шепотом – очевидно, говорило ее сверхсознание:

« О да, много духов. Они приходят... когда захотят. Все мы духи. Но остальные... кто-то в физическом теле, кто-то в стадии обновления. Остальные – хранители. Но мы все попадаем сюда. Мы все так же должны стать хранителями.

«Зачем мы возвращаемся и снова учимся? Почему мы сразу не можем знать то, что должны знать духи?»

« Это разные уровни обучения, и что-то мы должны понять, пока у нас есть плоть и кровь. Мы должны чувствовать боль. Духи не чувствуют боль. Это – период обновления. Душа обновляется. Когда ты находишься в физическом теле, ты можешь ощущать боль; тебе можно сделать больно. Только в форме духа тебе не нужно чувствовать. Вы испытываете счастье и благополучие. Но это период обновления... для нас. В духовном состоянии люди общаются по-другому. Будучи в физическом теле... можно переживать отношения.

«Понимаю. Все будет хорошо».

Она снова замолчала. Шли минуты.

« Я вижу коляску. Голубую коляску.

«Детскую коляску?»

« Нет, коляску, в которой ездят. ... Или что-то голубое. Голубая бахрома наверху, снаружи она тоже голубая.

«Коляска запряжена лошадьми?»

« У коляски большие колеса. Я не вижу никого в ней, только две лошади запряжены в нее... серая и коричневая. Серую лошадку зовут Эппл, потому что она любит яблоки. Вторую зовут Дюк. Они очень милые. Они не кусаются. У них большие ноги... очень большие ноги.

«А средняя лошадь тоже есть? Еще одна?»

« Нет. Они такие милые.

«Ты еще там?»

« Да. Я вижу ее нос. Он больше меня!

«Ты едешь в этой коляске?» – по тому, как она говорила, я понял, что она была ребенком.

« Тут лошади! И мальчик еще.

«Сколько тебе лет?»

« Очень мало. Я не знаю. Не думаю, что я умею считать.

«Ты знаешь этого мальчика? Это твой друг? Или твой брат?»

« Это сосед. Он пришел сюда... на праздник. Тут ... свадьба, или еще что-то.

«Ты знаешь, чья эта свадьба?»

« Нет. Нам сказали не пачкаться. У меня коричневые волосы... и туфли, которые застегиваются на одну сторону.

«Это твоя праздничная одежда? Хорошая одежда?»

« Это белое... какое-то белое платье... с оборочками наверху и завязками на спине.

«Твой дом рядом?»

« Это большой дом!

«Ты тут живешь?»

« Да.

«Хорошо. Теперь ты можешь заглянуть в дом, это можно сделать. Это важный день. Гости тоже будут хорошо одеты, в особенные наряды».

« Тут готовят еду. Много еды!

«Ты чувствуешь ее запах?»

« Да. Это какой-то хлеб. Хлеб... мясо... Нам снова сказали выйти отсюда.

Я был поражен. Я сказала ей, что можно зайти внутрь, но ее снова выставили наружу.

«Как вас зовут по именам?»

« Мэнди... Мэнди и Эдвард.

«Он мальчик?»

« Да.

«Вам не разрешают оставаться в доме?»

« Нет, все слишком заняты.

«И как вам это?»

« Нам все равно. Но оставаться чистыми очень трудно. Мы ничего не можем сделать.

«Вы пойдете на свадьбу? Позже?»

« Да... вокруг много людей. Комната заполнена. Очень жарко, жаркий день. Вижу священника; тут есть священник... в смешной большой шляпе... черной. Она закрывает ему половину лица... очень смешно.

«Для твоей семьи это счастливое время?»

« Да.

«Ты знаешь, чья это свадьба?»

« Моей сестры.

«Она намного старше тебя?»

« Да.

«Ты видишь ее сейчас? Она уже надела свое свадебное платье?»

« Да

«Она хорошенькая?»

« Да. У нее венок из цветов в волосах.

«Посмотри на нее поближе. Она знакома тебе по другим жизням? Посмотри на ее глаза, ее рот...»

« Да. Я думаю, это Бекки... но гораздо младше, чем она сейчас.

Беки была подругой и коллегой Кэтрин. Они были очень близки, однако Кэтрин противилась суждениям и вмешательствам Бекки в свою собственную жизнь и принятие решений. В конце концов она подруга, а не член семьи. Но сейчас было трудно провести грань.

« Она хорошо ко мне относится, и я к ней тоже. Поэтому мне можно стоять близко, вместе с ней.

«Хорошо. Оглядишься вокруг. Там есть твои родители?»

« Да.

«Они так же хорошо к тебе относятся?»

« Да.

«Хорошо. Рассмотрите их поближе. Сначала мать. Посмотри, помнишь ли ты ее? Посмотри на ее лицо».

Кэтрин несколько раз глубоко вздохнула:

« Я не знаю ее.

«Посмотри на отца. Разгляди его повнимательнее. Посмотри на выражение его лица, его глаза... его рот. Ты знаешь его?»

« Он – это Стюарт! – быстро ответила она.

Итак, Стюарт снова появился. Это стоило рассмотреть поподробнее.

«Какие у вас с ним отношения?»

« Я очень его люблю... он очень добр со мной. Но он считает меня помехой. Он вообще считает детей помехой.

«Он слишком серьезный?»

« Нет, он любит играть с нами. Но мы задаем слишком много вопросов. Но он очень добр к нам, кроме тех случаев, когда мы задаем много вопросов.

«Это иногда достает его?»

« Да, нас должен учить учитель, а не он. Поэтому мы ходим в школу.

«Это похоже на его слова. Это он вам говорил?»

« Да, у него есть более важные дела. Он должен управлять фермой.

«Ферма большая?»

« Да.

«Ты знаешь, где она?»

« Нет.

«Ты где-нибудь слышишь, что кто-то упоминает название города или штата? Может, маленького городка?»

Она замолчала, прислушиваясь.

« Нет, ничего такого не слышу.

И снова замолчала.

«Хорошо, ты хочешь еще исследовать эту жизнь? Пройти вперед во времени или это...»

Она оборвала меня на полуслове.

« Достаточно.

В процессе работы с Кэтрин я не обсуждал открытия, совершенные ею, с другими врачами. На самом деле я вообще не делился этой уникальной информацией ни с кем, кроме Кэрл и нескольких «своих» людей. Я знал, что информация, полученная на наших сеансах, правдива и исключительно важна, однако опасение негативной реакции со стороны моих коллег заставляла меня молчать. Меня все еще заботила моя репутация, карьера и другие мысли о себе.

Однако мой скептицизм с каждой неделей разрушался тем, что я слышал от Кэтрин. Я часто прослушивал записи наших сеансов и заново переживал все события, так драматично и непредсказуемо разворачивавшиеся. Но другим людям придется иметь дело только с моими переживаниями, сильными, но, тем не менее, не их собственными. Я понял, что обязан собрать больше данных.

По мере того, как я принимал послания и признавал, что это правда, моя жизнь становилась проще и радостнее. Не надо было играть в какие-то игры, притворяться, носить маски или быть не тем, кем я являлся на самом деле. Отношения стали более честными и открытыми. Семейная жизнь оказалась менее сложной и напряженной. Мое нежелание делиться мудростью, полученной через Кэтрин, стало уменьшаться.

Удивительно, но многие заинтересовались этим и захотели узнать больше. Некоторые рассказали мне о своих экспериментах в области парапсихологии – изучении таких явлений, как ясновидение, «дежавю», внетелесные переживания, сны о прошлых жизнях и так далее. Многие из них также не обсуждали свои эксперименты даже с супругами. Все как один боялись того, что если они поделятся своим опытом с другими, пусть даже с членами семьи или терапевтами, то их сочтут странными или сумасшедшими. Однако эти парапсихологические явления не так редки, как люди привыкли считать. Лишь нежелание рассказывать другим о каких-то психических явлениях создает впечатление, что они очень редки. И чем более профессионален человек, тем сильнее его нежелание рассказывать об этом.

Один опытный и очень уважаемый, признанный во всем мире заведующий отделением больницы советуется со своим больным отцом, который своими предсказаниями несколько раз спасал его от несчастных случаев. Другому профессору снятся сны, в которых ему открываются недостающие звенья в сложных научных задачах, которые он ставит в своих исследованиях. Решения были неизменно верными. Еще один уважаемый врач всегда знает, кто ему звонит – еще до того, как возьмет трубку. Жена заведующего кафедрой психиатрии в одном университете на Среднем Западе имеет степень доктора в области психологии. Ее исследовательские проекты всегда тщательно спланированы и выверены. Она никому не рассказывала, что когда впервые приехала в Рим, гуляла по городу, словно у нее в памяти была карта улиц и дорог. Она точно знала, что находится за тем или иным поворотом. Хотя она никогда прежде не была в Италии и не знала итальянского языка, все итальянцы постоянно обращались к ней по-итальянски, ошибочно принимая ее за соотечественницу. Разум ее отказывался понимать, как это происходило.

Я понимал, почему эти высокоуважаемые люди таили свои открытия. Я был одним из них. Мы не могли отрицать собственные мысли и ощущения. Однако наш опыт противоречил знаниям и убеждениям, сложившимся у нас за все эти годы. И мы молчали.

Глава 10

Неделя прошла быстро. За это время я неоднократно прослушивал запись последнего сеанса. Интересно, каким это образом я приближаюсь к состоянию обновления? Я практически не чувствую просветления. И вот сейчас мне в помощь придут духи. Но что мне делать? Когда я это пойму? Справлюсь ли я с задачей? Я знал, что должен просто терпеливо ждать. Я помнил слова Учителя-Поэта: «Терпение и время... все придет в свое время... со временем ты все поймешь. Но ты должен найти возможность поделиться тем знанием, что мы даем тебе». Поэтому я ждал.

В начале сегодняшнего сеанса Кэтрин рассказала отрывок из сна, который видела несколько ночей подряд. В этом сне она жила в доме родителей, когда ночью вдруг начался пожар. Она очень активно взялась за дело, помогала выводить всех из дома, но ее отец тянул волюнку и явно не придавал важности происходящему. Она выгнала его на улицу. Вдруг он вспомнил, что что-то забыл в доме, и послал Кэтрин за этим прямо в самое пламя. Она не могла вспомнить, что же это было. Я решил пока не толковать ее сон, а подождать – вдруг объяснение найдется само в процессе сеанса гипноза.

Она очень быстро вошла в гипнотический транс:

« Я вижу женщину в капюшоне, который не закрывает ее лицо, а лишь покрывает волосы.

Она замолчала.

«А сейчас ты ее видишь? Женщину в капюшоне?»

« Я потеряла ее... Вижу какой-то черный материал, черный брокер с золотой отделкой... вижу здание с какими-то объемными точками на стенах... белое.

«Ты узнаешь это здание?»

« Нет.

«Оно большое?»

« Нет. Сзади виднеется гора с заснеженной вершиной. Но в долине, где мы находимся, уже зеленеет трава.

«Ты можешь зайти в здание?»

« Да. Оно построено из какого-то вида мрамора... очень холодного на ощупь.

«Это какой-то храм или другое церковное здание?»

« Я не знаю. Возможно, это тюрьма.

«Тюрьма? В здании есть люди? Или вокруг него?»

« Да, несколько солдат. На них черная форма с золотыми погонами... и золотые кисти свисают с них. Черные с золотом шлемы... какие-то точки и золотая верхушка ... на этих шлемах. И красный пояс, красный пояс на талии.

«Вокруг тебя есть солдаты?»

« Да, два или три.

«Ты находишься там?»

« Я где-то рядом. Не в самом здании, а где-то снаружи.

«Осмотри. Пойми, где ты находишься... рядом горы, трава... белое здание. Здесь есть другие строения?»

« Если и есть другие здания, то они находятся не рядом с этим. Я вижу одно, изолированное от других... отгороженное стеной сзади... стеной.

– Как ты думаешь – это крепость, тюрьма или что-то еще?

« Может быть, но здание слишком... изолировано.

«Почему это так важно для тебя?»

(Длинная пауза.)

«Ты знаешь название городка или страны, где ты сейчас находишься? Где находятся эти солдаты?»

« Я вижу название «Украина».

– «Украина?» – повторил я, пораженный географическим разбросом ее жизней. – Ты видишь, какой сейчас год? Ты знаешь это? Или какой период времени?

« Тысяча семьсот семнадцатый... Нет, тысяча семьсот пятьдесят восьмой. Тут много солдат. Я не знаю, почему их тут так много. Все с длинными изогнутыми мечами.

«Что ты еще видишь или слышишь?»

« Вижу фонтан, фонтан, из которого пьют лошади.

«Солдаты верхом на лошадях?»

« Да.

«Солдаты как-то по-другому себя называют? Может, у них есть какое-то свое, особенное название?»

Она прислушалась:

« Нет, ничего такого не слышу.

«Ты один из них?»

« Нет.

Ее ответы снова стали какими-то детскими, короткими и зачастую односложными. Я должен был очень активно задавать последующие вопросы:

«Но ты же находишься рядом с ними?»

« Да.

«Вы находитесь в небольшом городке?»

« Да.

«Ты там живешь?»

« Похоже на то.

«Отлично. Посмотри, сможешь ли ты найти себя и место, где ты живешь?»

« Я вижу кучу очень ветхой одежды. И вижу ребенка, мальчика. Его одежда тоже ветхая... ему холодно...

«У него есть дом в этом городке?»

Нависла длинная пауза.

« Не вижу.

Похоже, что ей было трудно удерживать связь с этой жизнью. Ее ответы были какими-то расплывчатыми, неуверенными.

«Хорошо. Ты знаешь, как зовут мальчика?»

« Нет.

«Что с ним происходит? Иди за ним, посмотри, что произойдет».

« Кто-то из его знакомых сидит в тюрьме.

«Друг? Родственник?»

« Похоже, что это его отец.

Ее ответы стали короткими.

«Этот мальчик – ты?»

« Не уверена.

«Знаешь ли ты, как он относится к тому, что его отец в тюрьме?»

« Да... ему страшно, он боится, что его могут убить.

«Что совершил его отец?»

« Он что-то украл у солдат. Какие-то бумаги или что-то вроде того.

«Мальчик не очень хорошо понимает ситуацию, так?»

« Нет. Он может больше никогда не увидеть отца.

«А вообще он может его увидеть?»

« Нет.

«Известно, как долго его отец будет сидеть в тюрьме? Или сколько он еще проживет?»

« Нет!

Ее голос задрожал. Она была очень расстроена, очень печальна. Она не слишком подробно все описывала, но по ней было видно, что она захвачена теми событиями, которые разворачивались перед ней.

«Ты чувствуешь то же, что чувствует мальчик, – продолжил я. – Этот страх и тревога. Ты чувствуешь это?»

« Да.

Она снова замолчала.

«Что происходит? Иди вперед. Знаю, это трудно. Продвигайся вперед по времени. Что там происходит?»

« Его отца казнят.

«Что он чувствует сейчас?»

« Его казнят за что-то, что он никогда не совершал. Но тут казнят людей совершенно без причин.

«Мальчик, должно быть, очень расстроен этим».

« Не уверена, что он полностью понимает то... что происходит.

«У него есть, к кому пойти?»

« Да, но жизнь его будет очень тяжелой.

«Что с ним станет?»

« Не знаю... Вероятно, он умрет.

Ее голос был печален. Она снова замолчала, затем стала оглядываться по сторонам.

«Что ты видишь?»

« Я вижу руку... руку, покрытую чем-то... белым. Я не знаю, что это.

Она снова замолчала. Прошло несколько минут.

«Что еще ты видишь?» – спросил я.

« Ничего... тьма.

Она тоже умерла или каким-то образом отсоединилась от печального мальчика, который жил на Украине двести лет назад.

«Ты больше не с мальчиком?»

« Да.

«Что ты узнала из этой жизни? Почему она была важна для тебя?»

« Нельзя судить людей поспешно. Нужно быть честными с людьми. Столько жизней было разрушено из-за поспешного осуждения.

«Жизнь мальчика была короткой из-за того, что его отца осудили слишком поспешно».

« Да.

Она вновь замолчала.

«Ты что-нибудь видишь сейчас? Ты слышишь что-нибудь?»

« Нет.

Снова короткий ответ и тишина.

По каким-то причинам эту жизнь она видела очень смутно. Я решил, что ей пора отдохнуть: «Отдыхай. Почувствуй покой. Твое тело исцеляет себя; твоя душа отдыхает. Ты чувствуешь себя лучше? Спокойнее? Эта жизнь была трудной для маленького мальчика. Очень трудной. Но сейчас ты снова можешь отдохнуть. Ты можешь мысленно перенестись в другие места, другое время... к другим воспоминаниям. Ты отдыхаешь?»

« Да.

Я решил заняться фрагментом ее сна о пожаре в доме, где ее отец медлил со своим спасением, а затем послал ее в самое пекло за какой-то забытой вещью.

«У меня есть вопрос о твоём сне... про твоего отца. Подумай о нём сейчас, всё будет хорошо. Ты в глубоком трансе. Ты помнишь этот сон?»

« Да.

«Ты вернулась в дом, чтобы что-то взять. Ты помнишь это?»

« Да... это была металлическая коробка.

«Что в ней находится такого, что заставило его послать тебя за ней в горящий дом?»

«Его марки и монеты... которые он собирал.»

То, что она детально вспомнила свой сон, находясь в состоянии глубокого транса, совершенно противоречило ее отрывочным воспоминаниям о нем в сознательном состоянии. Гипноз был мощным инструментом не только для достижения наиболее отдаленных, запятанных областей сознания, но и для прояснения деталей воспоминаний.

«Эти марки и монеты были так важны для него?»

«Да.»

«Но рисковать твоей жизнью только ради марок и монет...» – она не дала мне договорить:

«Он не думал, что рискует моей жизнью.»

«Он думал, что это безопасно?»

«Да.»

«Тогда почему он не пошел за ними сам, вместо тебя?»

«Потому что думал, что я сделаю это быстрее.»

«Понятно. Это было рискованно для тебя?»

«Да, но он этого не понимал.»

«Значил ли этот сон еще что-то для тебя? Может, он что-то проясняет в ваших отношениях с отцом?»

«Не знаю.»

«Похоже, он не слишком торопился убраться из горящего дома».

«Нет.»

«Почему он был так ленив? Ты же делала все быстро, ты видела опасность».

«Потому что он пытается убежать от обстоятельств.»

Я ухватился за эти слова, чтобы истолковать эту часть сна:

«Да, он привык так поступать уже давно, и ты все делаешь за него – например, бежишь и достаешь коробку. Надеюсь, он будет брать с тебя пример. Мне кажется, что огонь символизирует уходящее время, и ты осознаешь опасность, а он – нет. И пока он тянет волынку и посылает тебя за вещами, оказывается, что ты знаешь гораздо больше... и ты должна многому его научить, но он не хочет учиться».

«Да, он не хочет.»

«Так я истолковал бы этот сон. Но ты можешь заставить его. Только он может это понять».

« Да.

Ее голос стал глубоким и хриплым:

« Важно понять, что наши тела сгорают в огне, если они нам не нужны...

Дух-Учитель внезапно пролил иной свет на сон. Я был удивлен этим внезапным появлением, и все что я мог – это лишь повторить его слова: «Нам не нужны наши тела?»

« Нет. Мы проходим так много стадий развития, пока мы здесь. Сначала у нас тело младенца, потом мы становимся детьми, из детей вырастаем во взрослых, взрослые становятся стариками. Почему бы нам не сделать еще один шаг вперед, не отбросить взрослое тело и не перейти на духовный план? Вот что мы делаем. Наш рост не прекращается, мы все время продолжаем расти. Когда мы попадаем на духовный план, то и там продолжаем расти. Мы проходим через разные стадии развития. Когда мы приходим сюда – мы уже сгорели. Нам необходимо обновиться, пройти через стадию обучения и принятия решения. Мы решаем, когда вернуться, куда и зачем. Некоторые решают вообще не возвращаться. Они намерены идти на следующую стадию развития. И остаются в виде духа... некоторые остаются чуть дольше, чем остальные. И все это – рост и обучение... очень продолжительный рост. Наше тело – лишь устройство для нас, пока мы здесь. Наш дух и наша душа живут вечно.

Этот голос и манера говорить были мне незнакомы. Это был «новый» Учитель, и он нес очень важные знания. Я хотел почерпнуть больше из этих духовных глубин: «На уровне физического тела обучение происходит быстрее? Есть ли какие-то причины, которые не дают людям постоянно оставаться в состоянии духов?»

« Нет. Обучение намного быстрее в состоянии духа, гораздо быстрее, чем в физическом теле. Но мы выбираем, чему учиться. Если нам необходимо вернуться, чтобы проработать что-то в отношениях, мы возвращаемся. Если мы уже все отработали, мы идем дальше. Будучи духом, вы всегда можете общаться с теми, кто находится в телах, –

если вам это нужно. Но только в том случае, если это очень важно... если вам необходимо сообщить им что-то важное, что им необходимо знать».

«Как вы выходите на контакт? Каким образом передаете послание?»

К моему удивлению, ответила Кэтрин. Шепотом, но при этом быстрее и четче, чем обычно:

« Иногда вы можете явиться человеку... и выглядеть так же, как и при жизни. В остальных случаях вы можете устанавливать мысленный контакт. Иногда послание зашифровано, но человек обычно знает, что к чему. Он все понимает. Это мысленный контакт.

Затем я обратился к Кэтрин:

«Все, что ты знаешь сейчас – вся эта информация, мудрость, – очень важно для всех... почему ты не помнишь этого, когда находишься в сознании и в физическом теле?»

« Думаю, потому что я не поняла бы ни слова из этого. Я просто не способна понять это все.

«Тогда, может, я помогу тебе понять все это, чтобы ты больше не боялась и смогла научиться?»

« Да.

«Когда ты слышишь голоса Учителей, они говорят то же самое, что ты передаешь мне сейчас. Тебе приходится передавать огромные объемы информации». – Я был заинтригован всей той мудростью, которой она обладала в сверхсознательном состоянии.

« Да.

«Ты все это берешь из головы?»

« Они поместили всю информацию туда.

«Как мне лучше передать тебе эту информацию, чтобы ты могла вырасти и избавиться от страхов?»

« Вы уже это сделали.

Она ответила мягко. И она была права: ее страхи практически исчезли. Как только мы начали применять гипноз, ее выздоровление стремительно ускорилось.

«Какие уроки ты должна извлечь из этой жизни? Что является самым важным из того, чему ты должна научиться, чтобы расти и преуспевать?»

« Доверие, – ответила она быстро.

Она знала свою главную задачу.

«Доверие?» – переспросил я, удивленный скоростью ее ответа.

« Да. Я должна научиться быть верной и доверять людям. А я не доверяю. Мне кажется, что все хотят причинить мне зло. Поэтому я держусь подальше от людей и ситуаций, сторониться которых мне, возможно, не следовало бы. И наоборот – рядом со мной находятся люди, от которых следовало бы держаться подальше.

Это озарение, которое постигло ее в сверхсознательном состоянии, было поистине грандиозным. Она знала свои сильные и слабые стороны. Она знала, на что следует обратить внимание и над чем работать, а также что именно нужно сделать, чтобы ей стало лучше. Единственной проблемой являлось то, что все это следовало перенести в ее сознание, чтобы она могла пользоваться этим в реальной жизни. Озарение в сверхсознательном было потрясающим, но самого по себе его было недостаточно, чтобы изменить ее жизнь.

«Кто эти люди, от которых следует держаться подальше?» – спросил я.

Она замолчала.

« Я боюсь Бекки... Я боюсь Стюарта... я боюсь, что они каким-то образом... причинят мне вред.

«Ты можешь отстраниться от них?»

« Целиком нет, но от каких-то их идей – да. Стюарт пытается держать меня, словно в тюрьме, и ему это прекрасно удается. Он знает, чего я боюсь. Он знает, что я боюсь его потерять, и пользуется этим, чтобы держать меня при себе.

«А Бекки?»

« Она постоянно пытается подорвать мое доверие к тем людям, которым я доверяю. Там, где я вижу добро, она видит зло. И пытается посеять семена сомнения во мне. Я учусь доверять... тем, кому нужно доверять, но она заставляет меня сомневаться в них. И в этом ее проблема. Я не должна позволить ей насаждать мне ее образ мыслей.

Будучи в сверхсознательном состоянии, Кэтрин могла легко выявить отрицательные стороны характеров Бекки и Стюарта. Загипнотизированная Кэтрин могла бы стать отличным психиатром с отличной способностью к сопереживанию и безошибочной интуицией. В

сознательном состоянии Кэтрин не обладала этими качествами. Моей задачей было перекинуть мост от сверхсознательного к сознательному. Ее стремительное выздоровление показывало, что уже какая-то часть этой работы сделана. Но я планировал продолжить строительство этого моста.

«Кому ты можешь доверять? – спросил я. – Подумай. Кому ты можешь доверять, у кого можешь чему-то учиться и с кем можешь сблизиться? Кто эти люди?»

« Я могу доверять вам.

Я знал это, он она должна была доверять кому-то в повседневной жизни еще больше, чем мне.

«Да, конечно. Мы достаточно близки, но в твоей жизни должно быть более близкие люди, те, с кем ты проводишь гораздо больше времени, чем я могу проводить с тобой».

Я хотел, чтобы она стала цельной и независимой личностью, не зависящий от меня.

« Я доверяю своей сестре. Я не знаю других. Я доверяю Стюарту, но только в определенной степени. Он, правда, заботится обо мне, но он сомневается. И этим сомнением он на самом деле вредит мне, сам того не зная.

«Да, это так. Есть ли еще мужчина, которому ты можешь доверять?»

« Я доверяю Роберту^[20].

«Да. Возможно, ты еще встретишь кого-то... в будущем».

« Да.

Мысль о том, что она может знать будущее, была исключительно захватывающей. Она так точно воспроизводила свое прошлое. Благодаря Учителям она знала секретные, особенные факты. Могли ли они таким же образом смотреть в будущее? И если да, то могли бы они поделиться этим знанием с нами? В моей голове роились сотни вопросов.

«Когда ты находишь контакт со своим сверхсознанием, как сейчас, и получаешь доступ к этой мудрости, твои психические способности развиваются? Ты можешь заглянуть в будущее? С прошлым мы уже достаточно поработали».

« Да, такое возможно. Но сейчас я не вижу ничего.

«Это возможно?» – повторил я.

« Я уверена.

«Ты не побоялась бы сделать это? Можешь ли ты попасть в будущее и узнать какую-нибудь нейтральную информацию, которая не испугала бы тебя? Ты можешь видеть будущее?»

Она ответила очень быстро:

« Я ничего не вижу. Мне не позволяют.

Я понял, что она имела в виду Учителей.

«Они сейчас рядом с тобой?»

« Да.

«Они говорят с тобой?»

« Нет, они просто наблюдают за всем.

Итак, за ней наблюдали, и ей не позволяли проникнуть в будущее. Вероятно, мы ничего не выиграли бы от такого беглого взгляда туда. А возможно, это слишком встревожило бы Кэтрин. Возможно, мы еще не были готовы принять эту информацию. Я не стал давить на нее.

«Тот Дух, который был рядом с тобой раньше... Гидеон?»

« Да.

«Что ему нужно? Почему он рядом? Ты знаешь его?»

« Нет, не уверена.

«Но он защищает тебя от опасности, так?»

« Да.

«Учителя...»

« Я не вижу их.

«Иногда они передают мне послания – послания, которые помогают и мне, и тебе. Ты можешь передавать эти послания, когда они не говорят с тобой? Они помещают в твоё сознание эту информацию?»

« Да.

«Ты можешь отслеживать, как далеко ты идешь? Что ты помнишь?»

« Да.

«То есть смысл объяснения всех жизней существует...»

« Да.

«...Для вас и для меня... учить. Избавиться от страха».

« Существует много способов общения. Они используют разные... чтобы показать нам, что они действительно существуют.

Независимо от того, слышала ли Кэтрин их голоса, видела ли картины прошлого или будущего, переживала ли какие-то психические явления, или в ее голове появлялись какие-то идеи и мысли, цель была одна – показать, что они действительно существуют, и более того, они рядом, чтобы помогать нам, поддерживать нас на нашем пути с помощью озарений и знаний, чтобы помочь нам стать богоподобными через мудрость.

«Ты знаешь, почему они выбрали тебя...»

« Нет...

«...в качестве проводника?»

Это был очень деликатный вопрос, потому что, выходя из транса, Кэтрин даже слушать не могла наши записи. Она прошептала:

« Нет.

«Тебя это пугает?»

« Иногда.

«А иногда нет?»

« Точно.

«Что ж, это вселяет надежду! – добавил я. – Теперь мы знаем, что мы вечны. Поэтому мы спокойно можем расстаться со страхом смерти».

« Да.

Она помолчала. Затем вернулась к основным задачам нынешней жизни.

« Я должна научиться доверять. Когда мне говорят что-то, мне нужно научиться верить этому... если человек действительно знающий.

«Безусловно, есть люди, которым доверять не стоит», – добавил я.

« Да, но я всегда сомневаюсь. Я сопротивляюсь тому, чтобы доверять тем, кому, как я знаю, точно доверять можно. Я не хочу никому доверять.

Она замолчала, и я снова отметил, что ее посетило озарение.

«В последний раз ты рассказывала, как ты была ребенком, в саду с лошадьми. Ты помнишь это? Это была свадьба твоей сестры».

« Чуть-чуть.

«Что еще ты могла почерпнуть из того времени? Знаешь?»

« Да.

«Может, стоит вернуться туда и поискать что-то еще?»

« Не получится. В каждой жизни столько всего... столько знаний нужно приобрести... в каждой из жизней... да, нам надо вернуться туда и поискать, но не получится.

Я вернулся к ее сложным отношениям с отцом:

«Отношения с отцом – это еще один пласт, который сильно повлиял на твою жизнь».

« Да.

«Это еще одна область, которую нам стоит исследовать. Тебе надо многое вынести из этих отношений. Сравни свою ситуацию с положением маленького мальчика на Украине, который потерял отца в раннем детстве. С тобой в этот раз такого не произошло. И тем не менее, будучи с отцом в этот раз, и несмотря на то, что лишений в этой жизни меньше...»

« ...Проблем больше... Мысли... Мысли...

«Какие мысли?» – я почувствовал, что она нашла новую область.

« Об анестезии. Когда вы находитесь под анестезией, вы слышите что-нибудь? Вы можете слышать!

Она сама задала вопрос и сама себе на него ответила. Теперь она зашептала быстрее, все больше и больше возбуждаясь.

« Ваш мозг прекрасно осознает все, что происходит вокруг. Врачи говорили о том, что я захлебываюсь, что я могу захлебнуться во время операции на горле.

Я вспомнил, что Кэтрин перенесла операцию на голосовых связках за несколько месяцев до начала наших с ней сеансов. Она очень волновалась перед операцией, но, очнувшись в операционной, пришла в полный ужас. Медперсоналу понадобилось несколько часов, чтобы успокоить ее. Теперь стало понятно, что она слышала все, что говорили хирурги во время операции – и именно это привело ее в такой ужас. Я вспомнил свое обучение в медицинском институте и свою хирургическую практику. Я припоминал самые обычные разговоры врачей, которые они вели во время операции. Шутки, ругательства, споры, проявления характера врачей. Что из этого слышали пациенты,

находясь на уровне подсознания? Как сильно все это повлияло на их мысли и эмоции, страхи и тревоги после пробуждения? Позитивно или негативно влияли все комментарии, которые врачи позволяли себе делать в ходе операции, на процесс восстановления после операции и на постоперационный период жизни в целом? Умер ли кто-нибудь только из-за того, что врачи предвосхищали негативный исход операции? Быть может, чувствуя, что надежды нет, врачи просто сдались?

«Ты помнишь, что именно они говорили?» – спросил я.

« Они говорили, что должны вставить трубку. Если ее вынуть, то горло могло распухнуть. Они не знали, что я все слышу.

«Но ты все слышала».

« Да. Поэтому у меня и возникли все эти проблемы.

После сегодняшнего сеанса у Кэтрин полностью исчез страх подавиться или захлебнуться. Просто взял и исчез.

Тем временем она продолжала:

« Все эти тревоги... Я боялась, что захлебнусь.

«Ты чувствуешь себя освобожденной?»

« Да. Вы можете изменить ситуацию в корне.

«Я?»

« Да, вы... Врачам нужно следить за тем, что они говорят. Я все вспомнила. Они вставили трубку мне в горло. И потому я уже ничего не могла им сказать.

«Теперь ты свободна... ты действительно слышала их».

« Да, я слышала их разговор.

Она замолчала на минуту или две, а затем начала вертеть головой из стороны в сторону. словно прислушивалась к чему-то...

«Похоже, тебе снова передают важные послания. Ты знаешь, от кого они исходят?»

Я очень надеялся, что снова появятся Учителя.

« Кто-то говорит мне...

«Кто-то разговаривал с тобой?»

« Но они ушли.

Я попытался вернуть их: «Посмотри, есть ли возможность вернуть их, если у них есть послание для нас... чтобы помочь нам».

Но она твердо ответила:

« Они приходят, когда сами захотят, а не по моему выбору.

«Ты никак не можешь на них влиять?»

« Нет.

«Хорошо, – сдался я. – Но то, что они рассказали тебе об анестезии, было очень важным для тебя. Они указали на причину того, почему ты захлебывалась».

« Это было важным для вас, а не для меня.

Ее ответ эхом отозвался в моей голове. Она избавилась от ужаса захлебнуться, однако то, что помогло ей от этого избавиться, было более важно для меня, нежели для нее. Я избавил ее от этого. В ее ответе было много разных смыслов. Я почувствовал, что если бы и вправду понимал все эти уровни, весь этот многооктавный диапазон значений, то совершил бы квантовый скачок в понимании отношений между людьми. Возможно, в данной ситуации процесс помощи был важнее излечения.

«Важнее для меня, чтобы помогать тебе?» – спросил я.

« Да. Вы можете исправить то, что они сделали. Вы уже стали исправлять то, что они сделали...

На этом мы и закончили, взаимно получив великий урок.

Вскоре после своего третьего дня рождения моя дочь Эми выбежала мне навстречу и обняла меня за ноги. Потом подняла голову, посмотрела на меня и сказала: «Папочка, я люблю тебя уже сорок тысяч лет». Я посмотрел на ее маленькое личико и почувствовал себя очень, очень счастливым.

Глава 11

Несколько недель спустя я внезапно подскочил среди ночи, очнувшись от глубокого сна. Мне привиделось лицо Кэтрин, которое было в несколько раз больше реальной величины, и это меня сильно встревожило. Она выглядела очень расстроенной, и словно нуждалась в моей помощи. Я взглянул на часы – было 3:36 ночи. Снаружи все было тихо, так что никакой шум не мог меня разбудить. Кэрл мирно спала рядом. Я решил не заострять внимание на этом, и снова заснул.

Этой же ночью, примерно в 3:30 Кэтрин проснулась в панике, потому что ей снился кошмар. Она вся вспотела. И сердце ее сильно билось. Она решила помедитировать, чтобы успокоиться, и представила, как я гипнотизирую ее в своем офисе. Она представила мое лицо, услышала мой голос и понемногу снова заснула.

Телепатические способности Кэтрин возросли и, очевидно, что и мои тоже. Я не раз слышал, как старые профессора обсуждали явления переноса и контрпереноса, возникающие в процессе психотерапии между терапевтом и клиентом. «Переносом» называют процесс, когда пациент приписывает свои чувства, мысли и эмоции терапевту, который воспринимается им как кто-то очень важный из прошлого. «Контрперенос» же, напротив, является бессознательной реакцией терапевта на пациента. Но это общение, которое произошло между нами в 3:30 ночи, было совершенно из другой области. Это была телепатическая связь на волне, которая не воспринималась обычными каналами. Гипноз каким-то образом открыл этот канал. А может, это были слушатели, группа Духов-Учителей, хранителей или кого-то еще, кто помог нам найти новую волну? Я был чрезвычайно удивлен.

На следующем сеансе Кэтрин быстро вошла в гипнотический транс. Она была очень встревожена:

« Я вижу огромное облако... оно пугает меня.

Она часто задышала.

«Оно все еще здесь?»

« Не знаю... оно появилось и быстро исчезло... где-то высоко за горами.

Она все еще была встревожена.

Я боялся, что она видела взрыв бомбы. Могло ли это быть будущее?

«Ты видишь горы? Это было похоже на взрыв бомбы?»

« Не знаю.

«Почему ты испугалась?»

« Оно появилось очень внезапно. Оно только что было здесь... Очень густое... очень дымное... Огромное. Сейчас оно на расстоянии. О-о-о...

«Ты в безопасности. Можешь подойти к нему ближе?»

« Я не хочу подходить ближе!!

Она очень редко сопротивлялась в процессе работы.

«Почему ты так боишься его?» – спросил я снова.

« Мне кажется, оно химическое, или что-то вроде того. Очень трудно дышать около него.

Она явно дышала с трудом.

«Это похоже на газ? Оно появляется из горы... как вулкан?»

« Думаю, да... Оно похоже на огромный гриб... Так оно выглядит... белое.

«Но это не бомба? Точно не похоже на атомную бомбу? Или что-то вроде этого?»

Она ненадолго замолчала, а затем продолжила:

« Это вул... похоже, что вулкан, или что-то вроде него, думаю. Оно очень страшное. Рядом с ним тяжело дышать. В воздухе какая-то пыль. Я не хочу находиться здесь!

Постепенно ее дыхание снова стало таким же глубоким и равномерным, как обычно в гипнотическом состоянии. Она ушла от этого пугающего образа.

«Сейчас тебе легче дышать?»

« Да.

«Отлично. Что ты теперь видишь?»

« Ничего... вижу цепочку, цепочку на чьей-то шее. Она голубая... Серебряная, на ней висит голубой камень, под которым несколько маленьких камней.

«На голубом камне есть что-нибудь?»

« Нет, он прозрачный. Через него все видно. У женщины черные волосы и синяя шляпа на голове... с большим пером, а платье у нее бархатное.

«Ты знаешь эту женщину?»

« Нет.

«Ты находишься там, или ты сама эта женщина?»

« Не знаю.

«Но ты ее видишь?»

« Да. И я – не эта женщина.

«Сколько ей лет?»

« Ей немного за сорок. Но она выглядит старше своих лет.

«Она что-нибудь делает?»

« Нет, просто стоит у стола. На столе флакон духов. Белый с зеленым цветком. Та еще лежит щетка для волос и гребешок с серебряными ручками.

Меня впечатлило то, как она подмечала детали.

«Это ее комната? Или, может, магазин?»

« Нет, это ее комната. Там стоит кровать... с четырьмя покрывалами сверху. Кровать коричневая. На столе стоит кувшин.

«Кувшин?»

« Да. В комнате совсем нет картин. Но есть забавные темные... шторы.

«Кто-нибудь еще здесь есть?»

« Нет.

«Каким образом эта женщина связана с тобой?»

« Я ее служанка.

И снова она была прислугой.

«Ты давно у нее работаешь?»

« Нет... всего несколько месяцев.

«Тебе нравится эта цепочка?»

« Да, она выглядит очень элегантно.

«Ты когда-нибудь носила цепочки?»

« Нет.

Ее короткий ответ дал мне понять, что надо брать бразды правления разговором в свои руки, чтобы получить хоть какую-то информацию. Она напомнила мне моего сына-подростка.

«Сколько тебе лет сейчас?»

« Примерно тринадцать... или четырнадцать.

И даже возраст совпадал.

«Почему ты оставила свою семью?» – спросил я.

« Я их не оставляла. Я просто работаю здесь.

«Вижу. После работы ты возвращаешься домой, к своей семье?»

« Да.

Ее короткие ответы давали мало возможностей для развития темы.

«Вы живете рядом?»

« Достаточно близко... мы очень бедны. Нам необходимо работать... и прислуживать.

«Ты знаешь, как зовут эту женщину?»

« Белинда.

«Она хорошо к тебе относится?»

« Да.

«Хорошо. У тебя трудная работа?»

« Она не сильно утомляет.

Говорить с подростками всегда было непросто, даже в прошлые века. Хорошо, что у меня практики достаточно.

«Хорошо. Ты все еще ее видишь?»

« Нет.

«Где ты сейчас?»

« В другой комнате. Там стоит стол, покрытый черной тканью... с бахромой. Пахнет множеством трав... тяжелый запах.

«Все это принадлежит твоей хозяйке? Она использует так много духов?»

« Нет, это другая комната. Я в другой комнате.

«Чья это комната?»

« Это комната какой-то темной дамы.

«В смысле – темной? Ты ее видишь сейчас?»

« У нее на голове много покрывал. Много вуалей. Она старая и морщинистая.

«Какие у вас отношения?»

« Я просто пришла провести ее.

«Зачем?»

« Она может погадать на картах.

Интуитивно я понял, что она пришла к гадалке, которая, вероятно, умеет гадать на картах Таро. В этом повороте событий была своя ирония. В настоящем времени мы с Кэтрин совершали удивительное путешествие через многие жизни и измерения и даже выходили за пределы времени, и вот мы видим, что примерно двести лет назад она тоже обращалась к экстрасенсу, чтобы узнать будущее. Я знал, что Кэтрин никогда не обращалась к экстрасенсам в настоящем и не представляла, что такое таро или гадание; все это пугало ее.

«Она предсказывает судьбу?» – спросил я.

« Она видит ее.

«У тебя есть вопрос к ней? Что ты хочешь увидеть? Что ты хочешь узнать?»

« Хочу спросить о мужчине... за которого выйду замуж.

«Что она говорит, когда гадает на картах?»

« На картах есть что-то типа полей. Поля и цветы... поля в виде шпилей или каких-то линий. Еще есть карта с чашей, кубком... Вижу карту с мужчиной, или мальчиком, который несет щит.

«Ты видишь эту женщину?»

« Я вижу какие-то монеты.

«Ты все еще с ней? Или уже в другом месте?»

« Я с ней.

«Как выглядят эти монеты?»

« Они золотые. Края неровные. С острыми углами. На одной из сторон корона.

«Посмотри, написан ли на монете год? Или что-то, что ты можешь прочитать... по буквам».

« Какие-то иностранные цифры. X и I.

«Ты знаешь, какой это год?»

« Не знаю.

«Предсказание женщины сбылось?»

« Но она пропала. Все пропало... Я не знаю.

«Ты что-нибудь видишь?»

« Нет.

«Нет?» – я был очень удивлен. Где же она была? «Ты знаешь, как тебя зовут в этой жизни?» – спросил я, надеясь ухватить ниточку ускользающей от взора жизни, которую Кэтрин прожила несколько сотен лет назад.

« Нет, меня там больше нет.

Она вышла из этого жизненного периода и теперь отдыхала. Теперь она могла сама все сделать. Не было необходимости заново переживать свою смерть, чтобы отдохнуть потом. Мы подождали несколько минут. Эта жизнь была не слишком показательной. Она вспомнила только какие-то описания и очень интересный визит к гадалке.

«Ты что-нибудь видишь сейчас?» – снова спросил я.

« Нет.

«Ты отдыхаешь?»

« Да... разноцветные драгоценности...

«Драгоценности?»

« Да. На самом деле это свет, но выглядит как драгоценные камни.

«Что еще?»

« Я просто...

Она остановилась и затем зашептала громко и четко:

« Вокруг парит много мыслей и слов... о сосуществовании и гармонии... о балансе вещей.

Я понял, что Учителя где-то рядом.

«Да, – подстегнул ее я. – Я хочу узнать больше об этом. Можешь рассказать мне?»

« Сейчас это всего лишь слова.

«Сосуществование и гармония», – напомнил я ей.

Когда она начала отвечать, я узнал голос Учителя-Поэта. Я был очень взволнован тем, что услышал его снова.

« Да. Все должно быть уравновешено. Природа уравновешена. Животные живут в гармонии. Людям надо научиться этому. А они продолжают уничтожать себя. У них нет гармонии, потому что нет плана действий. В природе все по-другому. Природа уравновешена. Природа – это энергия и жизнь... и восстановление. А люди все

уничтожают. Они уничтожают других людей. Однажды они уничтожат самих себя.

Это было зловещее предсказание. Несмотря на то что мир был постоянно в хаосе и смятении, я надеялся, что это свершится не очень скоро.

«Когда это случится?» – спросил я.

« Это случиться скорее, чем ожидается. Природа уцелеет. Растения уцелеют. Но мы погибнем.

«Можем ли мы что-то сделать, чтобы предотвратить катастрофу?»

« Нет. Все должно быть уравновешено...

«Катастрофа произойдет в наше время? Можем ли мы предотвратить ее?»

« Нет, в нашей жизни этого не произойдет. Мы уже уйдем на другой план, в другое измерение, когда это случится, но мы увидим это.

«Неужели людей нельзя ничему научить?» – я пытался найти выход, возможность смягчить удар.

« Да, но на ином уровне. Когда мы попадем туда, мы узнаем ответ.

Я решил обратить внимание на светлую сторону вопроса.

«Хорошо, тогда наши души разовьются в иных местах».

« Да... нас не будет тут... в том понимании, к которому мы привыкли. Но мы увидим все.

«Да, – подытожил я. – Я чувствую, что должен научить людей, но не знаю, как до них достучаться. Есть ли какой-то способ, или они сами должны дойти до всего?»

« Ты не можешь достучаться до каждого. Чтобы предотвратить катастрофу и разрушение, ты должен достучаться до каждого, а ты не можешь. Это невозможно остановить. Они сами поймут. Разовьются и поймут. Мир наступит, но не здесь, не в этом измерении.

«А точно мир наступит?»

« Да, в другом измерении.

«Кажется, что до этого так далеко! – пожаловался я. – Люди такие милые сейчас... жадные, стремящиеся к власти, амбициозные. Они забывают о любви и знании. Им очень много надо выучить».

« Да, это так.

«Могу ли я что-нибудь написать, чтобы помочь этим людям? Есть ли какой-то способ?»

« Ты знаешь этот способ. Нам не обязательно говорить тебе об этом. Вообще это не имеет смысла, потому что все мы достигнем нужного уровня, и все всё увидят. Мы все одинаковы. Среди нас нет более великих. И все, что происходит с нами – это уроки... и наказания.

«Да», – согласился я.

Это был очень глубокий урок, и мне нужно было время, чтобы переварить его. Кэтрин замолчала. Мы ждали, она отдыхала, а я пребывал в задумчивости, поглощенный волнующими словами, услышанными за этот час. В итоге она нарушила тишину, прошептав:

« Драгоценности исчезли. Драгоценностей больше нет. Огни ... исчезли.
«А голоса, тоже? Слова?»

« Да, я больше ничего не вижу.

Она замолчала, и ее голова начала крутиться из стороны в сторону.

« Дух... наблюдает.

«За тобой?»

« Да.

«Ты узнаешь этот дух?»

« Не уверена... Возможно, это Эдвард.

Эдвард умер в прошлом году. Он был поистине вездесущим. Казалось, он постоянно рядом с ней.

«Как выглядит дух?»

« Он просто... просто белый... как свет. У него нет лица – такого, какое мы привыкли видеть, но я узнаю его.

«Он общался с тобой?»

« Нет, просто наблюдал.

«Он слушал, что я говорю?»

« Да. Но сейчас он ушел. Он просто хотел убедиться в том, что со мной все в порядке.

Я задумался о распространенных представлениях об ангеле-хранителе. Безусловно, Эдвард в роли заботящегося любящего духа, следящего за тем, все ли у нее хорошо, подходил для этого. И Кэтрин уже сама упоминала о духах-хранителях. Мне было интересно, сколько

же наших детских легенд основывалось на смутных воспоминаниях о прошлом.

Меня также интересовала иерархия духов – кто из них становился Учителем, кто хранителем, кто ни тем, ни другим, а просто учился. Должно было быть какое-то деление по уровню мудрости и знаний, а целью развития было становление богоподобным и приближение и даже, возможно, слияние с Богом. Об этой цели высокопарным слогом говорили все теологи мира на протяжении многих веков. Вероятно, у них были мимолетные видения этого единения. И так как подобного опыта было мало, люди-посредники, подобные Кэтрин, обладающие таким же экстраординарным талантом, передавали наиболее полную информацию.

Эдвард ушел, и Кэтрин замолчала. Ее лицо сияло умиротворением, она была окутана спокойствием. Какой же все-таки замечательный талант ей достался – уметь заглядывать за пределы жизни и смерти, говорить с «богами» и делиться их мудростью. Мы рвали плоды с Древа Познания, которое больше не находилось под запретом. Интересно, сколько еще на нем не сорванных яблок?

Мать Кэрол, Майнетт, умирала от рака, который распространялся из ее груди в кости и печень. Это продолжалось уже четыре года, и никакая химиотерапия не могла остановить процесс. Она была храброй женщиной, стойко переносившей боль и слабость. Но болезнь прогрессировала, и я знал, что вскоре она должна была умереть.

В то же время сеансы с Кэтрин продолжались, и я делился нашими открытиями и переживаниями с Майнетт, и был слегка удивлен тем, что она, практичная деловая женщина, с готовностью принимала эти знания и хотела знать больше. Я давал ей читать разные книги на эту тему. И она проглатывала их с жадностью. Она записалась на курсы Каббалы – древнего мистического учения евреев – и записала нас с Кэрол. Реинкарнации и промежуточные планы являлись базовыми понятиями каббалистической литературы, однако очень многие современные евреи даже понятия не имеют о них. Дух Майнетт крепчал, пока тело ее увядало. Страх смерти стал слабее. Она начала предвкушать встречу со своим любимым мужем Беном. Она верила в бессмертие своей души, и

это помогало ей переносить боль. Она цеплялась за жизнь, ожидая рождения внуки, первого ребенка ее дочери Донны. Она увидела Кэтрин в больнице во время одной из процедур, их глаза встретились, и беседа потекла мирно и радостно. Откровенность и искренность Кэтрин помогли Майнетт уверовать в то, что жизнь после смерти действительно продолжается.

За неделю до смерти Майнетт пригласили в онкологическое отделение больницы. Мы с Кэрол могли проводить с ней время, разговаривая о жизни и смерти и о том, что ждало ее после смерти. Обладая исключительным благородством и достоинством, она решила умереть в больнице, где медсестры могли заботиться о ней. Донна, ее муж и их шестинедельная дочь пришли, чтобы провести время с ней и попрощаться. Мы долго были с ней. Около шести вечера того дня, когда Майнетт умерла, Кэрол и я почувствовали непреодолимое стремление вернуться. Следующие шесть часов, проведенных с ней, были наполнены покоем и невероятной духовной энергией. Хотя дыхание ее было затруднено, Майнетт больше не чувствовала боли. Мы говорили о ее переходе в промежуточное состояние, о ярком свете и присутствии духа. Она пересмотрела свою жизнь, в основном молча, и попыталась принять все плохое, что в ней было. Казалось, она знает, что не сможет уйти, пока не завершит этот процесс. Она ждала конкретного времени, чтобы умереть – раннего утра. Она ждала его с нетерпением. Майнетт была первым человеком, которого мне довелось сопровождать до самого момента смерти.

Она была сильной, и наше горе смягчал приобретенный опыт. Я почувствовал, что поле моей деятельности как терапевта теперь включало не только лечение фобий и тревог, но и консультирование в ситуации смерти и умирания, а также глубокого горя. Я интуитивно знал, чего делать не стоит, и каким образом вести терапию. Я мог дать пациентам почувствовать умиротворенность, покой и надежду.

После смерти Майнетт многие другие, умирающие или переживающие смерть любимых, обратились ко мне за помощью. Многие из них не были готовы узнать о Кэтрин или читать литературу о жизни и смерти. Но даже не рассказывая об этом, я знал, что могу донести до них нужные

послания. Интонациями, сопереживанием и пониманием происходящего и их страхов и чувств, взглядом, прикосновением, словом я мог проникнуть в их души и вселить в них надежду, пробудить забытую духовность, человечность. А тем, кто был готов к большему, я предлагал почитать книги и рассказывал о своей работе с Кэтрин и другими – и это было для них словно глоток свежего воздуха. Те, кто был готов к этому, – воспрняли духом. Озарения их посещали гораздо быстрее.

Я уверен, что терапевты должны открыть свои умы новому знанию. Существует реальная необходимость в большем количестве научных исследований и документирования переживаний смерти и умирания – как в случае с Кэтрин, а также во множестве экспериментов. Терапевтам необходимо признать наличие жизни после смерти и использовать это при консультировании. Им не обязательно применять гипноз, но их сознание должно быть открыто, они могут делиться знанием с пациентами и не сбрасывать со счетов их переживания.

Люди в наше время угасают, думая, что все мы смертны. Эпидемия СПИДа, ядерное уничтожение, терроризм, болезни и другие катастрофы нависают над нами и мучают нас ежедневно. Многие из подростков убеждены, что не проживут дольше двадцати лет. Это ужасно, учитывая высокий уровень стресса в нашем обществе. Если говорить об отдельных людях, то реакция Майнетт на слова Кэтрин воодушевляет. Ее дух окреп, и она исполнилась надеждой перед лицом ужасной боли и немощи ее тела. Но все эти послания относятся не только к умирающим, а ко всем нам. Для нас тоже есть надежда. Нам нужно больше клиницистов и ученых, чтобы изучать таких, как Кэтрин. Все ответы у нас есть. Мы бессмертны. Мы всегда будем вместе.

Глава 12

С момента проведения нашего первого с Кэтрин сеанса прошло три с половиной месяца. За это время она не только избавилась от своих симптомов, не просто вылечилась, а открыла в себе исключительные способности. Она буквально сияла и источала умиротворение вокруг себя. Люди тянулись к ней. Когда она завтракала в кафетерии больницы, то мужчины и женщины стремились подсесть к ней со словами «Хочу сказать вам, что вы выглядите прекрасно!» словно рыбак, она ловила их на невидимую удочку своих психических способностей. А ведь до этого она несколько лет завтракала в этом кафетерии, но никто даже не замечал ее.

Как и обычно, она быстро погрузилась в транс в моем офисе с приглушенным освещением, и ее светлые локоны заструились по знакомой бежевой подушке.

« Я вижу здание... построенное из камня. На самом верху его что-то есть. Вокруг много гор. Очень сыро... снаружи очень сыро. Вижу повозку. Я вижу, как мимо проезжает повозка... прямо напротив меня. В повозке много сена, сена или соломы, или чего-то другого, что могут есть животные. Там несколько человек. В руках у них какие-то флаги – на конце палки что-то развевается. Очень яркие цвета. Я слышу, что они говорят о маврах... о маврах. И о текущей войне. У них что-то железное... что-то железное на головах... что-то вроде металлических шапок. Сейчас 1483 год... еще слышу что-то о датчанах... мы воюем с датчанами? Сейчас идет какая-то война.

«Ты находишься там, с ними?» – спросил я.

« Не вижу. Я вижу повозки. Они двухколесные, двухколесные с открытым верхом. Они открыты. По обеим сторонам открыты планки, деревянные планки, соединенные вместе. Вижу... они носят на шеях что-то металлическое... очень тяжелые металлические украшения в форме креста. Но с закругленными краями, крест... с круглыми краями. У них праздник имени какого-то святого. Я вижу мечи. У них есть ножи или мечи... очень тяжелые, с тупыми концами. Они готовятся к битве.

«Попробуй найти себя среди них, – попросил я. – Оглядись вокруг. Может, ты солдат. И смотришь на них откуда-то».

« Я не солдат.

Она была абсолютно уверена в этом.

«Оглядись вокруг».

« Я принесла еду. Это деревня, какая-то деревня.

Она замолчала.

«Что ты видишь сейчас?»

« Вижу флаг. Что-то вроде флага. Красный с белым... Белый с красным крестом.

«Это флаг твоих людей?»

« Это знамя солдат короля.

«Это ваш король?»

« Да.

«Ты знаешь его имя?»

« Не слышу. Его здесь не называют.

«Ты можешь рассказать, что на тебе надето? Посмотри и расскажи, во что ты одета».

« Что-то кожаное... кожаная куртка, а под ней... под ней грубая рубашка. Кожаная куртка... короткая... Сапоги из кожи животных... не совсем сапоги, больше похожи на ботинки или мокасины. Никто со мной не разговаривает.

«Понимаю. Какого цвета у тебя волосы?»

« У меня светлые волосы. Я очень стар, поэтому в них есть седина.

«Что ты думаешь об этой войне?»

« Она стала моим стилем жизни. В прошлой битве я потерял ребенка.

«Сына?»

« Да.

Она была очень печальна.

«Кто у тебя остался? Кто остался из твоей семьи?»

« Моя жена... и дочь.

«Как звали твоего сына?»

« Я не знаю его имени. Я просто помню его. Я вижу свою жену.

В разных жизнях Кэтрин бывала и мужчиной, и женщиной. В этой жизни у нее детей не было, а во многих других жизнях было много детей.

«Как выглядит твоя жена?»

« Она очень уставшая, очень. Старая. У нас есть козы.

«Ваша дочь все еще живет с вами?»

« Нет, она замужем и ушла от нас некоторое время назад.

«Значит, ты и твоя жена живете одни?»

« Да.

«И как идет ваша жизнь?»

« Мы устали. Мы очень бедны. Нам было непросто.

«Конечно. Вы потеряли сына. Вы скучаете по нему?»

« Да.

Она ответила суховато, но ее горе было очень ощутимо. Я решил сменить тему.

«Ты была фермером?»

« Да. Тут растет пшеница... пшеница, или что-то на нее похожее!

«На протяжении твоей жизни в этом краю было много войн, много трагедий?»

« Да.

«Но ты прожила до старости».

« Да, ведь сражения происходили не в деревне, а за ее пределами. До места сражения им нужно долго идти... через горы.

«Ты знаешь, как называется место или городок, где ты живешь?»

« Не вижу, но наверняка есть какое-то название. Я не вижу его.

«Для тебя эта жизнь сильно связана с религией? На солдатах были кресты».

« Для всех да, а для меня нет.

«Кто-нибудь еще, кроме твоей жены и дочери, жив из твоей семьи?»

« Нет.

«Твои родители умерли?»

« Да.

«А братья или сестры?»

« У меня есть сестра. Она жива. Я не знаю ее [\[21\]](#).

«Хорошо, посмотри, может, ты кого-нибудь узнаешь из своей деревни или семьи?»

Если и правда люди перевоплощаются группами, то велика вероятность, что поблизости будет кто-то значимый из нынешней жизни Кэтрин.

«Вижу каменный стол... и чаши.

«Это твой дом?»

«Да. Сделан из чего-то к... что-то желтое, что-то из кукурузы... или... просто что-то желтое. Это наша еда.

«Хорошо, – я попытался ускорить процесс. – Эта жизнь была очень тяжелой для тебя, очень тяжелой. О чем ты думаешь?»

«Лошади, – прошептала она.

«Они принадлежат тебе? Или кому-то другому?»

«Нет, они принадлежат солдатам... кому-то из них. В основном они просто пасутся. Это не совсем лошади – это ослики, или какие-то маленькие лошадки. Они бывают в основном дикие.

«Давай пойдем дальше, – сказал я. – Ты очень стара. Постарайся перейти к последнему дню твоей жизни в качестве старика».

«Но я не очень старый.

На последних сеансах она была не особо гипнабельна. Я не мог внушить ей забыть какие-то реальные воспоминания. Не мог заставить ее заменить детали того, что произошло и осталось в памяти.

«В этой жизни произошло еще что-то важное? – спросил я, попробовав изменить подход. – Нам очень важно это узнать».

«Ничего значительного.

«Тогда пойдем дальше, дальше. Давай посмотрим, чему ты должна была научиться в этот раз. Ты знаешь, что это может быть?»

«Нет, я все еще здесь.

«Я знаю. Ты видишь что-нибудь?»

Прошла минута или две перед тем, как она тихо прошептала:

«Я парю.

«Ты уже не со стариком?»

«Да, я парю.

Она снова переходила в состояние духа.

«Ты знаешь, чему должна была научиться? Эта жизнь была очень тяжелой для тебя».

« Не знаю. Я просто парю.

«Хорошо, отдыхай... Отдыхай».

Минуты прошли в тишине. Затем мне показалось, что она слушает кого-то. Внезапно она заговорила. Голос ее был громким и глубоким. Это была не Кэтрин:

« Существует всего семь планов, семь планов, каждый из которых состоит из множества уровней. Одним из уровней является воспоминание. Там тебе разрешают собрать все свои мысли. Тебе позволяют пересмотреть всю только что закончившуюся жизнь. Тем, кто находятся на высших уровнях, позволено пересмотреть историю. Они могут вернуться и научить нас, заставив выучить историю. Но мы, те, кто находятся на более низких уровнях, можем пересматривать лишь нашу собственную жизнь... которая только что закончилась.

У нас есть долги, которые мы должны оплатить. Если мы не рассчитаемся с ними, мы возьмем их с собой в другую жизнь... чтобы отработать их там. Ты растешь, оплачивая свои долги. Некоторые души растут быстрее остальных. Когда ты находишься в физическом теле и прорабатываешь все, ты прорабатываешь жизнь. Если что-то мешает вам... оплатить долг, вы возвращаетесь на план воспоминаний и там вы ждете, когда душа, перед которой вы в долгу, придет к вам. И затем вас обоих могут вернуть в физические тела одновременно, вам позволяют вернуться. Но именно ты определяешь, когда возвращаться. Ты определяешь, что необходимо сделать, чтобы оплатить долг. Ты не будешь помнить предыдущие жизни... только ту, что только что завершилась. Только души высшего уровня – мудрецы – могут помнить историю и все произошедшие события... и помогать нам, учить, что и как делать.

Существует семь планов... Семь планов, через которые мы должны пройти перед тем, как вернуться. Один из них – план перехода. На этом плане определяется, что вы возьмете с собой в следующую жизнь. У нас у всех есть... доминирующая черта. Это может быть жадность, похоть, но какой бы она ни была, вы должны искупить долги перед другими

людьми. Затем вам нужно превозмочь эту черту. Вы должны победить жадность. Если вы не сможете, то когда вы вернетесь, вам придется нести эту черту дальше, в другую жизнь. Бремя станет более тяжким. И так с каждым разом – если в текущей жизни вам не удалось победить свой порок, следующая жизнь будет более тяжелой. А если у вас все получится, то вам дадут легкую жизнь. Поэтому вы сами выбираете, какую жизнь вам проживать. В следующей стадии вы сами ответственны за свою жизнь. Вы сами выбираете ее.

Кэтрин замолчала.

Было очевидно, что это послание исходило не от Учителя. Он назвал себя «те, кто находятся на более низких планах» по сравнению с теми душами, что занимают более высокое положение – «мудрецами». Но то, что он передал, было очень понятно и полезно. Мне было очень интересно, что собой представляют пять других планов и каковы их отличительные особенности. Была ли стадия обновления одним из этих планов? А как насчет стадии обучения и стадии принятия решений? Всё учение, которое передавалось в посланиях другими душами из разных измерений духовного плана, было очень последовательным. Способы доставки информации были разными, грамматическая форма и структура фраз отличались, изысканность стихосложения или словарный запас отличались; но содержание было неизменно последовательным. Таким образом, у меня формировался систематизированный объем духовного знания. И знание это воспевало любовь и надежду, веру и милосердие. В нем рассматривались добродетели и пороки, долги перед другими и перед собой. В нем так же говорилось о прошлых жизнях и духовных планах, на которые мы попадаем между жизнями. В нем говорилось о развитии души путем обретения гармонии и нахождения баланса, любви и мудрости и пути к мистическому и экстатическому единению с Богом.

При этом я получил много практических советов: о ценности терпения и ожидания; мудрости природного баланса; искоренении страхов, особенно страха смерти; о необходимости научиться доверять и прощать; о важности умения не судить других и не прерывать чужие жизни; о накоплении и применении силы интуиции; и, возможно, самый важный из всех – о том, что надо знать, что мы бессмертны. Мы не

ограничены жизнью и смертью, пространством или временем. Мы – это боги, а боги – это мы.

Кэтрин вновь тихо прошептала:

« Я парю.

«В каком ты состоянии?» – спросил я.

« Ни в каком... я парю... Эдвард мне должен... он что-то должен мне...

«Ты знаешь, что он тебе должен?»

« Нет... Какие-то знания... он должен мне их. Он должен мне что-то сказать, возможно, что-то о ребенке сестры.

«Ребенке твоей сестры?» – повторил я.

« Да. Это девочка... ее зовут Стефани.

«Стефани? Что ты должна знать о ней?»

« Я должна знать, как связаться с ней.

До этого момента Кэтрин ни разу не упоминала о своей племяннице.

«Она близка тебе?»

« Нет, но она захочет найти их.

«Найти кого?» – в замешательстве спросил я.

« Мою сестру и ее мужа. А это она может сделать только с моей помощью. Я – канал связи. У него есть информация. Ее отец – врач, он работает где-то в Вермонте. В южной части Вермонта. Информация будет у меня, когда придет время.

Позже я узнал, что сестра Кэтрин и ее будущий муж отдали свою дочь на усыновление, когда она была еще младенцем. В то время они сами были подростками и еще не были женаты. Усыновление организовала Церковь. После этого никакой информации о ней не было.

«Да. – согласился я. – Когда придет время».

« Да. Он скажет мне, когда. Он скажет.

«Какая еще информация есть у него для тебя?»

« Не знаю, но у него есть, что мне сказать. И он что-то должен мне... что-то должен. Не знаю, что. Он что-то мне должен.

Она замолчала.

«Ты устала?» – спросил я ее.

« Я вижу уздечку, – ответила она шепотом. – Какое-то снаряжение на стене. Уздечка... Вижу одеяло, которое лежит снаружи стойла.

«Это конюшня?»

«Тут есть лошади. Много лошадей.»

«Что еще ты видишь?»

«Вижу много деревьев с желтыми цветами. Мой отец здесь. Он ухаживает за лошадьми.»

Я понял, что говорю с ребенком.

«Как он выглядит?»

«Очень высокий и седой.»

«Ты видишь себя?»

«Я ребенок... я девочка.»

«Эти лошади принадлежат твоему отцу, или он просто ухаживает за ними?»

«Он просто ухаживает за ними. Мы живем рядом.»

«Тебе нравятся лошади?»

«Да.»

«У тебя есть любимица?»

«Да. Это мой конь. Его зовут Эппл.»

Я вспомнил жизнь, в которой Кэтрин была Мэнди – там тоже появлялась лошадь по имени Эппл. Могло ли быть так, что она снова попала в ту жизнь, которую мы уже изучали? Может быть, теперь она рассматривала ее под иным углом.

«Эппл... да. Отец позволяет тебе кататься на Эппл?»

«Нет. Но я могу его кормить. Его в основном запрягают в хозяйскую повозку, коляску хозяина. Он очень большой. У него большие ноги. Нужно быть осторожным, а то он наступит на тебя.»

«Кто еще с тобой?»

«Моя мать. Я вижу сестру... она старше меня. Больше никого не вижу.»

«Что ты видишь сейчас?»

«Вижу только лошадей.»

«Для тебя это счастливое время?»

«Да. Мне нравится запах конюшни.»

Она очень четко вспоминала детали, находясь в том времени в конюшне.

«Ты чувствуешь запах лошадей?»

« Да.

«Сена?»

« Да... у них такие мягкие мордочки. Тут и собаки есть. Черные собачки... несколько черных собак... и кошки... много животных. Собаки нужны для охоты. Когда идет охота на птиц, то берут с собой и собак.

«С тобой что-то случилось?»

« Нет.

Мой вопрос был слишком расплывчатым.

«Ты выросла на этой ферме?»

« Да. Человек, который заботится о лошадях... – она сделала паузу. – На самом деле он мне не отец.

Я был сбит с толку.

«Это не твой отец?»

« Не знаю. Он... он не мой настоящий отец, нет. Но для меня он как отец. Он второй отец. Он очень хорошо относится ко мне. У него зеленые глаза.

«Посмотри в его глаза – его зеленые глаза – и подумай, узнаешь ли ты его. Он хорошо относится к тебе. Он любит тебя».

« Это мой дедушка... мой дедушка. Он очень нас любил. Мой дедушка очень нас любил. Обычно мы ходили с ним куда-нибудь, где он мог выпить. Нам разрешалось пить содовую. Мы ему нравились.

Мой вопрос выбил ее из той жизни, и она попала в сверхсознательное состояние, откуда могла наблюдать. И сейчас она наблюдала за жизнью Кэтрин и ее отношениями с дедушкой.

«Ты все еще скучаешь по нему?» – спросил я.

« Да, – ответила она тихо.

«Но ты теперь видишь, что он был с тобой и раньше». – Я начал объяснять ей ситуацию, чтобы ослабить ее боль.

« Он очень хорошо к нам относился. Он любил нас. Он никогда не кричал на нас. Он давал нам деньги и всегда брал нас собой. Ему это нравилось. Но он умер.

«Да. Но ты снова будешь вместе с ним. И ты это знаешь».

« Да. Я уже была с ним раньше. Он совсем не похож на моего отца. Они такие разные.

«Почему один из них любит тебя и относится к тебе хорошо, а другой так сильно отличается?»

« Потому что дедушка уже выучил свой урок. Он оплатил свой долг. А отец еще не разобрался со своим долгом. Он вернулся... без всякого понимания. Ему придется снова это сделать.

«Да, – сказал я. – Ему необходимо научиться любить и заботиться».

« Да.

«Те, кто этого не понимают, – добавил я. – Относятся к ребенку как к собственности, а не как к человеку, которого надо любить».

« Да.

«И твоему отцу необходимо это понять».

« Да.

«А твой дедушка уже это знает».

« Я знаю, – вмешалась она, – мы проходим через столько стадий, будучи в физическом теле... как и через другие стадии эволюции. Нам приходится пройти через стадию младенчества, стадию малыша, стадию ребенка... Нам надо очень далеко зайти, пока мы не достигнем... пока мы не достигнем нашей цели. Физические стадии проходить очень трудно. Стадии на астральном плане проходить легко. Там мы просто отдыхаем и ждем. Сейчас мы проходим через сложные стадии.

«Сколько планов на астральном уровне?»

« Семь.

«Какие?» – я спросил это, надеясь услышать что-то и о других планах, ведь по предыдущим сеансам мне были известны только два.

« Мне рассказали только о двух. О стадии перехода и стадии воспоминания.

«С этими двумя и я знаком».

« Об остальных мы узнаем позже.

«Получается что мы учимся одновременно, – сказал я. – Сегодня мы узнали о долгах. Это очень важно».

Ответ был загадочен:

« Я запомню то, что должна запомнить.

«Ты запомнишь эти планы?» – поинтересовался я.

« Нет. Для меня они не важны. Они важны для вас.

Это я уже слышал прежде. Это все было для меня. Помочь ей, но не только. Помочь мне, но и это не все. Однако я не мог понять, какова будет высшая цель.

«Похоже, что ты быстро поправляешься, – сказал я. – Ты столько всего узнаёшь!»

„ Да.

«Почему люди так тянутся к тебе сейчас? Почему их влечет к тебе?»

„ Потому что я освободилась от стольких страхов, и я могу им помочь.

Они чувствуют, что их притягивает ко мне на ментальном уровне.

«Ты справляешься с этим?»

„ Да.

Это был не вопрос, конечно.

„ Я не боюсь.

«Хорошо. Я помогу тебе».

„ Я знаю. Вы – мой учитель.

Глава 13

Кэтрин удалось избавиться от всех симптомов, которые так досаждали ей. Она была более чем здорова. Жизни, в которые она попадала под гипнозом, начали повторяться. Я знал, что мы приближаемся к развязке, но чего я не знал в тот осенний день, когда снова погрузил ее в транс, так это то, что между этим и следующим сеансом, который будет для нее последним, пройдет пять месяцев.

« Я вижу узоры. Некоторые из них золотые. Вижу клей. Тут делают горшки. Они красные... их делают из какого-то красного материала. Вижу коричневое здание, какое-то коричневое сооружение. Мы все тут.

«Ты сама находишься в коричневом здании или рядом с ним?»

« Я внутри. Мы занимаемся разными делами.

«Ты видишь себя за работой? – спросил я. – Можешь описать себя? Что на тебе надето? Посмотри, как ты выглядишь?»

« На мне надето какое-то красное... Что-то длинное из красного материала. У меня на ногах забавные туфли, похожие на сандалии. У меня каштановые волосы. Моя задача – делать какие-то фигурку. Фигурку человека ... мужчины. У него в руке какая-то палка. Это... это жезл. Другие делают фигурки из... из металла.

«Это происходит на фабрике?»

« Это просто здание. Каменное здание.

«Фигурка, над которой ты работаешь, человек с жезлом – ты знаешь, кто это?»

« Нет. Это просто человек. Он следит за скотом... за коровами. Их очень много вокруг^[22]. Мы просто знаем, как они выглядят. Материал очень забавный. С ним трудно работать. Он все время крошится.

«Ты знаешь, как называется этот материал?»

« Не знаю. Вижу, что-то он красный. Это что-то красное.

«Что будет с фигуркой, когда ты ее закончишь?»

« Ее продадут. Некоторые фигурки продают на рынке. Некоторые попадут к знатым людям. Но только лучшие фигурки. Остальные продают.

«Ты когда-нибудь имела дело с этими благородными людьми?»

« Нет.

«Это твоя работа?»

« Да.

«Тебе она нравится?»

« Да.

«Ты давно этим занимаешься?»

« Нет.

«У тебя хорошо получается?»

« Не очень.

«Тебе нужно больше опыта?»

« Да, ведь я только учусь.

«Понимаю. Ты все еще живешь с семьей?»

« Не знаю, но я вижу коричневые коробки.

«Коричневые коробки?» – повторил я.

« У них небольшие отверстия. В них есть дверки и некоторые фигурки сидят внутри. Они сделаны из дерева, из какого-то сорта дерева. Нам нужно делать фигурки для этих коробок.

«Для чего вы делаете эти фигурки?»

« Они имеют религиозное значение.

«И кому здесь молятся – фигуркам?»

« Здесь много богов, защитников... много богов. Люди их очень боятся. Здесь много всего делается. Мы и игры делаем... доски с отверстиями для игр. В эти отверстия попадают головы животных.

«Ты видишь что-нибудь еще?»

« Здесь очень жарко, жарко и пыльно... много песка.

«Рядом есть вода?»

« Да, она спускается с гор.

Эта жизнь тоже начала казаться мне знакомой. Я решил выяснить о ней побольше.

«Люди боятся? Они суеверны?»

« Да. Здесь очень много страха. Все боятся. И я тоже боюсь. Мы должны защищать себя. Тут эпидемия. Мы должны защищать себя.

«Что за эпидемия?»

«Какая-то болезнь убивает всех. Очень многие умерли.

«От воды? – спросил я.»

«Да. Тут очень сухо и жарко, потому что боги сердиты на нас, и они нас наказывают.

Она снова оказалась в той жизни, где эту болезнь лечили танином. Я узнал эту религию, которая основана на страхе – религию Озириса и Хатхор.

«Почему боги сердятся на вас?» – спросил я, заранее зная ответ.

«Потому что мы нарушаем законы. Они злятся.

«Какие законы вы нарушили?»

«Законы, установленные знатными людьми.

«Вы можете как-то умиловать богов?»

«Нужно носить определенные вещи. Некоторые носят обереги у себя на шее. Они помогают бороться со злом.

«Есть ли какой-то бог, которого люди боятся больше всего?»

«Они боятся всех.

«Ты можешь назвать имена богов?»

«Я не знаю их имен. Я их просто вижу. Есть один бог с телом человека и головой зверя. Другой выглядит, как солнце. Еще один похож на птицу – он черный. У них на шее веревка.

«Ты пережила все это?»

«Да, я не умерла.

«Но члены твоей семьи умерли», – вспомнил я.

«Да... мой отец. С матерью все в порядке.

«А брат?»

«Брат?... он умер.

«Почему ты не умерла? Ты особенная? Или ты делаешь что-то особенное?»

«Нет.

Ответив, она сменила тему:

«Вижу что-то с маслом внутри.

«Что это такое?»

«Что-то белое. Выглядит почти как мрамор. Это... алебастр... Из него сделана какая-то чаша. А в ней масло, его используют для помазания

голов.

«...Голов жрецов?» – уточнил я.

« Да.

«Какая теперь у тебя задача? Ты помогаешь в помазании?»

« Нет. Я делаю фигурки.

«Это все то же коричневое здание?»

« Нет... это уже позже... это храм.

Она почему-то выглядела печальной.

«У тебя тут есть проблемы?»

« Кто-то сотворил что-то в храме, чем вызвал гнев богов. Не знаю.

«Это была ты?»

« Нет, нет... я просто смотрю на жрецов. Они готовятся к жертвоприношению, готовят какое-то животное... ягненка. Их головы лысые. У них вообще нет волос, ни на голове, ни на лицах.

Она замолчала. Медленно проходили минуты.

Внезапно она встрепенулась, словно услышала что-то. Заговорила она глубоким голосом. Появился Учитель:

« Именно на этом плане душам позволено представлять перед теми, кто находится в физическом теле. Им разрешено вернуться... если они не выполнили какой-либо уговор. На этом плане их общение возможно. Но на других планах... Именно тут вам нужно использовать возможности своей психики и общаться с теми, кто находится в физическом теле. Существует много способов сделать это. Некоторым дают использовать силу взгляда, и тогда они могут явить себя тем, кто находится в физической форме. Другим дается энергия движения – и тогда они могут общаться, передвигая объекты телепатически. Ты попадаешь на этот план, если тебе нужно. Если у тебя остался какой-то уговор, который ты не выполнил, ты можешь выбрать этот план, перейти на него и каким-то образом общаться. Но все это ... только для тех, кому необходимо выполнить уговор. Если вашу жизнь резко прервали, то это причина для перехода на этот план. Очень многие приходят сюда, потому что здесь они видят тех, кто в физическом теле, тех, кто им близок. Но не каждый выбирает общение. Кого-то это может сильно пугать.

Кэтрин замолчала, и, казалось, она отдыхает. Потом она снова тихо прошептала:

« Я вижу свет.

«Этот свет дает тебе силы?» – спросил я.

« Словно я начинаю все заново... перерождение.

«Как могут люди в физическом теле почувствовать эту энергию? Как они могут ее получить и зарядиться ею?»

« Через сознание.

«Но как им достигнуть такого состояния?»

« Они должны быть очень расслаблены. Вы можете обновиться через свет... через свет. Вы должны быть очень расслаблены – тогда вы перестанете тратить свою энергию и сможете обновиться. Когда вы спите – вы обновляетесь.

Она находилась в сверхсознательном состоянии, так что я решил получше изучить это вопрос.

«Сколько раз ты перерождалась? – спросил я. – И всегда ли ты попадала именно в эту, земную среду – или еще куда-нибудь в другое место?»

« Нет. Я не всегда попадала именно сюда.

«В какие еще времена или места ты попадала?»

« Я еще не справилась со своей задачей здесь. Я не могу двигаться дальше, пока не проживу всю жизнь, а я еще не закончила. Впереди еще множество жизней... чтобы выполнить все уговоры и оплатить все свои долги.

«Но ты же прогрессируешь», – отметил я.

« Мы все прогрессируем.

«Сколько жизней ты провела на Земле?»

« Восемьдесят шесть.

«Ты помнишь их все?»

« Когда мне это понадобится, я вспомню их.

Нам случалось прожить фрагменты или наиболее значительные моменты десяти-двенадцати жизней, которые позже повторялись. Очевидно, что на данном этапе жизни ей не нужно было помнить остальные семьдесят пять или около того. Она сделала значительный шаг

вперед, по крайней мере, в моем понимании. А то, как еще она может развиваться от этой точки, могло и не зависеть от воспоминаний о прошлых жизнях. Ее развитие в будущем даже могло не зависеть от меня или моей помощи.

Тихий шепот возобновился:

«Некоторые люди выходят на астральный план с помощью наркотиков, но тогда они не понимают, что с ними происходит. Однако им позволяют ступить туда.»

Я не спрашивал ее о наркотиках. Она начинала учить или делиться своими знаниями независимо от того, просил я ее об этом или нет.

«Ты можешь применять возможности своей психики для развития здесь, в этой жизни?» – спросил я. Похоже, что она растет и растет.

«Да. Это важно, но не так важно, как могло бы быть на других планах. Это часть развития и эволюции.»

«Важно для тебя и для меня?»

«Важно для нас всех.»

«Как нам развивать эти способности?»

«Вы развиваетесь с помощью отношений. Некоторые люди, обладающие определенной силой, должны будут вернуться и принести больше знаний. Они будут искать тех, кому нужно вырасти, и помогут им.»

Далее воцарилась долгая тишина. Выходя из сверхсознательного состояния, она попала в другую жизнь.

«Вижу океан. Вижу домик на берегу океана. Дом белый. Корабли приходят в порт и уходят в море. Я чувствую запах морской воды.»

«Ты находишься там?»

«Да.»

«Как выглядит этот домик?»

«Он маленький. На крыше у него есть что-то вроде башни... окно, из которого можно смотреть на океан. В окне что-то вроде телескопа. Медный, он из дерева и меди.»

«Ты пользуешься этим телескопом?»

«Да, смотрю в него на корабли.»

«Чем ты занимаешься?»

« Мы докладываем о приходе торгового судна в порт.

Я вспомнил, что в одной из прошлых жизней, когда она была Кристианом, моряком, чья команда погибла в морском сражении, она уже делала это.

«Ты моряк?» – спросил я, в поисках подтверждения своих мыслей.

« Не знаю, может быть.

«Можешь посмотреть, что на тебе надето?»

« Да. Какая-то белая рубашка и короткие штаны и ботинки с пряжками. Да, я буду моряком в этой жизни, но пока еще не стала им.

Она могла видеть будущее, но это заставило ее перескочить из этого момента вперед. Она задрожала, словно в агонии:

« Мне больно! Рука болит!

Несомненно, она снова была Кристианом и снова переживала морской бой.

«Там был взрыв?»

« Да... я чувствую запах пороха!

«С тобой все будет хорошо!» – заверил я ее, заранее зная исход битвы.

Она вновь разволновалась:

« Так много людей гибнет! Паруса разорваны! Часть борта унесло в море^[23]. Мы должны починить паруса. Их нужно починить.

«Тебе уже лучше?»

« Да. Но сшивать ткань парусов очень трудно.

«Ты можешь что-либо делать поврежденной рукой?»

« Нет, но я присматриваю за другими... парусами. Они сшиты из холста, какого-то вида холста, который трудно сшивать... Многие погибли. Им было очень больно.

Она всхлипнула.

«Что такое?»

« Больно... рука.

«Рука заживет. Продвигайся дальше. Ты снова плывешь на корабле?»

« Да.

Она перестала всхлипывать.

« Мы в Южном Уэльсе и наша задача – защищать побережье.

«Кто на вас напал?»

« Похоже, это испанцы. У них огромный флот.

«Что происходит дальше?»

« Я вижу только корабль. И порт. Там есть магазины. В некоторых магазинах изготавливают свечи. А в некоторых продают книги.

«Да. Ты часто заходишь в книжные магазины?»

« Да. Они мне очень нравятся. Книги чудесны... Вижу много книг вокруг. Вот красная, она про историю. Еще в ней написано про города. И разные страны. В ней есть карты. Мне очень нравится эта книга... Еще тут магазины, где продают шляпы.

«Есть ли поблизости место, где ты выпиваешь?» – я вспомнил, что Кристиан говорил про эль.

« Да их тут много. Здесь подают эль... очень темный эль... с каким-то мясом... баранина и хлеб, очень большой кусок хлеба. Эль очень горький, очень горький. Я чувствую его вкус. Здесь так же есть вино и длинные деревянные столы.

Я решил обратиться к ней по имени, чтобы посмотреть, как она отреагирует:

«Кристиан...» – сказал я со всей душевной теплотой.

Она ответила громко и без промедлений:

« Да. Что тебе нужно?

«Где твоя семья, Кристиан?»

« В соседнем городке. Мы отплываем из этого порта.

«Твоя семья – это кто?»

« У меня есть сестра... сестра, ее зовут Мэри.

«А где твоя девушка?»

« У меня ее нет. Я встречаюсь с женщинами из города.

«Никого особенного?»

« Нет... просто женщины... я вернулся к плаваниям. Я участвовал во многих битвах, но выжил.

«Ты стареешь...»

« Да.

«Ты когда-нибудь был женат?»

« Похоже на то. Я вижу кольцо.

«У тебя есть дети?»

« Да. Мой сын тоже будет моряком... Вижу кольцо в виде руки. Рука что-то держит. Не вижу, что именно. Кольцо – это рука; рука, что-то сжимающая.

Кэтрин начала усиленно сглатывать. Ее явно подташнивало.

«Что-то не так?»

« Людей тошнит... это от местной пищи. Мы съели испорченную еду. Соленую свинину.

Я переместил ее дальше во времени, и тошнота прекратилась. Я решил, что не стоит снова заставлять ее переживать сердечный приступ Кристиана. Она уже была истощена, и поэтому я вывел ее из транса.

Глава 14

Прошло три недели перед тем, как мы с Кэтрин встретились снова. Я немного приболел, а она уехала отдыхать, поэтому получилась такая задержка. Все это время состояние Кэтрин продолжало улучшаться, но когда мы начали сеанс, она показалась мне встревоженной. Она заявила, что чувствует себя настолько хорошо и у нее все так прекрасно, что она сомневается, может ли ей еще как-то помочь гипноз. Конечно же, она была права. В обычных обстоятельствах мы могли бы закончить работу уже несколько недель назад. Мы продолжали частично из-за моего интереса к тому, что скажут Учителя, а частично из-за того, что в жизни Кэтрин еще оставались мелкие нерешенные проблемы.

Кэтрин практически выздоровела, и воспоминания из прошлых жизней стали повторяться. Но что, если Учителя могли что-то еще сообщить мне? Как нам общаться без Кэтрин? Я знал, что она продолжила бы встречи, если бы я настоял. Но я чувствовал, что не имею права настаивать. С некоторой грустью я согласился с ней. Мы поболтали о событиях прошедших трех недель, но без особого энтузиазма.

Прошло пять месяцев. Состояние Кэтрин продолжало улучшаться. Страхи и тревоги почти сошли на нет. Качество жизни и ее отношений значительно улучшилось. Она начала встречаться с другими мужчинами, хотя Стюарт все еще маячил на горизонте. Впервые с тех пор, как она была маленькой девочкой, она почувствовала удовольствие от жизни и была по-настоящему счастлива. Иногда мы случайно пересекались в коридоре или в очереди в кафе, но разговоров как у врача и пациента у нас больше не было.

Прошла зима, и наступила весна. Кэтрин попросила о встрече в офисе. Вот уже несколько раз ей снился сон о каком-то религиозном жертвоприношении, в ритуале которого присутствовали змеи в яме. Людей, включая и ее, заставляли прыгать в яму. Она была в этой яме, пыталась выбраться, цепляясь за песочные стены ногтями. Змеи были как раз под ней. В этот момент она просыпалась с учащенным сердцебиением.

Несмотря на долгий перерыв, она легко вошла в глубокий гипнотический транс. Неудивительно, что она попала прямо в древние времена.

« Там, куда я попала, очень жарко. Вижу двух черных мужчин, которые стоят у сырых и холодных каменных стен. На них надеты шлемы. Над правыми лодыжками у них завязаны веревочки. В эту веревочки вплетены бусины и кисточки. Они строят хранилище из камней и клея и кладут туда пшеницу или какое-то перемолотое зерно. Зерно привозят на повозке с железными колесами. Повозка покрыта ткаными ковриками. Вижу воду, ярко-голубого цвета. Кто-то главный, вероятно, начальник, отдает приказы остальным. От зернохранилища вниз ведут три ступени. Снаружи стоит статуя какого-то бога. У него голова животного, а тело человека. Он бог времен года. Стены промазаны какой-то смолой, чтобы через них не проникал воздух, и зерно не гнило. У меня чешется лицо. Вижу, что в мои волосы вплетены голубые бусины. Вокруг летают жуки или мухи, из-за которых у меня чешется лицо. Мне приходится чем-то мазать лицо, чтобы они меня не трогали... эта штука ужасно вонючая, она из сока какого-то дерева.

« Мои волосы заплетены в косы, а в них вплетены бусины и золотые нити. У меня черные волосы. Я – представитель королевского дома. И здесь я из-за какого-то праздника.

Мне нужно присутствовать при жертвоприношении... для того, чтобы умиловить богов перед сбором урожая. В жертву приносят животных, людей – никогда. Кровь жертвенных животных бежит по белому песку в чашу... и попадает в пасть змеи. У мужчин на головах маленькие золотые шапочки. Здесь все темнокожие. Наши слуги прибыли из других стран, из-за моря...

Она замолчала, и мы стали ждать, словно этих пяти месяцев и не было. Она была очень сосредоточена, словно прислушивалась к чему-то.

« Все так быстро и сложно... я о том, что они говорят мне... об изменениях, росте, и разных планах... Существуют планы осознания и планы перехода. Мы приходим из одной жизни, и если мы усвоили все уроки, то идем в иное измерение, в иную жизнь. Мы должны понять все до конца. Если мы этого не сможем, нас не пустят на следующий уровень...

нам придется повторить все, потому что мы ничему не научились. Мы должны получить всесторонний опыт. Мы должны знать все стороны желания, но также уметь отдавать... Нам нужно столько всего узнать, и столько духов вовлечено в этот процесс. Поэтому мы здесь. Учителя... лишь одна часть данного плана.

Кэтрин замолчала, а потом заговорила голосом Учителя-Поэта. Он обращался ко мне:

« То, что мы говорим тебе, нужно сейчас. Ты должен учиться, следуя собственной интуиции.

Через несколько минут Кэтрин заговорила своим обычным шепотом:

« Вижу черный забор... а за ним могильные плиты. И там есть ваша.

«Моя?» – переспросил я удивленно.

« Да.

«Ты можешь прочитать, что там написано?»

« Вас зовут Нобель, годы жизни 1668–1724. На могиле лежит цветок. Могила в России или во Франции. На вас была красная форма... вас сбросила лошадь... У вас золотое кольцо... с головой льва... которое вы используете как личную печать.

Это было все. Я воспринял сообщения Учителя как сообщение о том, что общения через Кэтрин больше не будет, и это действительно было так. Больше сеансов так и не состоялось. Ее лечение было окончено, а я узнал все, что мог из перемещений в другие жизни. Все, что я хотел узнать еще, мне предстояло узнать с помощью интуиции.

Глава 15

Через два месяца после нашего последнего сеанса Кэтрин позвонила и назначила мне встречу. Она сказала, что у нее есть нечто интересное для меня.

Когда она вошла в офис, присутствие новой, счастливой, улыбающейся Кэтрин, излучающей внутреннее спокойствие, удивило меня. На какой-то момент вспомнилась старая Кэтрин и то, насколько она продвинулась за такое короткое время.

Кэтрин ездила к Айрис Зальцман, известному психоастрологу, которая специализировалась на чтении прошлых жизней. Я был слегка удивлен, но понял любопытство Кэтрин и ее потребность поискать подтверждения со стороны тому, что ей довелось пережить. Я был рад, что она, не сомневаясь ни в чем, стала заниматься этим.

Кэтрин недавно услышала об Айрис от своего друга. Она позвонила Айрис и записалась к ней на прием, ничего не говоря о том, что происходило в моем офисе.

Айрис спросила только время, дату и место ее рождения. По этим данным, как сказала Айрис, она нарисует колесо, которое с помощью интуиции Айрис поможет ей узнать детали прошлых жизней Кэтрин.

Это был первый опыт обращения Кэтрин к экстрасенсу, и она не знала, чего ей ожидать. К своему изумлению, Кэтрин услышала от Айрис большую часть того, что сама уже знала, благодаря сеансам гипноза. Айрис постепенно ввела себя в измененное состояние, разговаривая и делая пометки на нарисованном астрологическом графике. Через несколько минут ей удалось полностью погрузиться в это состояние, и она стала хвататься за свое горло, заявив, что в предыдущей жизни Кэтрин была изгнана и ей перерезали горло.

Горло ей перерезали во время войны, и Айрис видела сполохи огня и разрушение деревень, которое происходило несколько веков назад. Она сказала, что Кэтрин в то время была молодым юношей.

Описывая Кэтрин как молодого человека в форме моряка, в коротких черных брючках и старых туфлях с пряжками, казалось, Айрис видит все

своими глазами. Внезапно она схватилась за свою левую руку и почувствовала ужасающую боль, воскликнув, что нечто острое вонзилось в ее руку, и шрам от пореза остался навсегда. Шли масштабные морские бои, вдали от побережья Англии. Далее она описывала жизнь моряка.

Далее Айрис описала еще несколько фрагментов прошлых жизней. Был коротенький эпизод жизни в Париже, где Кэтрин снова была мальчиком и умерла очень рано, в бедности. Еще в одной жизни она была индианкой и жила на побережье во Флориде. Тогда она была целительницей и ходила босиком. Она была темнокожей со странными глазами. Она прикладывала целительные масла к ранам и лечила всех растительными лекарствами, а также была экстрасенсом. Ей нравилось носить украшения из голубых камней, ляпис-лазури, с красным камнем посередине.

Еще в одной жизни Кэтрин была испанкой и вела образ жизни проститутки. Ее имя начиналось на букву Л. Она жила вместе с мужчиной много старше ее.

Как-то она была незаконнорожденной дочерью богача со множеством титулов. Айрис видела фамильную символику на кружках, которые были в большом доме. Она сказала, что Кэтрин была светленькой девушкой с длинными пальцами. Она играла на арфе. Замуж ее выдали по воле родителей. Кэтрин очень любила животных, особенно лошадей, и относилась к ним гораздо лучше, чем к людям.

Она также прожила коротенькую жизнь как мальчик из Марокко, который умер в детстве из-за болезни. Он жил на Гаити, говорил на местном языке и занимался магическими практиками.

В древности она была египтянкой и участвовала в похоронных ритуалах их культуры. Ее волосы были заплетены в косы.

Несколько жизней у нее прошли во Франции и Италии. В одной из них она жила во Флоренции и занималась религиозными практиками. Затем она переехала в Швейцарию и ушла в монастырь. Она была женщиной, и у нее было два сына. Она обожала золото и золотые фигурки и носила на шее золотой крестик. Во Франции она была заключенной в какой-то холодной и темной камере.

Еще в одной из жизней Айрис увидела Кэтрин мужчиной в красной униформе, находящимся среди лошадей и солдат. Форма была красная с золотом, возможно, русская. А в следующий раз она была нубийцем из Древнего Египта. Когда-то ее похищали и бросали в темницу. А в другой раз она становилась мужчиной из Японии, который занимался книгами и преподаванием. Тогда она работала в школах и прожила до старости.

И наконец, она дошла до жизни, которую мы открыли не так давно, где Кэтрин была немецким солдатом и была убита в сражении.

Я был поражен тем, как точно Айрис смогла описать детали прошлых воплощений Кэтрин. Совпадения с воспоминаниями самой Кэтрин под гипнозом были потрясающими – ранение Кристиана в руку, которое он получил в морском сражении, и описание его брюк и туфель; жизнь испанской проститутки Луизы; Аронда и египетские захоронения; Йохан, молодой рейдер, которому в предыдущей инкарнации перерезал горло Стюарт за то, что его деревня сгорела; Эрик, погибший немецкий пилот, и так далее.

Также были совпадения и с реалиями нынешней жизни Кэтрин. Например, Кэтрин очень любила голубые украшения, особенно из ляпис-лазури. Однако она не надевала их, когда пришла к Айрис. Она всегда любила животных, особенно кошек и лошадей, и чувствовала себя с ними безопаснее, чем с людьми. И если бы ей пришлось выбирать единственное место, куда она могла бы поехать, то это была бы Флоренция.

Никоим образом я не хочу назвать пережитый опыт научным экспериментом. Я никак не мог контролировать переменные. Но все это было, и я думаю, что важно было написать об этом.

Я не совсем понял, что произошло в тот день. Возможно, Айрис бессознательно использовала свои телепатические способности и «прочитала» то, что было в голове у Кэтрин – а ведь все воспоминания из прошлых жизней были в ее подсознании. А может, Айрис действительно могла получать информацию о прошлых жизнях с помощью способностей своей психики. Однако все это было, обе они получили одну и ту же информацию разными способами. То, что

открылось Кэтрин благодаря гипнозу, Айрис узнала через психические каналы.

Очень немногие могут сделать то, что сделала Айрис. Многие из тех, кто называют себя экстрасенсами, просто наживаются на страхах людей, а также на их любопытстве к неизведанному. В наши дни фокусы «экстрасенсов» кажутся топорными. Популярность книг, вроде книги Ширли Мак-Лэйн «Out on a Limb», подарила нам целую прорву «медиумов». Некоторые просто шатаются без дела, рекламируют себя только в округе, где они живут. Они сидят «в трансе» и говорят восторженным и благоговеющим слушателям всякие банальности типа «если вы не живете в гармонии с природой, то она не будет жить в гармонии с вами». Обычно это произносится голосом, не похожим на естественный голос «медиума», и часто дополнительно искажается акцентом или чем-нибудь еще. Сами сообщения очень расплывчаты и подходят большинству людей. Зачастую эти сообщения касаются потусторонних мотивов, и их трудно оценить. Очень важно уметь отличать правду от лжи и не дискредитировать данную область такими «специалистами».

Для того чтобы проделать эту важную и сложную работу, необходимы специалисты, например в области поведения. Нужны психиатры для проведения диагностики, чтобы отличить душевную болезнь, симуляцию (притворство) и социопатические (агрессивные) тенденции. Специалисты в области статистики, психологии и медицины также нужны для подобных проверок и последующего тестирования. Все важные шаги, которые предстоит совершить в данной области, должны быть совершены посредством научных методов. В науке гипотеза, которая формулируется на основе результатов серии наблюдений, призвана объяснить некое явление. И с этого момента гипотезу необходимо проверять в контролируемых условиях. Результат этих проверок следует проверить и подтвердить до того, как начинать формулировать непосредственно теорию. Если у ученых готова, по их мнению, теория, то ее нужно снова и снова проверять – и этим должны заниматься другие ученые, а результаты должны быть теми же.

Детальные, научно обоснованные исследования доктора Джозефа Б. Райна в Университете Дюка, доктора Йена Стивенсона на факультете психологии Университета Вирджинии, доктора Гертруды Шмайдлер в Городском колледже Нью-Йорка и многих других серьезных ученых доказывают, что это сделать возможно.

Глава 16

Со времени лечения Кэтрин прошло практически 4 года, и я уже многим успел рассказать об этих удивительных событиях. Мы сильно изменились, и эти изменения произошли глубоко в наших душах.

Иногда, случайно, она заглядывает в мой офис просто поздороваться или обсудить ту или иную проблему. У нее больше никогда не возникало ни желания, ни потребности снова погрузиться в гипноз, избавиться от каких-то симптомов или узнать, кем могли быть в прошлых жизнях окружающие ее люди. Наша работа окончена. Кэтрин ощущает себя свободной и способной в полной мере наслаждаться жизнью. Она нашла то самое ощущение счастья и наполненности, которое ранее было практически недостижимо для нее. Она больше не боится болезней или смерти. В ее жизни появились смысл и цель, и потому она живет в полной гармонии с собой и окружающим миром. Она излучает ту самую умиротворенность, о которой многие мечтают, но мало кому ее удастся достичь. Она не сомневается в том, что все это настоящее, и принимает все это как часть самой себя. Ей было неинтересно участвовать в исследованиях этих необычных явлений, потому что тому, что она «чувствует», невозможно научиться по книгам или на лекциях. Люди, которые умирали, или те, кто находятся рядом с умирающим родственником, часто просили ее о помощи. Казалось, их влечет к ней. А она просто сидит и разговаривает с ними, и им становится лучше.

Моя жизнь изменилась так же значительно, как и жизнь Кэтрин. Моя интуиция стала сильнее, я начал лучше чувствовать то, что мои пациенты, друзья и коллеги пытались скрыть или спрятать. Похоже, я даже знал о них больше, чем мне следовало знать. Мои ценности и жизненные цели стали более ориентированными на других и менее эгоистичными. Экстрасенсы, целители, медиумы стали появляться в моей жизни все чаще и чаще, и я стал постоянно оценивать их способности. Кэрол также росла вместе со мной. Она достигла высокого мастерства в консультировании по вопросам смерти и умирания и сейчас ведет группы поддержки умирающих от СПИДа.

Я увлекся медитацией – то есть начал заниматься тем, чем, по моему мнению, занимались только индусы и калифорнийцы. То, что я узнал от Кэтрин, стало осознанной частью моей повседневной жизни. Помня о глубинном смысле жизни, о смерти как части повседневности, я стал более чутким, терпеливым и любящим. Я также чувствую, что несу ответственность за все свои поступки, как за плохие, так и за возвышенные. Я знаю, что должен буду заплатить за все. Все, что происходит вокруг, реально.

Я все еще пишу научные статьи, читаю лекции профессионалам и возглавляю отделение психиатрии. Но сейчас я как бы стою на грани двух миров: один из них – мир, который мы воспринимаем с помощью наших пяти чувств, представленный нашими физическими телами и физическими потребностями; и более обширный мир нефизических планов, который представлен нашими душами и дүхами. Я знаю, что эти два мира связаны. Моя задача – связать эти два мира и очень аккуратно и научно обосновать их единство.

Моя семья процветала. Оказалось, Кэрл и Эми обладали психическими способностями выше среднего, и мы играючи поддерживали их развитие. Джордан вырос в сильного и обаятельного юношу, настоящего лидера. И я, наконец, стал менее серьезным. И еще иногда мне снятся необычные сны. В течение нескольких месяцев после последнего сеанса с Кэтрин у меня во снах стала вырисовываться необычная тенденция. Периодически мне снились очень живые сны, в которых я слушал лекцию или задавал вопросы лектору. Учителя в этих снах звали Фило. Просыпаясь, я иногда помнил то, что мы обсуждали, и записывал это.

Приведу несколько примеров. Когда мне впервые приснилась лекция, я понял, что она навеяна посланиями Учителей.

« ...Мудрость приходит очень постепенно... это происходит потому, что знание получить несложно, но не так просто перевести его на уровень эмоций и подсознания. Но когда это получается, след этого знания остается навечно. Поведение в соответствии с этими понятиями – необходимый катализатор укрепления знаний. Если не

подкреплять знания действиями, то знания побледнеют и сотрутся. Теоретическое знание без практического подкрепления – ничто.

« Балансом и гармонией нынче пренебрегают, а они являются основой мудрости. Все сейчас делается сверх меры. Люди едят слишком много – и набирают излишний вес. Те, кто бегают по утрам, пренебрегают своими особенностями и особенностями других – и нагружают себя сверх меры. Люди излишне мнительны. Они пьют слишком много, курят слишком много, гуляют слишком много (или слишком мало), говорят слишком много бессмыслицы, слишком много беспокоятся. Очень многие люди мыслят в категориях черного и белого. Все или ничего. Это против природы.

« В природе существует баланс. Звери разрушают что-то, но очень мало. Экологические системы не исчезают массово. Звери питаются растениями, а потом растения вырастают снова. Запасы питания опустошаются и пополняются. Цветками наслаждаются, фрукты едят, корни сохраняют.

« Люди ничего не знают о балансе и не знают, как его поддерживать. Люди подвижны жадностью и амбициями, подавлены страхом. Если они будут продолжать в том же духе, то уничтожат себя. Но природа уцелеет. По крайней мере, растения.

« Счастье заключается в простоте. Тенденция к чрезмерности в мыслях и действии ослабляет ощущение счастья. Чрезмерность затуманивает базовые ценности. Религиозные люди говорят, что счастье приходит через наполнение сердца любовью, через надежду и веру, практику милосердия и доброты. И на самом деле они правы. Если следовать их словам, то можно достигнуть гармонии и баланса. На самом деле это основа существования общества. В наши дни люди словно находятся в измененном состоянии сознания. Такое ощущение, что человечество не знает, как существовать на Земле. Людям надо изменить сознание, чтобы наполниться любовью, милосердием, простотой, почувствовать чистоту и избавить себя от хронической боязни.

« Как можно достичь этого состояния сознания, изменить систему ценностей? И как, достигнув раз, поддержать это? Ответ очень прост.

Об этом говорят все религии. Человечество бессмертно, мы призваны выучить определенные уроки. Мы здесь как в школе. Все становится так просто, когда начинаешь верить в бессмертие.

« Если часть человечества бессмертна (и этому существует множество доказательств), то почему же мы сами себе делаем хуже? Почему мы наступаем на других и переступаем через них ради собственной выгоды? Хотя на самом деле таким образом мы заваливаем урок? Мы в итоге все окажемся в одном и том же месте, кто-то раньше, кто-то позже. Нет людей более великих, чем остальные.

« Учитывайте то, что вы смогли выучить. На самом деле все знания изначально у нас в голове, но нам необходимо актуализировать их, сделать подсознательный «отпечаток» постоянной нормой поведения путем преобразования его в эмоциональное знание и применения его в жизни. Запомнить все, что говорили в воскресной школе, недостаточно. Разговоры без реальных действий никому не помогут. Очень легко говорить или читать о любви, милосердии и вере. Но вести себя в соответствии с этими понятиями, прочувствовать это можно только с измененным сознанием. Но речь идет не о состоянии после употребления алкоголя, наркотиков или в результате неожиданной эмоции. Постоянство этого состояния достигается с помощью знания и поведения. И поддерживается оно постоянным поведением, делами и практикой. Получается какое-то чудо, когда все это становится ежедневной нормой поведения.

« Поймите, что нет людей, более великих, чем остальные. Почувствуйте это. Помогайте друг другу. Мы все плывем в одной лодке. Если мы не сможем взаимодействовать, то наши посевы не взойдут.

В другую ночь и в другом сне я задал такой вопрос: «Ты говоришь, что все равны, а жизнь бросает нам в лицо множество фактов, подтверждающих, что это не так – у всех разные добродетели, темпераменты, достаток, права, способности и таланты, интеллект, математические способности и так до бесконечности. Как это может быть?»

Мне ответили метафорой:

« Представь, что в каждом человеке есть огромный бриллиант. Представьте, что он длиной в фут^[24]. У бриллианта тысячи граней, но грани покрыты грязью и пылью. Работой души является очищение каждой грани до такой степени, чтобы она сверкала и отражала весь спектр красок.

На данный момент кому-то удалось очистить множество граней, и они сияют. Кому-то удалось очистить лишь немного, и они блестят не так сильно. Однако у каждого в груди под слоем грязи есть бриллиант с тысячами сияющих граней. Этот бриллиант совершенен, без единого недостатка. Единственным различием между людьми является количество очищенных граней. Но все бриллианты одинаковы, и каждый из них совершенен.

Когда все грани очищены, и бриллиант сияет всеми цветами радуги, он возвращается к той первоначальной энергетике, которой был наделен изначально. Свет остается прежним. Словно та энергия, которая уходит на очищение этого бриллианта, сохраняется, а давление высвобождается. Чистая энергия есть в радуге, и радуга эта состоит из знаний и сознания.

Все бриллианты совершенны.

Иногда вопросы бывают сложными, а ответы на них простыми. «Что я должен делать? – спросил я во сне. – Я знаю, что могу лечить и помогать людям, испытывающим боль. Они приходят ко мне в таком количестве, что я не справляюсь. Я так устал. Но могу ли я отказать им, если им так нужна помощь, а я действительно могу им помочь? Будет ли правильным сказать „все, на сегодня достаточно“?»

Ответ был таким:

« Твоя роль – это не роль проводника.

В качестве последнего примера приведу цитату высказывания одного из психиатров. Я проснулся в шесть утра и вспомнил, что во сне я читал лекцию большому количеству психиатров.

« На пути к тому, чтобы полностью перевести психиатрию в разряд медикаментозных областей, необходимо не забывать традиционную, хотя и несколько размытую, школу нашей профессии. Мы практически единственные врачи, которые действительно разговаривают с нашими

пациентами, терпеливо и с сочувствием. У нас есть на это время. Мы должны полностью понимать болезнь, лечить с пониманием и делать акцент на получении знаний о самом себе, а не на лечении лазером или чем-то еще. Мы все еще используем надежду в качестве лекарства.

« В наши дни в других областях медицины старые подходы признают не столь эффективными. Технологии нынче авторитетнее разговоров; химия компьютерных технологий предпочтительнее химии личного общения, которое и пациента лечит, и доктору доставляет удовольствие. Подходы, ориентированные на идеалистические, этические, поощряющие развитие личности аспекты, проигрывают методам, ориентированным на экономический рост, эффективность, обособление и разрушение личности. В результате наши коллеги чувствуют себя одинокими и подавленными. В результате пациенты оказываются под давлением, чувствуют себя опустошенными и брошенными.

« Нам не следует поддаваться соблазнам новых технологий. Напротив, мы должны быть ролевыми моделями для наших коллег. Мы должны показывать, как терпение, понимание и сочувствие помогают и врачам, и пациентам. Отводя больше времени разговорам, обучению, пробуждению надежды и ожиданию выздоровления – то, что психиатры как лекари уже давно позабыли, – мы должны использовать это все и быть примером нашим коллегам-врачам.

« Высокие технологии прекрасны в медицинских исследованиях и просвещении. Они могут быть превосходным клиническим инструментом, но никогда не заменят тех личностных качеств и методов, которые свойственны настоящим врачам. Психиатрия может стать одной из самых признанных областей медицины. Мы учителя. Мы не должны бросать это ради уподобления окружающим, особенно сейчас.

Мне до сих пор снятся такие сны, хотя это происходит скорее случайно. Часто в процессе медитации или когда я еду по шоссе, иногда даже в процессе размышлений, у меня в голове возникают мысли, фразы или образы. Зачастую они сильно отличаются от моего привычного образа мышления или от привычных мне понятий. И часто они приходят очень вовремя и помогают решить какие-то проблемы, которые мучают

меня в данный момент. Я использую их и в терапии, и в повседневной жизни. Мне кажется, что эти явления – следствие развития моей интуиции, и я следую им. Для меня это знаки того, что я иду в правильном направлении, даже если путь не близок.

Я прислушиваюсь к своим снам и интуиции. И когда я так делаю, все встает на свои места. Когда я сбиваюсь, что-то каким-то образом рушится.

Я до сих пор чувствую, что Учителя рядом. Не знаю, они ли диктуют мне мои интуитивные озарения и сны, но подозреваю, что это так.

Эпилог

Книга окончена, но история продолжается. Кэтрин до сих пор здорова, и симптомы не возвращаются. Очень аккуратно я лечу других пациентов с помощью гипноза. Я действую, исходя из индивидуального сочетания симптомов и из того, какому виду лечения он или она поддается, из способности входить в гипнотический транс – и из того, что мне подсказывает интуиция. Со времени работы с Кэтрин мне удалось детально изучить множество прошлых жизней еще дюжины пациентов. Никто из них не страдал психотическими расстройствами, галлюцинациями или болезнью множественной личности. И все быстро поправились.

У всех двенадцати пациентов были абсолютно несопоставимые биографии и истории. Еврейская домохозяйка из Майами Бич очень четко помнила, как была изнасилована группой римских солдат в Палестине вскоре после смерти Иисуса. В девятнадцатом веке у нее был свой бордель в Новом Орлеане, в Средние века она жила в монастыре во Франции, и вела очень беспокойную жизнь в Японии. Она – единственная из пациентов, кто, кроме Кэтрин, мог передавать послания из промежуточного состояния. Ее послания были феноменальны. Она так же знала факты и события из моей жизни. Она даже могла предсказывать будущее. Послания ее исходили от определенного духа, и сейчас я аккуратно записываю все, что было сказано во время сеансов с ней. Я все-таки еще и ученый. Весь материал сессий с ней необходимо тщательно исследовать, оценить и объяснить.

Остальные не могли ничего вспомнить, кроме умирания, выхода из тела, парения к свету. Никто не передавал мне больше посланий. Но у всех были очень яркие воспоминания о прошлых жизнях. Например, преуспевающий биржевой маклер жил очень приятной, но довольно скучной жизнью в викторианской Англии. Художника пытали во времена испанской инквизиции. Владелец ресторана, который боялся и потому не мог ездить на машине по мостам и тоннелям, вспомнил, что был похоронен заживо в какой-то древней ближневосточной стране.

Молодой врач вспомнил свое ранение на море в те времена, когда был викинг. Телевизионный продюсер подвергся пыткам шестьсот лет назад во Флоренции. Этот список можно продолжать долго.

Эти люди помнили и другие свои жизни. Симптомы исчезали по мере того, как прошлые жизни вспоминались. Каждый из них верит в то, что жил несколько раз и будет жить еще не однажды. Страх смерти у них исчез.

Совсем не обязательно всем проходить через вспоминание пошлых жизней или посещать экстрасенса или медиума. Возможно, те, кому симптомы осложняют жизнь, предпочтут так поступить. Для остальных достаточно быть открытыми сознанием. Поймите, что жизнь – это больше, чем кажется на первый взгляд. Жизнь простирается далеко за границы наших пяти чувств. Будьте восприимчивы к новым знаниям и новому опыту. Наша задача – учиться и приближаться к Богу посредством знания.

Теперь меня не волнует, как написание этой книги скажется на моей карьере. Информация, которой я должен поделиться с людьми, намного важнее, и если я все делаю правильно, то это важнее для мира в целом, чем все то, что я могу сделать в офисе.

Надеюсь, то, что вы прочли здесь, вам поможет справиться с вашим страхом смерти, и то, что сказано здесь об истинном смысле жизни, поможет вам начать жить полной жизнью, в поисках гармонии и внутреннего мира и любви к своим собратьям на Земле.

Об авторе

Закончив с отличием Колумбийский университет и получив докторскую степень в Йельском медицинском колледже, Брайан Л. Вайсс поступил в интернатуру в Медицинском Центре Бельвью при Нью-Йоркском университете и быстро вырос до заведующего кафедрой психиатрии в Йельском университете. В настоящее время доктор Вайсс глава отделения психиатрии в медицинском Центре Горы Синай в Майами Бич (Флорида) и заместитель заведующего кафедрой психиатрии на медицинском факультете университета Майами. Его специализация – лечение депрессий, тревожности, расстройств сна, наркомании и алкоголизма, болезни Альцгеймера, а также изучение химических процессов мозга.

Примечания

1

Рейчел в настоящем времени – ее племянница. У них всегда были особо близкие отношения.

[Вернуться](#)

2

Эти события происходили на двести лет раньше жизни великого философа Диогена – стало быть, имя Диоген было распространенным.

[Вернуться](#)

3

Педиатр, который посоветовал ей прийти ко мне на прием.

[Вернуться](#)

4

В смысле, меня.

[Вернуться](#)

5

По крайней мере, это так звучало.

[Вернуться](#)

6

Очевидно, это какой-то пиратский рейд.

[Вернуться](#)

7

Педиатр, еще раз представший в образе отца.

[Вернуться](#)

8

Голос Кэтрин стал испуганным, а сама она задрожала.

[Вернуться](#)

9

Имеется в виду, кто он в текущей жизни Кэтрин.

[Вернуться](#)

10

В голосе Кэтрин чувствовалось сомнение.

[Вернуться](#)

11

Имеется в виду – как кого-то из ее нынешней жизни

[Вернуться](#)

12

Кэтрин морщится, не открывая глаз.

[Вернуться](#)

13

Кэтрин начинает дрожать.

[Вернуться](#)

14

Это противоречит последним рассказам Кэтрин о переживаниях после смерти.

[Вернуться](#)

15

Очевидно, что она только сейчас осознала этот эпидемиологический аспект.

[Вернуться](#)